

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
(ИНИОН РАН)

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 5

ИСТОРИЯ

2022 – 1

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 5.2

МОСКВА 2022

ББК 63
С 69

DOI: 10.31249/rhist/2022.01.00

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Отдел истории

Редакционная коллегия серии «История»:

А.А.-Г. Алиев – главный редактор, д-р ист. наук (ИНИОН РАН); *Т.Б. Уварова* – зам. главного редактора, д-р ист. наук (ИНИОН РАН, профессор ЦСА РГГУ); *О.Л. Александри* – ответственный секретарь (ИНИОН РАН); *И.Е. Андронов* – д-р ист. наук (профессор МГУ им. М.В. Ломоносова); *А.А. Анисимова* – канд. ист. наук (ИВИ РАН, доцент ГАУГН); *В.Н. Бабенко* – д-р. ист. наук (профессор ЦНИ ВГЮО); *О.В. Большакова* – канд. ист. наук (ИНИОН РАН); *Д.М. Бондаренко* – член-корреспондент РАН, д-р ист. наук, профессор, заместитель директора по науке Института Африки РАН; *А.Ю. Ватлин* – д-р ист. наук (профессор МГУ им. М.В. Ломоносова); *Дж. Лами* – профессор Миланского государственного университета, Италия; *В.П. Любин* – д-р ист. наук (ИНИОН РАН); *А.Е. Медовицев* – ст. научн. сотрудник (ИНИОН РАН); *Т.М. Фадеева* – канд. ист. наук (ИНИОН РАН), *В.М. Шевырин* – канд. ист. наук (независимый эксперт)

ISSN 2219-875X

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература». Серия 5: «История» = Information and analytical journal «Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature». Series 5: «History». Входит в базы цитирования: РИНЦ, Google Scholar, East Europe & Central Europe Database компаний ProQuest, Ulrichs Periodicals Directory, базы данных Российской государственной библиотеки, Russian Academy of Sciences Bibliographies, библиографические базы данных ИНИОН РАН. Полнотекстовая версия журнала с 2016 г. размещается в базах данных серии Ultimates компаний EBSCO Publishing на платформе EBSCOhost.

© «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История», информационно-аналитический журнал, 2022

© ФГБУН Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук, 2022

Обращение к читателям

Дорогие коллеги! Следующий год для нас юбилейный: в 2023 г. исполнится 50 лет со дня выхода в свет первого номера реферативного журнала «История».

В условиях ограниченного доступа к научным публикациям, отражающим новации в сфере исторических исследований в нашей стране и за рубежом, наш журнал при помощи рефераторов и обзоров книжных новинок успешно выполнял функции посредника между учеными и функции путеводителя в обширном информационном потоке по всем историческим дисциплинам.

Теперь появились возможности для ознакомления с книжными и журнальными публикациями в режиме *online*, и перед нами встало задание изменить не только лицо журнала, жанры публикаций, но и его научную направленность, для того чтобы быть включенными в список журналов ВАК, чего мы надеемся добиться в ближайшее время, а также войти в системы индексации SCOPUS, WOS, RSCI. С этой целью мы планируем отдавать предпочтение таким жанрам, как статьи, аналитические обзоры, рецензии, научные переводы, увеличив таким образом долю научно-аналитических публикаций до 75% и значительно снизив долю рефераторов.

Журнал, не меняя своей задачи систематически знакомить читателей с новациями в области исторических дисциплин, из реферативного уже стал информационно-аналитическим. Он приглашает научную общественность на площадку для дискуссий и предоставляет возможности для научных публикаций. На сайте ИНИОН РАН находится страничка нашего журнала, где можно подробно ознакомиться с его спецификой, условиями публикации и правилами оформления научных материалов.

В этом году научные и библиотечные подразделения ИНИОН начинают переселение в восстановленное после пожара здание на Нахимовском проспекте, и у всех нас появится возможность для личных встреч с нашими верными друзьями коллегами-историками на регулярных конференциях, где можно будет обсудить также и пути совершенствования информационно-аналитического журнала «Социальные и гуманитарные науки. Серия 5. История».

Редакционная коллегия

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Камари Д.М. Этруски на Пиренейском полуострове : мифы и реальность	9
--	---

ОБЗОРЫ

Бабенко О.В. Новые белорусские исследования по истории Польского восстания 1863–1864 гг. (Обзор)	21
Бабенко О.В. Новые научные труды о российских либералах конца XIX – начала XX в.	41
Минц М.М. Голод в СССР 1930–1933 гг.	53
Фадеева Т.М. Праворадикальные партии и движения в Европе в современной западной литературе	69

РЕЦЕНЗИИ

Дунаева Ю.В. <i>Рецензия на кн.</i> : Валькова О.А. Жизнь и удивительные приключения астронома Субботиной	82
Дунаева Ю.В. <i>Рецензия на кн.</i> : Из двух углов : отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е годы). Волошина В.Ю., Грузданская В.С., Колеватов Д.М., Корзун В.П.	88

РЕФЕРАТЫ

Реф. кн. : Голубев С.И. Монарх, нация и свобода. Очерки истории немецкой общественно-политической мысли последней трети XVIII в.	95
Реф. кн. : Дударев В.С. Бисмарк и Россия 1851–1871 гг.	101
Реф. кн. : Нефедов В.В. СЕПГ и культура ГДР.	107

<i>Реф. кн.</i> : Тимофеев А.Ю. Война после войны. Движение Сопротивления на Балканах 1945–1953	113
<i>Реф. кн.</i> : Крыжановский А.В. Друзья-соперники : США и объединяющаяся Европа в период холодной войны	120
<i>Реф. кн.</i> : Каэн К. Турция до османских султанов. Империя великих сельджуков, тюркское государство и правление монголов (1071–1330)	127
<i>Реф. кн.</i> : Почекаев Р.Ю. Российский фактор правового развития Средней Азии 1717–1917. Юридические аспекты фронтальной модернизации	132
<i>Реф. кн.</i> : Попова Т.Н. Пётр Михайлович Бицилли : портрет в манере «сфумато»	139
<i>Реф. кн.</i> : Юрлова Е.С. Б.Р. Амбедкар. Жизнь, творчество, наследие	143

ЖИЗНЬ НАУКИ

XIV Конгресс антропологов и этнологов России : материалы ...	149
--	-----

CONTENTS

ARTICLES

- Kamari D. Etruscans in the Iberian peninsula: Myths and reality 9

OVERVIEWS

- Babenko O.V. New belarusian studies on the history of the Polish uprising of 1863–1864 21
Babenko O.V. New scientific works on russian liberals of the late XIX – early XX century 41
Mints M.M. Soviet famine of 1930–1933 53
Fadeeva T.M. Right-wing radical parties and movements in Europe in contemporary western literature 69

REVIEWS

- Dunaeva Y.V. *Rec. ad.op.*: Valkova O.A. Life and amazing adventures of the astronomer Subbotina 82
Dunaeva Y.V. *Rec. ad. op.*: Voloshina V.Yu., Gruzdinskaya V.S., Kolevatov D.M., Korzun V.P. From two angles: the domestic historiographic process in the assessment of emigre and Soviet historians (1920s–1930s) 88

ABSTRACTS

- Ref. ad op.*: Golubev S.I. Monarch, nation and freedom. Essays on the history of German socio-political thought in the last third of the XVIII century 95
Ref. ad. op.: Dudarev V.S. Bismark and Russia, 1851–1871 101
Ref. ad. op.: Nefedov V.V. SUPG and the culture of GDR 107
Ref. ad. op.: Timofeev A.Y. The war after the war. The resistance movement at the Balkans in 1945–1953 113

<i>Ref. ad. op.:</i> Kryzhanovsky A.V. The friends-opponents: the USA and the uniting Europe during the period of Cold War	120
<i>Ref. ad. op.:</i> Cahen Cl: Turkey before the Ottoman sultans. The empire of the great Seljuks, the Turkic state and the rule of the Mongols. 1071–1330	127
<i>Ref. ad. op.:</i> Pochekaev R.Yu. Russian factor of legal development of Central Asia 1717–1917. Legal aspects of frontier modernization	132
<i>Ref. ad. op.:</i> Popova T.N. Pyotr Mikhailovich Bitsilli: portrait in the style of «sfumato»	139
<i>Ref. ad. op.:</i> Yurlova E.S. B.R. Ambedkar. Life, creative activity, heritage	143

LIFE OF SCIENCE

The 14 th Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia: content	149
--	-----

СТАТЬИ

УДК 351.853.3; 904; 94(365)

КАМАРИ Д.М.* ЭТРУСКИ НА ПИРЕНЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ : МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ.

DOI: 10.31249/rhist/2022.01.01

Аннотация. Статья посвящена вопросу об отношениях между фокейцами и этрусками в период основания первых греческих колоний в Лигурии, Галлии и Иберии. Сведения о контактах между греками и этрусками имеются в трудах античных писателей (Геродот, Дионисий Галикарнасский), но современные историки взялись за их изучение только в первой половине XX в. Одни считали, что этруски имели постоянные связи с жителями Пиренейского полуострова и даже оставили свой след в ономастике региона, другие, наоборот, настаивают на том, что если об этрусских колониях в Испании и Франции источники не упоминают, то их там и не было. В настоящее время эта проблема окончательно не решена. Но в отличие от первых работ, которые опирались преимущественно на данные античных авторов, исследования с использованием данных археологических материалов дают более четкое представление о ситуации в данном регионе в эпоху Великой греческой колонизации.

Ключевые слова: этруски на Пиренейском полуострове, VIII–V вв. до н.э.; этруски и греки; Массалия; этруски и финикийцы; этруски и фокейцы; Луций Тарквиний Приск.

KAMARI D. Etruscans in the Iberian peninsula: Myths and reality

* © Камари Д.М., 2022.

Камари Даниэль Михайлович – преподаватель в Британском лицее Лингвистической школы. E-mail: danikamari@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of relations between Phocaeans and Etruscans during the establishment of the first Greek colonies in Liguria, Gaul, and Iberia. The study of contacts between Greeks and Etruscans began from the ancient times (Herodotus, Dionysius of Halicarnassus), but serious investigations were initiated in the first half of the XX century. Some historians believed that Etruscans had constant contact with the inhabitants of the Iberian Peninsula because you can easily find Etruscan toponyms there. Others noticed that the Etruscan colonies were not mentioned by ancient authors in Spain or France, which means that there were no contacts. Currently, this problem has not been completely resolved. But unlike the first works of the XX century, which relied mainly on the data of the ancient sources, studies using data from archeological materials give a clearer picture of the situation of the ancient times.

Keywords: Etruscans on the Iberian Peninsula, VIII–V centuries BC; etruscans and greeks; Massalia; etruscans and phoenicians; etruscans and phoceans; Lucius Tarquinius Priscus.

Для цитирования: Камари Д.М. Этруски на Пиренейском полуострове : мифы и реальность. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН. РАН, 2022. – № 1. – С. 9–20. DOI: 10.31249/rhist/2022.01.01

Торговые отношения между этрусками и греками начались по крайней мере со второй половины VIII в. до н.э., когда были основаны первые греческие колонии на Сицилии и Апеннинском полуострове. О посещении греками Этрурии и плавании самих этрусков по Средиземному морю уже в VII в. до н.э. свидетельствуют обнаруженные в этруссском городе Цере образцы этрусско-коринфских изделий и малоазийская греческая керамика, а также фрагменты этрусской керамики, найденные в Малой Азии, в Аттике и других местах Восточного Средиземноморья [3, р. 137–166; 22, р. 291–294]. Дионисий Галикарнасский повествует о некоем коринфянине Демарате, из рода Бакхиадов, который занимался торговлей с тирренскими городами, доставляя, по словам античного автора, греческие грузы к тирренам, а тирренские – в Элладу. За счет этого коринфянин сильно разбогател. После прихода к власти тирана Кипсела, где-то в 658 г. до н.э., Демарату пришлось переселиться в этрусский город Тарквинии (Dion. Hal. III, XLVI, 3–5).

Если контакты этрусков с греками и Восточным Средиземноморьем в целом достаточно хорошо документированы и не вызывают сомнений среди исследователей, то западное направление их экспансии остается предметом дискуссий. Впервые этот вопрос был поставлен А. Шультеном. По мнению немецкого археолога, этруски поселились в Испании раньше прихода греков, о чем, с его точки зрения, свидетельствуют совпадения в этруской и испанской ономастике, в частности между местностями Тарракона и Террасина, Субер и Субур и реками Тар и Тур¹. На ошибочность этого вывода впоследствии справедливо указал такой знаток иберийской культуры, как А. Гарсиа-и-Беллидо². П. Бош-Химпера [5, р. 207–208] и вовсе поставил под сомнения не только этруссскую колонизацию, но и прямые контакты между жителями Пиренейского полуострова и этрусками. Он полагал, что товары этрунского происхождения, найденные в Испании, могли быть завезены греками. В качестве доказательства своей правоты Бош-Химпера приводит аргумент об отсутствии у тирренов своей собственной колонии в Испании. В отличие от Бош-Химперы, который до конца оставался непоколебимым, отрицая вероятность этрунского присутствия на Пиренейском полуострове, А. Гарсиа-и-Беллидо существенно изменил свои взгляды. В 30-х годах XX в. Гарсиа-и-Беллидо, считал, что если даже существовали контакты между этрусками и иберами, то они были недостаточно интенсивными и частыми. Единственным, что не позволяло ему полностью отрицать связи между этрусками и иберами, были результаты сравнительного анализа фигурки бронзового воина из Ампурия с соответствующими этрускими образцами, который показал, что по всем стилистическим и композиционным параметрам эти изделия имеют общее происхождение³. Однако в дальнейшем Гарсиа-и-Беллидо изменил свое мнение. Причиной кардинального поворота во взглядах ученого стала статья М. Альмагро Басч, в которой следы этрунского влияния рассматриваются как прямое следствие фокей-

¹ Schulen A. Los Tirsenos en España // Ampurias. – 1940. – Vol. 2. – P. 33–53.

² García y Bellido A. Una aportación más al estudio de las relaciones entre etruscos y iberos. Un bronce etrusco de Ampurias // Anuario del cuerpo facultativo de archiveros, bibliotecarios y arqueólogos. – Homenaje a Mélida. – 1934. – Vol. 2. – P. 303–320.

³ Ibid. – P. 305.

ской торговли, а также предлагается окончательно поставить точку под несостоительными сравнениями топонимики, выдвинутыми А. Шультеном¹. Согласно приведенным в ней данным, в Ампурясе в четырех случаях фрагменты буккero, относящиеся к слою VI в. до н.э., найдены вместе с фокейской серой керамикой с красными полосами и чернофигурной аттической керамикой. В самом деле, очень часто этруссские амфоры находят вместе с греческой керамикой из Малой Азии и Греции. Наиболее отчетливо это наблюдается в нескольких поселениях на побережье Галльского (совр. Лионского) залива, где обнаруженные фрагменты родосских, ионийских и коринфских амфор сочетаются с этрускими буккero и канфарами. Также раскопки в Уэльве выявили комплекс этруской керамики, состоящий из шести канфар, пяти амфор и девяти стаканов в сочетании с эолийским буккero и греческой серой керамикой. Самые ранние из этих находок – отшлифованные канфары из черно-серой глины, которые Х. Фернандес Хурадо датировал 625–590 гг. до н.э. [13, р. 114]. Из этого следует, что на каком-то этапе этруски оказались в центре торговых операций между Западным и Восточным Средиземноморьем. Появление этруской керамики на северо-востоке Пиренейского полуострова, скорее всего, связано с финикийцами, которые не менее, чем этруски, были заинтересованы в основании колоний в этом регионе. Тому доказательством служат многочисленные находки финикийской керамики у реки Эбро. Отношения между этрусками и карфагенянами были стабильно партнерскими. На первых этапах этруски очень многое позаимствовали у финикийцев. На основе финикийских прототипов керамики были созданы некоторые типы этруской посуды, образцы которой обнаружены на Сицилии и на Липарских островах. В некрополях Мотия и Пеставекья, а также в греческих колониях Камарина, Мегара и Селинунт были обнаружены амфоры, относящиеся в основном к VII–VI вв. до н.э. [17, р. 45–50]. По размерам они отличаются от тех, которые нашли в Уэльве, что говорит о том, что Сицилия не являлась перевалочным пунктом, через который вино попадало на Пиренейский полуостров. На самом раннем этапе таким перевалочным пунктом мог

¹ См.: Almagro Basch M. Los hallazgos de bucchero etrusco hacia Occidente y su significacion // Boletin Arqueologico. – 1949. – Vol. 49. – P. 97–102.

быть остров Сардиния. Как регулировались торговые и политические отношения между финикийцами и этрусками, пока точно неизвестно, но, скорее всего, в VI в. до н.э. эти отношения отразились в договорах, упоминаемых Аристотелем. Они касались ввоза и вывоза товаров и оговаривали условия военных союзов (Aristot. *Polit.* III, 5, 10–11).

Самый ранний образец этруского буккero неро, датируемый 675–575 гг. до н.э., был найден в Туло дэ ла Фонт дэ ла Канья (по данным Д. Асенсио) [19, р. 194]. Несмотря на большую неточность в датировке, указанные хронологические рамки позволяют предположить, что появление этой уникальной находки имеет отношение к финикийцам. Последние намного раньше этрусков установили контакты с жителями этих земель, на что прямо указывает и наличие их керамики не только в самом некрополе, но и в Каталонии. Поэтому гипотетически буккero мог попасть в Испанию благодаря финикийцам. Финикийской морской торговлей объясняется и присутствие самых ранних этруских канфаров и амфор в Андалусии, в частности в Уэльве [8, р. 43–57; 7, р. 61], Серро дэль Гуадалорсе, Малаге [14, р. 201–222], Тосканосе [16, р. 110] и в других поселениях вместе с греческой малоазийской керамикой, которая, вероятно, до конца VII в. до н.э. завозилась в этот регион финикийскими купцами. Хотя еще до этого финикийцы имели хорошо отлаженную систему сбыта греческой керамики на Пиренейском полуострове. Самые ранние образцы этих изделий были обнаружены на юге и датируются VIII в. до н.э. Раскопки в Уэльве (Оноба), начавшиеся в 70–80-х годах прошлого века и продолжающиеся вплоть до настоящего времени, серьезно повлияли на оценку роли и масштабов греческой торговли с Пиренейским полуостровом. В Уэльве встречается разнообразная керамика: малоазийского, коринфского, аттического, эвбейского, лаконского происхождения. Наиболее ранние находки представлены фрагментами коринфского скифоса (EPC *kotyle*) [10, р. 9], аттической пиксиды (MG II *pyxis*) [10, р. 10], эвбейского скифоса (*skyphos*) [10, р. 12] и халькидского арибала (*aryballos*) [там же]. В Кастильо дэ Донья Бланка засвидетельствованы две коринфские амфоры и одна амфора из Аттики [10, р. 18–19], а в Тосканосе – коринфские амфоры протогеометрического и геометрического стилей [10, р. 30–31]. Более того, в Тосканосе археологи натолкнулись на це-

лую мастерскую по репродукции греческой керамики [10, р. 30–31]. Также греческая керамика архаического периода хорошо представлена в Альмерии [10, р. 35–37]. Найдены сразу в нескольких местах Уэльвы фрагментов греческой керамики, происходящих из разных производственных регионов (площадь де ла Питильера, улица Пуэрто 6 и 9, улица Ботика 10 и 12), позволили Х. Бланкесу Мартинесу высказаться в пользу существования греческих торговых агентов в городе [10, р. 6; 4, р. 307]. Тем не менее посредничество финикийцев в торговых операциях кажется более реальным для того периода, тем более что греческая керамика обнаружена непосредственно в финикийских поселениях, например в Тосканосе.

Во второй половине VII в. до н.э. финикийское влияние в Западном Средиземноморье ослабевает по причине социально-политического кризиса в Тире и нестабильной внешнеполитической ситуации в Восточном Средиземноморье. Неоднократные нападения со стороны Ассирии (особенно во время правления Ассаракхадона и его преемника Ашшурбанипала) сильно подорвали морскую торговлю финикийцев, что оказалось негативное воздействие и на их западные колонии. Этим воспользовались греки. В 630 г. до н.э. ферейцы во главе с Баттом основали колонию на побережье Ливии – Кирену. После смерти Батта, который правил в Кирене 40 лет, его сыновья основали еще и Барку (Hdt. IV, 160). Уже ко времени появления Кирены ассирийцы осадили Тир и отрезали его от внешнего мира. После падения Ассирии Финикия и Палестина оказались между двумя другими крупными державами – Египтом и Вавилоном. Несколько раз Тир подвергался осаде, в результате чего город сильно ослабел в экономическом плане и отчасти утратил прежние позиции в международной торговле.

Период социально-политического кризиса финикийских городов и упадка финикийской торговли совпал со временем возвышания этруссских городов-государств. В период между 630 и 600 гг. до н.э. (т.е. до основания греками Массалии в 600 г. до н.э.) этруски наводнили своими товарами Лигурию и всю южную Францию. Больше всего этруской керамики было обнаружено в поселениях Сэн-Блез, Кайла дэ Маилак, Сэн-Жульен, Вонаж и Виллевиль [21, р. 1625–1635; 6, р. 23–43]. Преобладание амфор и канфаров в этих поселениях подтверждает тот факт, что подъем этрунского произ-

водства явился следствием роста спроса на винодельческую продукцию в южной Галлии. Весьма показательными являются результаты раскопок, проведенных в Агате в 80-х годах XX в. Большая часть (около 85%) всех винных амфор, обнаруженных в Агате, были привезены из Эtruрии [1, с. 77].

Интенсивный рост этруского производства привел к расширению торговых контактов и продвижению этрусков от Лигурийского залива к Иберийскому полуострову. На территории Испании (в отличие от юга Франции) этруssкая керамика встречается в значительно меньших количествах. Но при тщательном анализе хронологических рамок и количества этруского материала на Пиренейском полуострове можно проследить определенную закономерность роста производства и экспорта винодельческой продукции. Например, показательно, что в Каталонии большая часть этруской керамики датируется 625–550 гг. до н.э. Именно тогда были основаны фокейцами колонии Массалия и Эмпорион в Лигурии и в Иберии.

В 612 г. до н.э. к власти в Риме пришел Луций Тарквиний Приск, сын упомянутого выше коринфянина Демарата. Родившись в Эtruрии, он был наполовину греком. Но ему пришлось уехать из родного города в Рим и поменять свое этрусское имя Лукумон на римское Луций Тарквиний. За короткий срок, благодаря накопленным богатствам отца, Тарквинию удалось войти в доверие к римскому царю Анку Марцию, сильно нуждавшемуся в средствах для ведения военных действий. Это, впрочем, как и некоторые другие обстоятельства, способствовало тому, что римским царем после смерти Анка Марция стал Тарквиний. С самого начала своего правления он продолжил политику своего предшественника и начал вести войны против латинов и сабинян, которые оказывали римлянам активное сопротивление. В это тяжелое для Тарквиния время из Фокеи приплыли «молодые фокеяне», которые к тому времени уже имели репутацию торговцев и воинов-наемников. Их остановка в Риме и заключение союза (*amicitia*) с Тарквинием дают основание утверждать, что фокеи участвовали в военных действиях на стороне Тарквиния. На такую мысль нас наталкивает и сообщение Страбона о том, что массалиоты не раз оказывали полезные услуги римлянам (Strabo. IV, I, 5). Потом фокеи двинулись дальше на запад, но, прежде чем основать Массалию, они,

по утверждению Юстина, сначала совершили разведывательное путешествие до Галльского залива (Iust. XLIII, III, 7). Согласно античной традиции, когда фокейцы убедились в том, что место удобно для морской стоянки и ведения торговли, они решились пойти к местному лигурийскому царю Нанну, чтобы тот выделил им земли для основания города. Нанн принял их радушно. По легенде дочь Нанна, влюбившись в Протиса, предводителя фокеев, подала ему чашу. Этот жест означал, что она выбрала его в мужья.

Уже через 20 лет после основания Массалии, приблизительно в 580 г. до н.э., на маленьком островке массалиоты основали Эмпорион (Палеополь), который в середине VI в. до н.э. перенесли на материковую часть Пиренейского полуострова. На раннем этапе своего пребывания на территории Лигурии и Иберии фокеи не только занимались транспортировкой греческого малоазийского вина и прочих товаров, но, по всей видимости, перевозили и этрусско вино. В области Эмпорида этрусский материал представлен лучше, чем в других местах Иберийского полуострова. На этот факт уже неоднократно обращали внимание Ж.-П. Морель и ряд других археологов [15, р. 470], не отрицая, однако, что могли существовать прямые контакты между прилегающими к Эмпориону территориями и Этрурией. Самая большая концентрация этрусского материала на Иберийском полуострове была засвидетельствована на территории Улластрета в поселениях Пуиг Сэнт Андреу и Илла д'эн Рейксак – 17 изделий из 28 [19, р. 196]. Из них около девяти изделий датируются 625–525 гг. до н.э., пять – 550–250 гг. до н.э., три – с неизвестной датировкой, но обнаруженные в контексте с керамикой 550–525 гг. до н.э. К концу VII – нач. VI в. до н.э. относится и фрагмент черного канфара, найденного в 1960 г. в поселении Ла Молета дэль Ремеи [20, р. 221–223] (Таррагона, Каталония). Еще один канфар был получен в результате археологической кампании 1985–1986 гг. в Пуиг д'эс Молинс (на острове Ибица). Этот экземпляр отличается от всех остальных тем, что его датируют 580–540 гг. до н.э. [9, р. 43–51]. Поселение Пуиг д'эс Молинс, где был обнаружен этрусский канфар, является одним из перевалочных и связующих пунктов между Сардинией, Каталонией и Андалусией. Это поселение связывало финикийскую и этрускую торговлю. Об этом свидетельствуют находки финикийских

керамических сосудов, напоминающих самосский лекиф или коринфский арибал, которые наполнялись ароматными маслами. Особенно ярко такие параллели видны между сосудами из Сардинии и Ибицы, которые имеют общие типологические черты и даже сделаны из одного сорта глины [18, р. 17–41]. Их массовый экспорт и транзит начались немного раньше появления на Пиренейском полуострове первых этруских товаров (сер. VII в. до н.э.) и продолжились в период распространения там канфаров. Исходной точкой изготовления этих сосудов были мастерские на Сардинии, где могли осуществляться торговые контакты между финикийцами и этрусками. Оттуда товар перевозили до острова Ибицы, а уже вслед за этим или в южные финикийские колонии, или в северо-восточную часть Пиренейского полуострова.

Отправной точкой начала сокращения поставок этруских товаров являются захват персидским полководцем Гарпагом Фокеи в 546 г. до н.э. и переселение фокейцев в Алалию на Корсике. Примечательно, что сразу после основания Массалии число этруских буккero в Лигурии сократилось на 50%, а после появления Эмпориона в Испании – до 10% от общего числа керамики (по данным Р. Асенси) [2, р. 225–238]. Процесс деградации этруссской торговли в Лигурии начался только во второй половине VI в. до н.э. Виновниками стали переселившиеся из Малой Азии греки, которые постоянно нападали на этруssкие торговые судна. Со второй половины VI в. до н.э. в испанских некрополях начинает значительно преобладать греческая керамика над этруссской. Разнообразная по своим формам, размерам и орнаментам, греческая керамика пользовалась большим спросом среди местного населения. Это связано и с тем, что фокеи поставляли не только свою продукцию, но и товары со всего малоазийского региона и из Аттики, взяв на себя роль посредников в торговле между греками и иберами. Этурия, которая значительно уступала по объемам производства, не могла составить конкуренцию такому сопернику. Результатом торгового соперничества между фокеями и этрусками стала морская битва при Алалии в 535 г. до н.э., в которой греки не смогли победить объединенную этруско-карфагенскую эскадру. Впрочем, большую часть своего флота потеряли и этруски.

Экономические последствия победы этрусков оказались достаточно парадоксальными. Именно в последней четверти VI в. до

н.э. количество этруской керамики сокращается. На Пиренейском полуострове она присутствует в археологических комплексах вместе с явно более многочисленной греческой керамикой преимущественно массалиотского происхождения. Из этого, возможно, следует, что массалиоты и эмпориоты не прервали связи с этрусками даже после битвы при Алалии. Позже этруски, в частности граждане города-государства Цере, заинтересованные в поддержании с греками торговых отношений, устроили в честь убитых алалийцев конные и гимнастические состязания, а также принесли обильные жертвы. Но повторное столкновение оказалось неизбежным. На этот раз в битве при Кумах в 474 г. до н.э. поражение потерпели этруски¹. Археологические находки не дают понять, насколько тесными были связи между этрусками и иберийцами после всех этих событий. Скорее всего, прямых постоянных торговых контактов между жителями Пиренейского полуострова и этрусками в V в. до н.э. не было [11, р. 257–275].

Итак, до захвата персами Фокеи отношения между фокейцами и этрусками были вполне партнерскими. После эмиграции фокеев на запад разбойные нападения на этруssкие торговые суда привели к ухудшению отношений и в дальнейшем к войне, где победителем стал объединенный этруско-карфагенский флот. Хотя на первых порах союз, заключенный фокеями с римским царем Тарквием, возможно, поспособствовал их продвижению на Запад. До появления греков этруски наводнили товарами всю прибрежную часть Галлии, до Нарбонны и Пиренеев. Вероятно, основание греческих колоний в Лигурии и в Иберии никак не противоречило интересам Тарквиия, так как фокеи по большей части занимались транспортировкой и реализацией чужого товара. Они же, скорее всего, оказывали и военную помощь царю, которому, если верить Дионисию Галикарнасскому, удалось на какое-то время объединить все 12 городов-государств Этрурии. Незадолго до кончины Тарквиия этруски даже позволили грекам в 580 г. до н.э. построить в Грависке храм Геры, что свидетельствует о том, что именно в этот период отношения между двумя народами находились на подъеме. В это время массалиоты продвинулись

¹ См.: Залесский Н.Н. Этруски и Карфаген // Древний мир : сб. статей в честь академика В.В. Струве. – М. : Изд-во восточной литературы, 1962. – С. 524.

дальше на запад и основали Эмпорион, а также другие колонии на Пиренейском полуострове. С ростом экспансии греков и расширением масштабов греческой торговли уменьшалось влияние этрусков в Западном Средиземноморье. Причин было несколько. Во-первых, разразившаяся борьба между этрусскими торговыми городами после смерти Тарквина снижала политические и военные возможности этрусков противостоять грекам. Во-вторых, небольшой торговый флот этрусских городов-государств не мог конкурировать с флотом финикийцев, карфагенян и фокейцев. Все это в дальнейшем привело к упадку Этрурии.

Список литературы

1. Козловская В.И. Фокея и Западный Лангедок. Агата: от туземного эмпория к западноионийскому полису // Античная цивилизация и варварство / отв. ред. Л.П. Маринович. – Москва : Наука, 2006. – С. 73–88.
2. Asensi R. Los materiales etruscos del orientalizante reciente y el periodo arcaico // La presencia de material etrusco en el ambito de la colonizacion arcaica en la Peninsula Iberica / ed. R. Rodriguez, O. Musso. – Barcelona : Universitat de Barcelona Publicacions, 1991. – P. 225–238.
3. Bellelli V. Caere e il mondo Greco // Incidenza dell'Antico. – 2012. – Vol. 10. – P. 137–166.
4. Blanquez Martinez J. El factor griego en la formación de las culturas prerromanas de la submeseta sur // Cuadernos de prehistoria y arqueología. – 1990. – Vol. 17. – P. 297–308.
5. Bosch-Gimpera P. El poblamiento antiguo y la formacion de los pueblos de España. – México : UNAM, 1995. – 427 p.
6. Bouloumié B. Les amphores étrusques de Saint-Blaise // Revue Archeologique de Narbonnaise. – 1976. – Vol. 9 – P. 23–43.
7. Cabrera Bonet P. El comercio foceo en Huelva: cronología y fisionomía // Huelva Arqueológica. – 1988–1989. – Vol. 10/11. – P. 43–100.
8. Cabrera Bonet P. «Nuevos fragmentos de cerámica griega arcaica en Huelva» // Ceramiques grecques i helenistiques a la Península Ibérica (Ampurias 1983). – Barcelona, 1985. – P. 43–57.
9. Costas Ribas B., Gomez Bellard C. Las importaciones cerámicas griegas y etruscas en Ibiza // Mélanges de la casa de Velázquez. – 1987. – Vol. 13. – P. 43–51.
10. Dominguez A.J., Sanchez C. Greek pottery from the Iberian Peninsula: Archaic and Classical periods / ed. by G. Tsetskhladze. – Leiden ; Boston ; Koln : Brill, 2001. – 501 p.
11. Dominguez Arranza A. La presencia de ceramica ibérica en el litoral de Etruria meridional: La Castellina, al sur de Civitavecchia // Kalathos. – 2013–2014. – Vol. 26/27. – P. 257–275.

12. Fernández Jurado J. La presencia griega arcaica en Huelva. Monografías arqueológicas. – Huelva : Servicio de Arqueología : Excmo. Deputación Provincial de Huelva, 1984. – 60 p.
13. Fernández Jurado J.F. Presencia de cerámicas etruscas en Huelva // Huelva arqueológica. – 1988–1989. – Vol. 10/11. – P. 101–120.
14. Gran-Aymerich J. Cerámicas etruscas y griegas de Málaga. Excavaciones de 1980 a 1986 // Archivo Español de Arqueología. – 1988. – Vol. 61. – P. 201–222.
15. Morel J.-P. Le commerce étrusque en France, en Espagne et en Afrique // L'Etruria Mineraria. 12 e Congress d'Etudes Etrusques et Italiques. – Florence, 1981. – P. 463–508.
16. Niemeyer H.G. El yacimiento fenicio de Toscanos: urbanística y función // Aula Orientalis. – 1985. – Vol. 3. – P. 101–130.
17. Purpura G. Sul rinvenimento di anfore commerciali etrusche in Sicilia // Sicilia Archeologica. – 1978. – Vol. 11, N 36. – P. 45–50.
18. Ramón J. Cuestiones de comercio arcaico: frascos fenicios de aceite perfumado en el Mediterráneo central y occidental // Ampurias. – 1982. – Vol. 44. – P. 17–41.
19. Sanmartí J., Asensio D., Martin M.A. Etruscan imports in the indigenous sites of Catalonia // Gli etruschi da Genova ad Ampurias. Atti del XXIV convegno di studi etruschi ed italici. 26 settembre – 1 ottobre 2002. – Roma ; Pisa, 2002. – P. 192–202.
20. Sanmartí J. Materiales cerámicos griegos y etruscos de época arcaica en las comarcas meridionales de Catalunya // Ampurias. – 1973. – Vol. 35. – P. 221–223.
21. Villard F. Les canthares de bucchero et la cronologie du commerce étrusque d'exportation // Coll. Latomus. Hommage à Albert Grenier. – 1962. – Vol. 58, N 3. – P. 1625–1635.
22. Wallace R.E. Etruscan inscription on an Attic Kylix in the J. Paul Getty Museum: Addenda et Corrigenda // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. – 1996. – Vol. 3. – S. 291–294.

ОБЗОРЫ

УДК 303.446.4; 323.1; 94(438).071; 94(47).081

БАБЕНКО О.В.* НОВЫЕ БЕЛОРУССКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1863–1864 гг. (Обзор).

DOI: 10.31249/rhist/2022.01.02

Аннотация. В обзоре рассматриваются новые научные публикации современной белорусской историографии Январского восстания 1863–1864 гг., а также исследования белорусских авторов об отдельных проблемах истории этого восстания. Часть трудов относится к биографистике вышеуказанной проблематики. В этой области особое место занимают исследования, посвященные жизни и деятельности лидера повстанцев Викентия Константина Калиновского.

Ключевые слова: белорусская историография; польское восстание 1863–1864 гг.; биографистика; В.К. Калиновский.

BABENKO O.V. New belarusian studies on the history of the Polish uprising of 1863–1864.

Abstract. The review examines new scientific publications of modern Belarusian historiography of the January uprising of 1863–1864, as well as studies of Belarusian authors on individual problems in the history of this uprising. Some of the works relate to the biographicalistics of the problem under consideration. A special place is occupied by research on the life of the rebel leader Vikenty Konstantin Kalinovsky.

Keywords: belarusian historiography; Polish uprising of 1863–1864; biographicalistics; V.K. Kalinovsky.

* Бабенко Оксана Васильевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: o.v.babenko@mail.ru

Для цитирования: Бабенко О.В. Новые белорусские исследования по истории польского восстания 1863–1864 гг. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – М. : ИНИОН. РАН. – 2022. – № 1. – С. 21–40.

DOI: 10.31249/rhist/2022.01.02

Польское восстание 1863–1864 гг., или Январское восстание, – это восстание на территории Царства Польского и Западного края, направленное против российского царизма. Восстание это является одним из самых значительных событий в истории Беларуси XIX в. Оно оказalo существенное влияние на развитие белорусских земель в позднеимперское время. Кроме того, это одна из наиболее дискуссионных тем в дореволюционной историографии, советской научной литературе и исследованиях конца XX – начала XXI в., главным образом тех стран, на территориях которых это восстание непосредственно происходило, – России, Польши, Литвы и Беларуси. Белорусские исследователи основное внимание уделяют событиям, происходившим на территории современной Беларуси. Большой интерес вызывает у них личность регионального лидера повстанцев В.К. Калиновского.

Различным аспектам историографического изучения проблематики восстания 1863–1864 гг. посвящены две статьи Д.Ч. Матвейчика (Национальный исторический архив Беларуси) [4; 5]. В одной из них [4] рассматриваются первые исследования истории восстания. Они начали появляться еще до его подавления и закончились с приходом на пост виленского генерал-губернатора А. Потапова в 1869 г. Восстание имело широкий общественный резонанс, и в течение следующих 50 лет сформировалась обширная историографическая база этой проблематики, в первую очередь российская и польская (белорусская историография в то время только начинала зарождаться).

На историографию восстания большое влияние оказали политические мотивы. С 1864 г. виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев занимался привлечением российских писателей, публицистов и журналистов на службу в Вильно с целью ведения идеологической борьбы с повстанческими идеями. Он даже предложил создать «научно-литературный журнал», который действительно был основан и получил название «Вестник Западной России». Его возглавил историк К. Говорский. Журнал распространялся

через органы государственной администрации в Виленском генерал-губернаторстве и просуществовал до 1871 г. На его страницах постоянно печатались публикации на тему восстания. В 1863–1865 гг. все они были направлены на безусловную поддержку политики губернатора М.Н. Муравьева и наполнены полонофобской и католикофобской риторикой. Одним из самых слабых мест этих статей была фактография восстания.

Из плодовитых историков того времени автор выделяет генерал-майора В. Ратча, работавшего с материалами политического отделения генерал-губернаторской канцелярии. Он имел доступ ко всем необходимым документам, мог присутствовать на допросах следственных комиссий и беседовать со всеми политическими преступниками. Ему выделяли необходимые денежные средства и предоставили помощника для сбора необходимых данных – офицера артиллерии. Свою работу В. Ратч осуществлял под непосредственным контролем М.Н. Муравьева.

В 1866 г. произошел всплеск интереса к восстанию. Бывший член Виленской следственной комиссии Н. Цылов сделал попытку собрать и систематизировать законодательные акты Муравьева за 1863–1865 гг. Кроме того, были изданы две работы о видном деятеле польского освободительного движения Иосафате Огрызко (авторы – В. Ратч и Н. Гогель). В 1867 г. Н. Цылов издал брошюру, посвященную развитию манифестационного движения в Вильно и участию в нем Зыгмунта Сераковского.

В 1865 г. с инициативой проведения исследований восстания в Беларуси и Литве выступил император Александр II. Его задание выполняли военные, среди которых выделялись офицеры Генерального штаба С. Райковский и В. Комаров. Так, например, С. Райковский был автором объемной работы «Польская молодежь Северо-Западного края в мятеже 1861–1863» (1869). Деятельность этих офицеров также лежала в политической плоскости. Все рассмотренные автором научные труды того времени имеют несколько общих черт. Во-первых, сама положительная оценка деятельности виленского генерал-губернатора М. Муравьева. Во-вторых, тщательная проработка архивных материалов. В-третьих, тенденциозность интерпретации фактографического материала.

В 1868–1869 гг. в историографии восстания появляются изменения. Новый виленский губернатор А. Потапов был противни-

ком конфронтации с католическим населением Беларуси и Литвы. По инициативе Потапова начали сворачиваться наиболее одиозные меры, введенные М. Муравьевым и его последователями (принудительный перевод католиков в православие, закрытие костелов и т.п.), а также увольнялись со своих должностей наиболее активные приверженцы прежнего политического курса, обладавшие сомнительной репутацией. Однако в целом «общий курс предыдущей политики был сохранен, как и большинство персонального состава российской государственной администрации в Беларуси и Литве» [4, с. 85]. Конец рассматриваемого автором периода развития российской историографии Январского восстания связан не только со сменой власти, но и со смертями Гогеля и Ратча в 1870 г., Говорского и Райковского в 1871 г.

Другая публикация Д.Ч. Матвеичика представляет собой обзор современной белорусской историографии восстания 1863–1864 гг. на белорусских землях, входивших в состав Российской империи [5]. Он пишет, что с обретением Республикой Беларусь независимости в 1991 г. начался новый этап развития белорусской историографии, историки получили возможность более свободной оценки исторических событий. В первой половине 1990-х годов изучение восстания 1863–1864 гг. было сосредоточено в основном на одной личности – Константине (Кастусе, Викентии Константине, Винценце Константе) Калиновском (1838–1864). Он был одним из региональных руководителей восстания и выступал за образование самостоятельного Литовско-Белорусского государства, отчетливо видя отличия Литвы и Беларуси от России и Польши. При анализе его деятельности и собственно восстания преобладали «романтизированные эмоциональные оценки» [5, с. 237]. Этой проблематикой занимались, в частности, М. Бич и Г. Киселев. Они романтизировали образ Калиновского и заимствовали соответствующую терминологию из советской историографии (например, эпитет «каратели» по-прежнему употреблялся по отношению к российским войскам и властям). Отдельными аспектами восстания занимались Е. Филатова, В. Космылев, Ф.И. Игнатович и В.В. Швед. В 1990-е годы историки в изучении событий восстания вышли за пределы города Минска, но исследования еще носили эпизодический характер и не имели необходимой глубины, концептуального характера.

За период с 1999 г. по настоящее время был опубликован целый ряд неизвестных ранее архивных документов о восстании. Отдельные материалы массово печатаются до настоящего времени. В области разработки рукописных материалов наибольших успехов достигла Е. Фиринович (Сокольчик), опубликовавшая значимые научные труды по этой проблематике. Расширению круга источников по истории восстания способствовала деятельность белорусских исследователей по переводу (если он требовался) и изданию мемуаров участников восстания. Всего за период независимости Беларуси белорусские исследователи издали более 450 публикаций, связанных с темой Январского восстания 1863–1864 гг. По этой проблематике было защищено несколько кандидатских диссертаций.

Тем не менее общая картина восстания была представлена в белорусской литературе только в нескольких научно-популярных очерках. Поэтому, как пишет автор, «проведение соответствующего исследования и издание комплексной монографии по истории восстания в Беларуси остается актуальной научной проблемой» [5, с. 245]. К примеру, в Польше не потеряла своей актуальности монография известного историка Стефана Кеневича «Январское восстание», вышедшая в 1972 г. и переизданная в очередной раз в 2009 г. Существует также книга варшавского исследователя Давида Файнгауза о восстании в Беларуси и Литве под названием «1863: Литва и Беларусь» (1999) и фундаментальный двухтомный труд Франтишки Рамотовской «Тайное польское государство в Январском восстании 1863–1864: организационная структура» (1999–2000) о структуре повстанческих органов власти.

В Беларуси же развивается биографистика. Биографические работы об отдельных участниках польского восстания были опубликованы Ф. Игнатовичем, Р. Овчинниковой, А. Радзюком и др. При этом в плане биографистики исследователей по-прежнему привлекает прежде всего К. Калиновский. Так, например, А. Смоленчук обнаружил неизвестные сведения о нем в корреспонденции его сестер, Я. Янушкович выявил записи о его рождении и крещении, а С. Морозов проанализировал проблему «литовского сепаратизма» К. Калиновского. В последние годы отдельно дискутируется вопрос о роли Калиновского и восстания 1863–1864 гг. в становлении идеи белорусской нации и государства. Но содержа-

ние этих дискуссий «находится часто далеко от научных принципов и лежит преимущественно в политической плоскости» [5, с. 250].

Помимо биографистики, активно развивается «регионалистика» восстания, т.е. проводятся исследования его проявлений на тех или иных территориях. Наибольших успехов в этой области достигли А. Радзюк и В. Швед, изучавшие события в Гродненской губернии. Белорусские исследователи уделяют также большое внимание межконфессиональным взаимоотношениям и влиянию польского восстания на положение отдельных конфессий во время и после него. По этой проблематике написал диссертацию и статьи А. Грохоцкий, опубликовали свои работы В. Герасимчик, Е. Усошын и др. О. Горбачев, В. Макаревич и А. Серак изучают проблемы ссылки участников восстания. В остальном круг рассматриваемых проблем, по мнению автора, «трудно свести к каким-то группам по причине их большого тематического разнообразия» [5, с. 256].

Д.Ч. Матвейчик отмечает также, что «проблематика восстания затрагивается почти во всех работах по истории Беларуси последней трети XIX в. в контексте его влияния на те или иные процессы» [там же]. Тематика эта политизирована, авторы публикаций, как правило, поддерживают одну из враждующих сторон в восстании и прославляют деятельность ее представителей.

Кроме того, данная проблематика используется в целях религиозной пропаганды представителями как православной, так и католической конфессий. В соответствующих текстах они акцентируют внимание читателей на моментах «страдания за веру» представителей своей конфессии, идеализируют их действия, демонизируют поступки конфессиональных оппонентов и т.п. Фактография и исторические источники используются такими исследователями выборочно и интерпретируются тенденциозно. В целом, как заключает Д.Ч. Матвейчик, выполненный им обзор белорусской историографии восстания 1863–1864 гг. «свидетельствует о том, какое значительное место занимает данная тематика на современном этапе» [5, с. 261].

Исследование В.И. Яловеги (МГУ им. М.В. Ломоносова) продолжает тему образа К. Калиновского и событий Январского восстания в современной белорусской историографии [6]. Автор

констатирует, что восстание 1863–1864 гг. изучалось с начала 1990-х годов «с различной степенью интенсивности в зависимости от степени актуальности данной тематики для историографии государств, в исторической политике и в исторической памяти которых присутствует наследие этих событий» [6, с. 88–89]. Важными информационными поводами для изучения данной проблематики стали достаточно широкое празднование в 2013 г. 150-летия со дня начала восстания в Польше, Литве и Беларуси, а также обнаружение в 2017 г. на холме Гедимина в Вильнюсе останков, которые принадлежали казненным руководителям повстанцев, в том числе К. Калиновскому (их перезахоронение состоялось в 2019 г.).

Тем не менее актуальность данной проблематики для польской и литовской историографии неуклонно снижается, так как наиболее востребованные исторические темы относятся к XX в. Однако белорусские исследователи не утратили интерес к событиям 1863–1864 гг., и даже после празднования 150-летнего юбилея восстания он «оставался достаточно высоким» [6, с. 90].

Особое внимание в белорусской историографии уделяется личности Константина Калиновского в ущерб другим руководителям Январского восстания. В 1990-е годы биографией К. Калиновского занимались В.Ф. Шалькевич и другие исследователи. В трудах историков БССР Калиновский имел репутацию борца за права и свободу белорусских крестьян, против польских властей и российского царизма, представлялся как сторонник революционных идей. В работах современных исследователей не скрывается «антимосковская» составляющая наследия Калиновского и антироссийская сущность его повстанческой деятельности, используемая белорусскими оппозиционерами. При этом известный историк М.О. Бич, умерший в 1999 г., не считал, что Калиновский являлся «фанатичным врагом России и формулировал свои отношения к ней в зависимости от позиции России к краю и его народам» [6, цит. по: с. 92]. Но он видел во взглядах Калиновского идею создания независимого белорусского государства. А В.Ф. Шалькевич прямо пишет, что Калиновский погиб на виселице именно за идею «построения суверенной Беларуси» [там же].

15 января 1996 г. президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко издал указ об учреждении новой государственной награды – ордена Кастуся Калиновского, но ни одного реального награж-

дения этим орденом не состоялось. Более того, 16 июня 2004 г. орден был упразднен. В связи с этим специалисты и белорусские патриоты заговорили о дегероизации Калиновского властями, о сознательном замалчивании его заслуг. В действительности этого не было. Все улицы и объекты, названные в его честь в советское время, переименованию не подвергались. Более того, в оценке личности Калиновского допускается вариативность, пересмотря концепции «белорусского героя» не происходит. Так, например, современный белорусский историк А.Ю. Бендин попытался проводить линию на дегероизацию Калиновского, но, по мнению автора, ему не удалось удержаться «на уровне “научной беспристрастности”» [6, с. 94]. А его коллега А.Ф. Мясников в 2008 г. опубликовал статью «И все же он герой», в которой назвал Калиновского «прославленным сыном нашей Отчизны» [6, цит. по: с. 95].

В 2000-е годы, как отмечает автор, споры о личности Калиновского «заслонили собой более крупную исследовательскую проблему, какой, несомненно, является собственно восстание 1863–1864 гг. на белорусских землях» [6, с. 97]. Тем не менее в последние годы заметно приоритетное внимание белорусских историков к расширению источников базы восстания 1863–1864 гг. Публикуются архивные материалы по этой теме. В.И. Яловега считает, что «в разработке этой проблематики в современной белорусской историографии имеются значительные перспективы, связанные с потребностью как научной демифологизации ряда важных сюжетов, так и расширения исследовательских горизонтов» [6, с. 99].

В еще одной статье В.И. Яловеги [7] рассматривается религиозный контекст повстанческой деятельности В.К. Калиновского, дается обзор разработки данной проблематики в историографии. Родоначальниками разработки темы биографии Калиновского считают двух деятелей белорусского национального движения – В. Ластовского и В. Толочко. Но они не рассматривали детально деятельность своего героя в сфере религии. Советские полонисты тоже не останавливались на данной проблематике. «Редким примером подробного обращения к религиозным мотивам творческого наследия К. Калиновского» В.И. Яловега называет вышедшую в

1988 г. статью гродненского историка Я.Н. Мараша «Идейное наследие К. Калиновского и критика клерикализма» [7, с. 101].

Очередная дискуссия, связанная с К. Калиновским, началась после того, как в ноябре 2019 г. в Вильнюсе были перезахоронены останки руководителей Январского восстания. Ряд белорусских исследователей, например В.В. Герасимчик, потребовали перезахоронить В.К. Калиновского на территории Беларуси. Другие историки, в частности А.Ю. Бендин, высказались против этого, называя Калиновского «польским повстанцем-русофобом» [там же].

Тема религиозного компонента пропаганды Калиновского изучалась в современной белорусской историографии мало. Так, например, минский историк А.Д. Гронский в статье «Кастусь Калиновский: конструирование героя»¹ упоминал о прямых призывах Калиновского к расправам с православными священниками. Другой белорусский исследователь С.П. Абламейко в своей монографии «Калиновский и политическое рождение Беларуси»² рассмотрел защиту Калиновским униатской церкви. Проуниатская позиция Калиновского объясняется им исключительно характером взаимодействия с белорусским крестьянством, якобы страдавшим от ликвидации унии в Белоруссии по решениям Полоцкого собора 1839 г. Однако прямых призывов лидера повстанцев к уничтожению православия Абламейко не упоминает. А известный исследователь польского восстания 1863–1864 гг. В.В. Герасимчик к этой проблематике почти не обращается.

Между тем религиозную составляющую деятельности Калиновского можно в значительной степени восстановить на основе нелегальной белорусскоязычной газеты «Мужицкая правда», выходившей в 1862–1863 гг. Печаталась она с использованием польского алфавита. Среди ее издателей были К. Калиновский, Ф. Рожанский, С. Сонгин, В. Врублевский. В этой газете Калиновский публиковал свои статьи под псевдонимом «Яська-гаспадар (хозяин. – О.Б.) из-под Вильно». Из этих публикаций видно, что автор

¹ Гронский А.Д. Кастусь Калиновский: конструирование героя // Беларуская думка. – 2008. – № 2. – С. 82–87.

² Абламейка С.П. Каліноўскі і палятычнае нараджэнне Беларусі. – Мінск : Радыё Свабода, 2020. – 123 с.

старался насаждать религию среди крестьянства, что было странным для революционного демократа, коим Викентий Кастье считался в советское время. Он – автор идеи народного восстания как религиозной борьбы за Бога и святую веру. В некоторых его статьях московский царь представляется Антихристом. Приехав в белорусскую провинцию из светского Петербурга, Калиновский вынужден был учитывать религиозность провинциальной жизни. «Ему пришлось подстраивать свою агитацию под эти условия, создавая при этом четкую социально-религиозную философию», – резюмирует В.И. Яловега [7, с. 105].

Личности Калиновского полностью посвящена монография белорусского историка В.В. Герасимчика «Константин Калиновский: личность и легенда» [2]. Книга состоит из предисловия, семи глав, заключения и приложений. Значительную часть ее источниковой базы составили неопубликованные материалы из архивов Беларуси. В 2019 г. эта книга была удостоена премии им. Франтишка Богушевича.

В первой главе автор рассказывает о предках Калиновского и его детстве, прошедшем в имении Мостовляны. Род Калиновских имел польское происхождение. Калиновские вели свою родословную от Амброзия Самойлова, владельца имения Калиново в Мазовии. Викентий Калиновский родился 21 января (2 февраля) 1838 г. в Мостовлянах Гродненского уезда Гродненской губернии. Его родителям не нравилась традиция называть детей именами католических святых, поэтому при повторном крещении мальчик получил второе имя – Константин. Его отец, безземельный шляхтич Симон (Семен) Стефанович Калиновский, был фабрикантом и предпринимателем. Кроме того, он лично занимался делами арендуемого им имения Мостовляны.

Когда Викентию Константину было пять лет, умерла его мать. Вторая жена его отца не уделяла внимания неродным детям, потому, будучи еще совсем ребенком, Константин защищал в семейных конфликтах своего брата Виктора. В семье говорили по-польски с использованием белорусизмов. Однако, живя на селе, мальчик вынужден был овладеть местным крестьянским диалектом белорусского языка. Он был хорошо знаком и с жизнью рабочих, благодаря близости Мостовлянской фабрики.

Вторая глава посвящена якушовскому периоду в жизни будущего лидера повстанцев, т.е. его пребыванию в имении Калиновских Якушовка. В 1849 г. Симон Калиновский купил имение Якушовка Волковысского уезда Гродненской губернии, где его сын Константин и провел свое отрочество. В 1847–1852 гг. он обучался в Свислочской гимназии. Гимназическая молодежь того времени разделяла национально-романтические и либеральные идеи, выступала за общеевропейскую революцию. Демократические идеи не были чужды и К. Калиновскому.

Кроме того, на конец 1840-х годов пришелся период распространения тайных организаций. Революционная ситуация 1846–1848 гг. привела к тому, что Свислочская гимназия была превращена в пятиклассное училище, по окончании которого нельзя было получить высшее образование. Для поступления в университет К. Калиновский закончил Гродненскую гимназию.

В третьей главе рассказывается о студенческих годах Калиновского. В 1856 г. К. Калиновский переехал в Москву, где уже жил его брат Виктор, и поступил в университет. Но вскоре братья Калиновские перебрались в Петербург. Ходили слухи, что Виктор был исключен из Московского университета за распространение запрещенных книг, Константину же приписывалось участие в студенческих беспорядках. Однако автор считает, что причины переезда были другими. Он пишет, что член Археологической комиссии Адам Киркор предложил Виктору Калиновскому заняться сбором материалов для комиссии, а это требовало переезда в Петербург. Вторую причину В.В. Герасимчик видит в том, что в связи с широкой амнистией для молодежи из бывшей Речи Посполитой В. Калиновский отправился в столицу для установления связи с освобожденным революционером Зыгмунтом Сераковским [2, с. 45].

Константин же поступил на юридический факультет Петербургского университета. В начале своего пребывания в Петербурге он вошел в два тайных общества, благодаря протекции брата Виктора – лидера ряда студенческих организаций. Константин был членом землячества студентов из бывшей Речи Посполитой «Огул» и его библиотекарем. Он входил также в тайное общество Сераковского-Домбровского. При этом Константин жил в стесненных материальных условиях и страдал от тяжелой нервной бо-

лезни. Однако это не помешало ему закончить университет в 1860 г. и приступить к написанию диссертации. Автор отмечает, что в годы учебы обозначился поворот Калиновского «к социальной тематике» [2, с. 67]. Большую роль в этом сыграло посещение Константином тайных обществ.

Четвертая глава посвящена событиям 1861 г., принесшего зарождение манифестационного движения в Беларуси. В начале правления Александра II была объявлена амнистия для заключенных и ссыльных, и на родину вернулись участники Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. В салонах и корчмах оживленно обсуждались актуальные проблемы, выражались надежды на создание независимой Польши. На местах начали создаваться революционные организации.

25 февраля 1861 г. в честь 30-й годовщины битвы под Гроховом в Варшаве состоялась манифестация. Полиция разогнала ее участников, пятеро из них погибли. 2 марта похороны убитых вылились в более широкую манифестацию, которая продемонстрировала солидарность населения Царства Польского. Это и положило начало манифестационному движению на бывших польских землях.

2 марта Калиновский находился в Вильно. Он подал прошение о зачислении его на работу в канцелярию военного губернатора В. Назимова, желая замаскироваться под чиновника. Однако, узнав об отсутствии вакансий, Константин возвращается на родину. По дороге Калиновский останавливается в Вильно, где принимает решение о создании Гродненской повстанческой организации. Автор задается вопросом о том, было ли это решение Константина самостоятельным. Он приводит мнение, согласно которому Калиновский занялся созданием этой организации по решению руководства «красных» в Вильно [2, с. 82]. Задолго до начала восстания сформировались два лагеря его участников – «белые» и «красные». В Гродно Калиновский носил крестьянскую одежду и назывался Василем Свиткой.

В пятой главе рассказывается о событиях 1862 г., который автор называет «годом великих надежд» [2, с. 99]. 14 октября 1861 г. в Царстве Польском было введено военное положение, после чего «красные» Варшавы создали Городской комитет. В другие части бывшей Речи Посполитой были направлены восемь агентов для

контроля за ситуацией. Весной следующего года Городской комитет в Варшаве был переименован в Центральный национальный комитет. К. Калиновский был в то время руководителем Гродненской революционной организации. Вокруг него группировались люди, разделявшие его мнение о необходимости радикальных перемен на селе. Калиновский руководил также Комитетом движения, управлявшим единой конспиративной организацией, состоявшей из виленского и гродненского отделений. В его руководство входили также Л. Звеждовский, Э. Верыга, Б. Длуский и А. Банольдзи. Позднее этот комитет был переименован в Литовский провинциальный комитет. Вопрос о его дальнейшей «интеграции с Варшавой остался открытым, поскольку 2 (14) августа 1862 г. был арестован Ярослав Домбровский¹» [2, с. 107]. Тем не менее Калиновский поддерживал национально-освободительную борьбу польского народа, участвовал в издании польскоязычной газеты «Знамя свободы».

Шестая глава посвящена нелегальному периодическому изданию «Мужицкая правда». В 1862 г. на белорусских землях усилилось крестьянское движение. Селяне бойкотировали мировых посредников и отказывались подписывать уставные грамоты. В этих условиях начали появляться нелегальные периодические издания. Среди нескольких десятков подобных изданий была и «Мужицкая правда». В самом начале своего существования она не вызывала интереса Министерства внутренних дел и III Отделения. По причине публикации латиницей «Мужицкую правду» путали с прокламациями на польском языке. Однако после обращения соответствующих органов к содержанию ее первого номера Министерство внутренних дел заинтересовалось издателем газеты. Подозрение пало на редактора «Гродненских губернских ведомостей» Ивана Штарка, принадлежавшего к Гродненской революционной организации. Причастность Штарка к изданию «Мужицкой правды» доказана не была, но его отправили в отставку, а позднее сослали в Томскую губернию.

¹ Ярослав Домбровский (1836–1871) – революционер и военачальник польского происхождения. Уроженец Российской империи. Член Центрального национального комитета в Варшаве. Один из руководителей Январского восстания.

Некоторые историки считают, что «Мужицкая правда» появилась в Вильно, городе, где бывал Калиновский. Однако В.В. Герасимчик полагает, что газета начала издаваться в Белостоке [2, с. 133]. Автор рассматривает каждый номер «Мужицкой правды» в отдельности (всего вышло семь номеров).

В седьмой главе подробно анализируются восстание в Беларуси 1863–1864 гг. и роль в нем К. Калиновского. Отдельно излагается предыстория восстания. Накануне восстания Калиновский находился в розыске. Однако жандармы не располагали его фотографиями и руководствовались следующими приметами: «Около 30 лет, среднего роста, полный, волосы темно-русые, большая голова, черты лица грубоватые» [цит. по: 2, с. 160]. Под различными псевдонимами Калиновский спокойно проживал на территории Гродненской губернии, а на момент начала восстания находился в Вильно.

Калиновский принадлежал к лагерю «красных», а точнее – к его левому крылу. В этом лагере не было единства. Правое его крыло соглашалось на восстановление единой Речи Посполитой безо всяких послаблений для неполяков и рассчитывало на поддержку со стороны помещиков. Левое крыло допускало восстановление Речи Посполитой только как федерации, требовало уничтожения сословного общества и незамедлительного наделения крестьянства землей без выкупа.

В конце 1861 – первой половине 1862 г. оформилась повстанческая организация «красных» во главе с Центральным национальным комитетом (ЦНК). Задача комитета состояла в подготовке вооруженного восстания. Восстание началось в январе 1863 г. Калиновский возглавлял в то время Временное провинциальное правительство в Литве и Беларуси. Он издал ряд документов, способствовавших организованному созданию повстанческих отрядов. Кроме того, Калиновский выступал за широкое вовлечение в борьбу крестьян, но крестьяне в большинстве своем восстание не приняли. Тем не менее В.В. Герасимчик называет Константина Калиновского «диктатором восстания в Беларуси и Литве» [2, с. 192].

Отсутствие единства среди повстанцев, поддержки крестьянства и помощи со стороны западных держав привели к поражению восстания. В ночь с 16 на 17 января 1864 г. Калиновский был

арестован полицией. Он знал, что находится в розыске, и на случай ареста сочинил легенду. В ней он представлял себя дворянином из Виленского уезда, который совсем недолго принимал участие в Январском восстании, а затем занимался сбором исторических источников о славянах. Однако его опознала Мария Грогатович, у которой проживала одна из связных повстанцев – Стефания Фальская.

Калиновский был приговорен к смертной казни через расстрел. Вскоре расстрел заменили повешением. Последние дни своей жизни Калиновский провел в тюрьме под присмотром генерал-лейтенанта А.С. Вяткина. Перед смертью он написал своего рода завещание – «Письма из-под виселицы», считая, что они помогут продолжить борьбу. Но он не осознавал, что его смерть никак не повлияет на развитие событий и с мнением народа власть вряд ли посчитается. 10 марта 1864 г. Калиновский был казнен в Вильно. В заключении В.В. Герасимчик констатирует, что Константин Калиновский, будучи молодым человеком в самом расцвете сил, «сознательно отказался от вольной жизни во имя высшей цели – “правды, свободы и богатства” для своего народа» [2, с. 211].

В книге имеются приложения, содержащие неопубликованный шестой номер «Мужицкой правды», а также архивные и современные фотографии.

Политическим взглядам К. Калиновского посвящена статья С.П. Морозова (Гродненский государственный ун-т им. Янки Купалы) [3]. В 1861–1864 гг. жители белорусских и литовских земель обсуждали актуальный вопрос о своей государственности: одни выступали за независимость, другие – за нахождение в составе России, трети – за объединение с поляками. Лозунг борьбы за национальную независимость Беларуси и Литвы и создание единого Литовско-Белорусского государства был сформулирован Калиновским в период восстания 1863–1864 гг. Некоторые современники считали его «литовским сепаратистом». В сепаратизме в отношении Польши Калиновского обвиняли члены Центрального национального комитета Я. Гейштор, О. Авейде и Ю. Яновский. Так, например, Я. Гейштор называл Калиновского человеком, который «душой и сердцем был отдан народу и Отчизне», но осуждал его за литовский сепаратизм, который нарушал единство сил повстанцев [3, с. 37]. А Ю. Яновский отмечал, что Калиновский

«понимал связь Литвы и Польши только как федеративную – при полной независимости Литвы» [3, с. 37].

О сепаратистских взглядах Калиновского писали исследователи и участники восстания В. Пшибаровский и Б. Лимановский, а также официальный российский историограф событий 1863–1864 гг. В.Ф. Ратч. В частности, Б. Лимановский утверждал, что Калиновский признавал унию Литвы с Польшей «исторической необходимостью», но «ревниво добивался полного равенства и самостоятельности Литвы» [там же]. А В.Ф. Ратч свидетельствовал о том, что виленские горожане считали, будто в их городе живет «король Литвы», желающий «отделиться от поляков» и создать «свое собственное королевство» [3, с. 38]. Такое определение давалось Калиновскому и в литературе.

Первый белорусский историк Январского восстания В. Игнатович полагал, что сепаратизм Калиновского в отношении Польши преувеличивали некоторые авторы – сторонники «единой и неделимой Польши» [3, с. 39]. Другой исследователь, И.Н. Лушчицкий, считал требование создать независимое Литовско-Белорусское государство реакционным, так как это означало отрыв Литвы и Беларуси от России [там же].

Публицистическое наследие самого К. Калиновского свидетельствует о том, что он действительно был защитником интересов Литвы и ее народа. Он трактовал Литву и Беларусь как единый регион в политическом, экономическом и национальном смыслах. Как пишет С.П. Морозов, «сомнения относительно выдвижения им требований политической самостоятельности Литвы и Беларуси высказываются авторами, которые, как правило, не являются специалистами по восстанию 1863 г. и биографии К. Калиновского» [3, с. 41].

Статья Р. Юрковского (Институт истории и международных отношений Варминско-Мазурского ун-та в Ольштыне) посвящена рассмотрению биографических справочных и энциклопедических изданий по истории позднеимперской России, вышедших в 2000-е годы в Беларуси и Польше в сравнении с тем, что было сделано в этой области в России [8]. Автор анализирует следующие издания: «Биографический словарь губернаторов и вице-губернаторов Цар-

ства Польского (1867–1918)»¹, «Землевладельцы Минской губернии. 1861–1900. Справочник»², «Российские правители в Царстве Польском (1867–1918)»³, «Участники восстания 1863–1864 гг. Биографический словарь: документы и материалы Национального исторического архива Беларуси»⁴ и др.

В статье рассматривается структура указанных в библиографии энциклопедических изданий, делается вывод о том, чем руководствовались редакторы-составители при построении своих текстов, на что делается упор во вступительных статьях либо вводных томах. Польские и белорусские справочники сравниваются с российскими изданиями о депутатах Государственной думы и членах Государственного совета.

Автор подчеркивает, что для поляков важны те энциклопедические издания, которые выходят в Беларуси. Так, например, биографический словарь Д.Ч. Матвейчика, посвященный участникам Январского восстания, говорит польскому специалисту о том, какой обширный материал по истории Польши XIX в. находится в архивах на востоке, а именно – в Минске [8, с. 63]. Словарь издан на белорусском языке. В нем имеется предисловие, которое включает в себя анализ источников базы и историографии предмета. Речь идет только о белорусских землях Великого княжества Литовского. Книга снабжена именным и географическим указателями, а также списком архивных источников с их точным описанием, что облегчает задачу их поиска в архивах.

Р. Юрковский подчеркивает, что Д.Ч. Матвейчик «сконцентрировался прежде всего на участии своих героев в Январском восстании...» [8, с. 61]. Кроме того, благодаря его скрупулезной архивной работе в справочник вошли биографии не известных ра-

¹ Биографический словарь губернаторов и wicegubernatorów в Царстве Польском. 1867–1918 / ред.: А. Горак, Я. Козловский, К. Ките ; UMTS. – 2015. – 544 с.

² Дрозд Д.М. Землевладельцы Минской губернии. 1861–1900 : справочник. – Минск : Медисонт, 2010. – 671 с.

³ Российские правители в Царстве Польском (1867–1918) / под ред. Л. Гурак, К. Латавец. – Люблин, 2016.

⁴ Матвейчык, Д.Ч. Удзельнікі паўстання 1863–1864 гадоў : біяграфічны слоўнік : (паводле матэрыялаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі) – Мінск : Беларусь, 2016. – 735 с.

нее участников восстания 1863–1864 гг. на белорусских землях. Автор статьи приходит к выводу о том, что «исторические слова-ри, охватывающие в данном случае XIX и начало XX в., безуслов-но, являются результатом исследований эпохи, которую завершила Великая война, и очень важным результатом...» [8, с. 64].

Международным отношениям в период восстания 1863–1864 гг. посвящена статья В.В. Герасимчика [1]. Как известно, по-встанцы рассчитывали на помощь великих держав. А польские эмигрантские круги в Париже, объединившиеся вокруг «Отеля Ламбер» и князя В. Чарторыйского, большие надежды на освобождение польских земель связывали с Францией. Однако в начале 1863 г. внимание западных держав было обращено на события в США. Гражданская война в Штатах привела к прекращению поставок шерсти на пространстве от Британских островов до Царства Польского, а Великобритания столкнулась с угрозой потери Канады.

В то время Российская империя быстро оправлялась от поражения в Крымской войне, начав Великие реформы. Для проведения реформ были необходимы спокойная внутренняя обстановка и отсутствие крупных военных конфликтов, чему способствовало заключение франко-российского союза в 1858 г.

Однако успехи итальянского Риссоржименто 1861 г. привели к активизации в Париже польских эмигрантских кругов. Польское восстание 1863–1864 гг. оказалось сюрпризом для великих держав. Как пишет В.В. Герасимчик, «на Западе вначале отсутствовала информация не только о его целях, но и событиях» [1, с. 80]. Император Франции Наполеон III изначально воспринимал восстание как внутреннюю проблему Российской империи, которая будет быстро решена. Этому способствовали и усилия российских дипломатов, которые представляли события 1863 г. как угрозу установленному в Европе порядку, доказывая связь повстанцев с Дж. Гарибальди и К. Марксом.

Ситуация изменилась после заключения 27 января 1863 г. российско-пруссского соглашения о взаимопомощи. Этот договор привел к ликвидации франко-российского союза и образованию неофициальной франко-британско-австрийской коалиции, направленной против России. Париж, Лондон и Вена занялись выработкой плана урегулирования «польского вопроса». Франция пытала-ась использовать «польскую карту» против Пруссии, а Австрия и

Великобритания – против России. Автор отмечает, что «организации эмигрантов бывшей Речи Посполитой утратили ценное время в самом начале восстания, чтобы настроить работу с правительствами заграничных государств» [1, с. 82]. Польские эмигранты рассчитывали на то, что война Франции и Сардинского королевства против Австрии за возвращение Италии северных земель перерастет в освобождение Балкан, Венгрии и бывшей Речи Посполитой. Однако интересы Наполеона III касались прежде всего Пруссии, за счет земель которой он стремился расширить территорию своего государства.

В результате помочь западных держав повстанцам ограничилась появлением дипломатических нот. Известия о дипломатическом давлении на Россию были с энтузиазмом восприняты повстанцами, в том числе К. Калиновским [1, с. 83–84]. Однако уже 14–18 декабря 1863 г. на обсуждении в сенате Франции было отмечено, что война за Польшу не имеет смысла, так как это не является делом чести Франции. А с мая 1863 г. против помощи восставшим стали выступать британские бизнесмены, поскольку это угрожало поставкам продовольствия из России в Великобританию. Тем не менее 28 сентября 1864 г. в Лондоне прошел митинг в поддержку Январского восстания. Его участники создали Международное товарищество рабочих, вошедшее в историю как Первый интернационал.

Однако это не повлияло на исход восстания. Еще в апреле 1863 г. в Краков прибыл итalo-польский легион из гарибальдийцев во главе с Ф. Нулло. 3 мая он перешел границу с Российской империей, но уже 5 мая был разбит. США Январское восстание не поддержали, так как в Гражданской войне Россия занимала благожелательную позицию в отношении Союза 20 штатов и четырех пограничных рабовладельческих штатов Севера, в отличие от западных держав, поддержавших Конфедерацию. Автор приходит к выводу о том, что «восстание 1863–1864 гг. развернулось в неблагоприятных геополитических условиях, что и обусловило его поражение» [1, с. 89].

Список литературы

1. Герасимчик В.В. Геополитическая ситуация во время восстания 1863 г. : от угрозы европейской войны до создания I Интернационала // Белорусский исторический обзор. – 2019. – № 1 (1). – С. 79–90.
2. Герасімчык В.У. Канстанцін Каліноўскі: асоба і легенда. – Гродна : ТАА «ЮрСаПрынт», 2018. – 229 с.
3. Марозаў С.П. «Літоўскі сепаратыст» Канстанцін Каліноўскі // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Сер. 2: Гісторыя, эканоміка, права. – 2018. – № 1. – С. 35–42.
4. Матвеичик Д.Ч. «Муравьевцы» в историографии : исследования в Российской империи истории восстания 1863–1864 гг. на территории Беларуси (1863–1869 гг.) // Вестник Омского государственного университета. Сер. «Исторические науки». – 2020. – № 4. – С. 75–88.
5. Матвеичик Д.Ч. Современная белорусская историография восстания 1863–1864 гг. на территории Беларуси (Общий обзор и основные проблемы развития) // Исторический вестник. – 2020. – Т. 33. – С. 236–279.
6. Яловега В.И. Образ К. Калиновского и отображение событий восстания 1863–1864 гг. в современной белорусской историографии // Славянский альманах. – 2020. – № 1/2. – С. 88–104.
7. Яловега В.И. Религиозный аспект «Мужицкой правды» Викентия Константина Калиновского в зеркале отечественной и современной белорусской историографии // Человеческий капитал. – 2021. – № S5–2 (149). – С. 100–107.
8. Jurkowski R. Współczesne białoruskie, polskie i rosyjskie badania biograficzne dotyczące dziejów Europy Środkowo-Wschodniej w XIX wieku // Przegląd Wschodnioeuropejski. – 2019. – N 2. – S. 51–65.

УДК 303.446.4; 329.12; 94(47).082-083

БАБЕНКО О.В.* НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ О РОССИЙСКИХ
ЛИБЕРАЛАХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

DOI: 10.31249/rhist/2022.01.03

Аннотация. В обзоре рассматриваются новые исследования о представителях российского либерализма конца XIX – начала XX в. Научные труды голландского, российского и американского авторов посвящены В.А. Маклакову, П.Н. Милюкову и М.В. Родзянко.

Ключевые слова: российский либерализм, конец IX – начало XX в.; В.А. Маклаков, П.Н. Милюков, М.В. Родзянко.

BABENKO O.V. New scientific works on russian liberals of the late XIX – early XX century.

Abstract. The review examines new research on the representatives of Russian liberalism of the late XIX – early XX century. The scientific works of the Dutch, Russian and American authors are dedicated to V.A. Maklakov, P.N. Milyukov and M.V. Rodzianko.

Keywords: Russian liberalism, late IX – early XX centuries; V.A. Maklakov, P.N. Milyukov, M.V. Rodzianko.

Для цитирования: Бабенко О.В. Новые научные труды о российских либералах конца XIX – начала XX в. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН. РАН, 2022. – № 1. – С. 41–52.

DOI: 10.31249/rhist/2022.01.03

* Бабенко Оксана Васильевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (НИИОН РАН). E-mail: o.v.babenko@mail.ru

Биографии политических деятелей России привлекают внимание как отечественных, так и зарубежных историков. В обзоре представлены монография голландского исследователя Э. Кронера [3], статья американского ученого С.М. Ляндреса [1] и публикация российского историка П.А. Трибунского [2]. В поле зрения вышеуказанных исследователей находятся три российских политика – член партии кадетов и известный юрист В.А. Маклаков, последний председатель Государственной думы М.В. Родзянко и политик и историк, лидер партии кадетов П.Н. Милюков. Все они – цвет российского либерализма, люди, сыгравшие значительную роль в политической жизни России конца XIX – начала XX в. Каждый из них – по-своему уникальная личность. Авторы представленных работ уделяют основное внимание малоизученным либо спорным вопросам биографий указанных политических деятелей.

В статье С.М. Ляндреса (Университет Нотр-Дам, г. Саут-Бенд, Индиана, США) [1] предпринята попытка опровергнуть распространенные в отечественной и зарубежной историографии представления о последнем председателе Государственной думы Михаиле Владимировиче Родзянко (1859–1924) как о неумном и нерешительном политику. Даже в ряде источников – например, в воспоминаниях Н.В. Савича – речь идет о «дураке Родзянко» [1, цит. по: с. 140]. Цель исследования достигается путем определения круга близких советников и сотрудников М.В. Родзянко, на мнение которых он полагался.

Мало кто из историков всерьез задумывался о происхождении и обоснованности обвинений М.В. Родзянко в бездарности. А ведь «именно этот якобы неспособный к политическим интригам тугодум продержался в председательском кресле дольше всех своих, казалось бы, более одаренных предшественников, ежегодно и с завидным перевесом переизбирался на свой пост и успешно лавировал между кадетским руководством Прогрессивного блока, с одной стороны, и несговорчивым монархом – с другой» [1, с. 141].

Автор полагает, что оказались преданы забвению такие качества Родзянко, как умение располагать к себе людей, любезность и деликатность, умение подбирать сотрудников и поощрять их наградами и званиями несмотря на несовпадения во взглядах. Все это сочеталось с огромной работоспособностью и кипучей энергией.

ей, умением находить компромиссы и одновременно добиваться своего. С.М. Ляндрес называет сложившийся в литературе образ М.В. Родзянко «незаслуженно предвзятым и крайне односторонним» [1, с. 141].

На основе материалов думской канцелярии, отдела перлюстрации Департамента полиции и источников личного происхождения, содержащихся в том числе в ГА РФ, РГИА и ОР РГБ, автор выделяет группу из 10 советников и соратников и трех помощников. В число советников и соратников входили 10 депутатов Думы и один член Государственного совета. Характер содействия этих лиц М.В. Родзянко зависел от поставленных перед ними задач, а также от личных отношений с председателем Государственной думы. Считается, что в руководящих органах IV Думы член партии «Союз 17 октября» Родзянко мог положиться на своих партийных товарищ — секретаря Думы И.И. Дмитрюкова и его заместителя Н.И. Антонова. Среди доверенных лиц председателя были октябрьсты Н.А. Ростовцев, В.С. Дрибинцев, С.Т. Варун-Секрет, Д.П. Капнист и Н.В. Савич. Последний был настроен в отношении Родзянко весьма критически, а лидер партии кадетов П.Н. Милюков свидетельствовал о решающем влиянии Савича «на неспособного к интригам Родзянко» [1, с. 143]. В разное время в окружение Родзянко входили представители левых и леволиберальных кругов. В думский период он охотно прибегал к советам кадетов П.Б. Струве, В.А. Маклакова и Б.Э. Нольде, сотрудничал с каждым из членов этой троицы. Так, например, Родзянко неоднократно обращался к В.А. Маклакову по юридическим вопросам и пользовался его услугами для выяснения мнений и координации действий с различными политическими кругами.

Особняком в окружении М.В. Родзянко стоит его многолетний соратник, юрист, член Государственного совета Виктор Иванович Карпов (1859–1936). Председатель Думы неоднократно привлекал его в качестве консультанта по юридическим и политическим вопросам. Из сотрудников думской Канцелярии чуть ли не ближайшим соратником Родзянко был ее фактический глава Яков Васильевич Глинка (1870–1950). Кроме того, в число ближайших соратников думского председателя входили делопроизводитель Канцелярии Дмитрий Митрофанович Щепкин (1879–1937) и его товарищ Григорий Александрович Алексеев (1883–1961). Оба бы-

ли юристами, настоящими профессионалами в своем деле. Отношение Родзянко к Щепкину было весьма доверительным, к Алексееву – благожелательным. Тем не менее Алексеев «высказывался неизменно критически об умственных и политических способностях своего шефа» [1, с. 150].

К сожалению, доступные источники не позволяют в полной мере определить степень влияния окружения М.В. Родзянко на принимаемые им решения. Но, как видно из использованных материалов, не все помощники председателя Государственной думы разделяли его взгляды и помогали осуществлять его планы.

В статье П.А. Трибунского (Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, г. Москва, Россия) [2] рассматривается малоизвестный факт биографии известного российского политика и историка Павла Николаевича Милюкова (1859–1943) – его несостоявшееся участие в поиске источников по истории США в российских архивах. Исследование написано на основе неопубликованных рукописных материалов из библиотеки Хоутона Гарвардского университета, библиотеки Конгресса США, библиотеки Чикагского университета, библиотеки Батлера Колумбийского университета, а также опубликованных документов официального происхождения, американской прессы начала XX в. и сочинений П.Н. Милюкова.

В 1900 г. Милюков был приглашен в Чикагский университет для чтения курса лекций о России. Лекции, организованные на средства промышленника Ч.Р. Крейна, прошли в 1901, 1902, 1903 и 1905 гг. Впечатленный ими Крейн предложил Милюкову подготовить лекции о балканских славянах. Позднее историк получил предложение от Института Лоуэлла прочесть в 1904 г. в Бостоне курс лекций по русской экономике, финансам и политике. Лекции по истории южных славян были запланированы на январь–февраль 1905 г., но революционные события в России заставили Милюкова изменить свои планы: он сократил курс лекций и вскоре вернулся на родину.

В декабре 1905 г. глава исторического департамента Чикагского университета Дж.Ф. Джеймсон предложил президенту Института Карнеги Р.С. Вудворду расширить список стран, где должны были быть осуществлены архивные поиски материалов по истории США. В этот список предлагалось включить и Россию. Джеймсон даже запланировал экспедицию в Россию на 1906 г.

Кроме того, он хотел ангажировать своего русского знакомого П.Н. Милюкова на проведение поисков материалов по американской истории в российских архивах. В случае согласия последнего Джеймсон готов был гарантировать вознаграждение. Он просил Милюкова ответить на письмо как можно скорее.

П.А. Трибунский задается вопросом о том, почему Джеймсон обратился именно к Милюкову. Его ответ заключается в следующем: «К моменту написания письма Милюков был единственным русским профессиональным историком, с которым хорошо был знаком Джеймсон и с которым, судя по сохранившимся письмам, у американца установились близкие отношения. Эрудиция, опыт работы Милюкова в московских и петербургских архивах, его обширные знакомства с архивистами и историками были впечатляющими. Немаловажным было и знание Милюковым английского языка, в то время мало распространенного среди русских интеллектуалов» [2, с. 306].

Ответное письмо Милюкова Джеймсону не обнаружено. Как пишет автор, «нет даже уверенности в том, что оно было» [2, с. 307]. В условиях развертывавшейся революции П.Н. Милюков, один из ведущих общественных деятелей России, вряд ли был готов отказаться от карьеры политика и вернуться к научной работе.

В приложении к статье впервые публикуется перевод на русский язык письма Дж.Ф. Джеймсона П.Н. Милюкову от 30 мая 1905 г. из личного фонда П.Н. Милюкова в Бахметьевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете (США) [2, с. 309–313]. Публикация снабжена комментариями автора.

Монография Энтони Кронера (независимый исследователь, г. Гаага, Нидерланды) [3] представляет собой биографию известного политика и юриста Василия Алексеевича Маклакова (1869–1957). Источниковую базу исследования составили неопубликованные материалы Отдела рукописей ГИМ, Архива Института Гувера (Стэнфордский университет, Калифорния, США), опубликованные официальные документы и источники личного происхождения. Книга состоит из введения, четырех глав («Василий Маклаков», «Либералы и российское общество на рубеже XIX–XX вв.», «Война и революция. 1914–1917», «Жизнь в эмигра-

ции»), заключения, биографического справочника, приложений и библиографии.

Как пишет автор во введении, многих людей на Западе интересует вопрос о провале российских либералов в 1917 г. Действительно ли в то время не было возможностей «для поступательного развития в сторону конституционной монархии»? [3, р. 7]. Многие находят ответ на этот вопрос в специфических условиях жизни в России, «огромной страны с множеством разных народов, культур и укоренившимися обычаями» [там же]. Э. Кронер сделал попытку найти собственный ответ, показав, как деятельность такой конкретной исторической личности, как В.А. Маклаков, стала, пусть и неудачной, попыткой проложить дорогу поступательному развитию России.

Первая глава посвящена биографии В.А. Маклакова в период с 1869 по 1904 г. Это был один из наиболее известных юристов и политиков дореволюционной России. Он родился 10 мая 1869 г. в Москве, обучался в 5-й Московской гимназии. По окончании гимназии в 1887 г. Маклаков поступил на физико-математический факультет Московского университета, но был отчислен в 1890 г. за участие в студенческой сходке. Тем не менее ему удалось восстановиться на историко-филологическом факультете. Еще в 1888 г. Василий организовал Московское землячество в университете. Он не только участвовал в студенческих организациях, но и был руководителем университетского оркестра и хора.

В 1894 г. В.А. Маклаков закончил историко-филологический факультет Московского университета. Его наставник, профессор П.Г. Виноградов, предложил ему остаться на кафедре с целью написания диссертации, однако Маклаков посчитал, что проблемы с властями не позволят ему сделать университетскую карьеру [3, р. 34]. К тому же он был очень свободолюбив, хотел быть заметным в обществе, вести публичную жизнь.

В 1895 г. Маклаков добивается права сдать экстерном экзамены на юридическом факультете Московского университета, который заканчивает после трехмесячной подготовки к экзаменам. Профессиональную деятельность он начинает в конторе известного юриста и адвоката Ф.Н. Плевако. Кроме того, Маклаков был членом неофициального кружка юристов, занимавшихся уголовными преступлениями, и помощником адвоката А.Р. Ледницкого.

Среди его громких дел – выступление в защиту либерала М.А. Стаковича, обвинившего в клевете князя В.П. Мещерского (Маклаков выиграл дело).

В 1905 г. В.А. Маклаков вместе с Н.К. Муравьевым участвовал в защите 63 крестьян из имения великого князя Сергея Александровича (Долбенковское дело). Итогом было освобождение всех крестьян. Маклаков успешно занимался знаменитым делом М.М. Бейлиса, обвинявшегося в ритуальном убийстве православного подростка. В 1907 г. он выступал и на процессе депутатов I Государственной думы, обвиненных в подписании Выборгского взвивания. По делу проходили 183 депутата, 181 человек был оправдан. И это не полный перечень громких дел Маклакова. Сохранилось немало характеристик Василия Алексеевича, написанных встречавшимися с ним до 1917 г. людьми. «Все эти отзывы без исключения положительные», – констатирует Э. Кронер [3, р. 48].

В дореволюционное время В.А. Маклакову удалось заработать немало денег (например, по данным на 1 января 1913 г., на его счету в Московском коммерческом банке было 12 330 руб.) [3, р. 52], что позволило ему поехать во Францию. Они пригодились Маклакову и позднее, когда он приехал в Париж в качестве посла и остался во Франции до самой смерти в 1957 г.

Э. Кронер пишет о малоизвестном факте из биографии Маклакова – его женитьбе на актрисе Евгении Павловне Михайловской в 1898 г. (долгое время считалось, что Маклаков не был женат) [3, р. 54]. У пары родилась дочь, которая умерла в двухлетнем возрасте. В 1900 г. брак был расторгнут. После этой неудачной женитьбы Маклаков до конца своих дней оставался холостяком.

Особое внимание автор уделяет отношениям В.А. Маклакова с Л.Н. Толстым. Он утверждает, что Толстой «оказал заметное влияние на жизнь Маклакова и косвенное – на его политические взгляды» [3, р. 58]. Впервые он встретился с Толстым в 14-летнем возрасте у своих московских родственников. Он в полной мере оценил масштаб личности писателя в 1891 г. в Саратовской губернии, где встретил Толстого во второй раз. И Маклаков, и Толстой участвовали в кампании по борьбе с голодом. С этого времени Маклаков постоянно встречался с Толстым и его семьей, жил у них в Ясной Поляне. Кроме того, при посредничестве сына Тол-

стого Сергея Львовича Маклаков вошел в известный кружок «Беседа». В нем обсуждалась текущая политическая ситуация в России. Члены «Беседы» высказывались за проведение конституционных реформ, но «без изменений существующего государственного устройства» [3, р. 65]. Так, например, Маклаков отрицал революцию и возможность радикальных перемен.

Вторая глава посвящена либералам и российскому обществу конца XIX – начала XX в., текущей политической ситуации и социальной сфере. В начале автор приводит высказывание В.А. Маклакова из его воспоминаний о том, что реализация конституционного эксперимента должна находиться в руках либеральной партии кадетов [3, р. 69]. В связи с этим Кронер обращается к эволюции политического сознания и развитию либерализма в России, к смыслу понятий «общество» и «общественность». Он приводит сведения о населении России конца XIX – начала XX в., Крымской войне, Великих реформах и контрреформах, революции 1905–1906 гг.

Однако основное внимание автора уделено партии кадетов и деятельности в ней В.А. Маклакова. Идея создания либеральной партии была выдвинута на Земском конгрессе в июле 1905 г. У В.А. Маклакова были широкие связи с либералами и до 1905 г., начиная с его членства в «Беседе». В 1906 г. либеральный Союз освобождения был переименован в Партию народной свободы (конституционно-демократическая партия, партия кадетов). С января 1906 г. Маклаков – член ЦК кадетской партии. Программа партии носила прагматический характер и отражала различные идеологии. В целом кадеты боролись за законность, справедливость и свободу. Когда в начале XX в. в России обострился аграрный вопрос, кадеты выступили за выкуп государством и крестьянами помещичьих земель, но это предложение было отвергнуто Министерством сельского хозяйства.

В.А. Маклаков был членом Государственной думы II, III и IV созывов. Его известные речи принесли ему славу лучшего оратора России. Впрочем, по утверждению автора, этот титул он разделял с кадетом Ф.И. Родичевым и премьер-министром П.А. Столыпиным [3, р. 112]. В промежуток между работой I и II Дум Маклаков пытался «объединить либеральные силы и бороться с радикальными тенденциями в кадетской партии» [3, с. 109]. Во

время деятельности в Думе он входил в состав ряда комиссий, в том числе комиссии по судебным реформам.

В третьей главе повествуется о событиях 1914–1917 гг. в России. Автор выделяет ряд явлений кануна Первой мировой войны. Среди них славянофильское течение во внешней политике, т.е. поддержка зарубежных славянских народов российскими властями. Отдельные параграфы посвящены убийству Г. Распутина и людям, совершившим это убийство. Раскрывается роль Маклакова в данном преступлении. Василий Алексеевич знал о готовившемся убийстве и, по свидетельству князя Ф. Юсупова, был готов принять в нем участие, но все же убийцей Распутина не стал. Сам Маклаков писал лишь о своей готовности дать советы Юсупову и Пуришкевичу касательно их действий после совершенного преступления [3, р. 133].

Автор отдельно рассматривает революционную ситуацию 1917 г. По мнению Э. Кронера, падение династии Романовых стало неожиданностью для кадетов [3, р. 134]. Во время Февральской революции В.А. Маклаков был комиссаром Временного комитета Государственной думы в Министерстве юстиции. Автор приводит версию, согласно которой Маклакова планировалось назначить на пост министра юстиции, но эту должность получил А.Ф. Керенский. Кронер считает, что компенсацией для Маклакова было его назначение на пост министра по делам Финляндии, но вскоре правительство отказалось от создания такого поста [3, р. 135].

Тем не менее в марте 1917 г. Маклаков стал председателем Юридического совещания при Временном правительстве, а в мае – членом Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание. В июле 1917 г. он был избран в Московскую городскую думу. По замечанию Э. Кронера, Маклаков «проявлял также активность как член Военно-промышленного комитета» [3, р. 136].

Четвертая глава посвящена жизни В.А. Маклакова в эмиграции. 11 октября (по старому стилю) 1917 г. Маклаков покинул Петроград и прибыл в Париж как посол Временного правительства во Франции. Но он не успел вручить верительные грамоты французскому министру иностранных дел Л. Барту и был уволен приказом наркома иностранных дел Л.Д. Троцкого. Тем не менее Маклаков обосновался в здании российского посольства на улице

Гренель. В России к тому времени свершилась Октябрьская революция. Маклакову необходимо было понять, какой стала Россия и какое правительство либо институт необходимо представлять во Франции. Оказалось, что в конце декабря 1917 г. признанного деюре правительства в России не было, и российским дипломатам за границей некого было представлять. В результате Маклаков предложил дипломатам российского посольства продолжать представлять интересы Временного правительства до тех пор, пока в России не появится широко признанное новое правительство [3, р. 153].

Во время пребывания во Франции В.А. Маклаков был избран членом Учредительного собрания. Будучи сторонником белого движения, он являлся членом Русского политического совещания. В мае и сентябре 1920 г. Маклаков посетил Крым, где встречался с П.Н. Врангелем. Изучая военные возможности армии Врангеля и политическую ситуацию на контролируемых им землях, Маклаков был очень впечатлен самой личностью Врангеля и послал рассказ о нем своему коллеге Бахметьеву в Вашингтон [3, р. 165]. До установления дипломатических отношений между СССР и Францией в 1924 г. Василий Алексеевич де-факто исполнял обязанности советского посла, представители французских властей обращались к нему не иначе как «Месье Посол» [3, р. 174]. Он имел отношение и к русской культурной жизни во Франции: ходил на представления гастролирующего Московского художественного театра, участвовал в днях русской культуры, приуроченных к юбилею А.С. Пушкина, и т.д.

После Октябрьской революции Маклаков организовал тайную переправку части архивов Охранного отделения Департамента полиции в Стэнфорд (США). В них содержались тысячи документов «охранки», в которых, в частности, можно было обнаружить имена всех известных большевиков, меньшевиков и социалистов-революционеров. Автор отмечает, что Маклакову удалось переправить в Америку не только архивы Охранного отделения, но и «архив посольства (России во Франции. – О. Б.), содержащий все дипломатические документы за период от января 1917 г. до 1924 г.» [3, р. 179].

В годы эмиграции Маклаков занимался литературной деятельностью, популяризацией творческого наследия Л.Н. Толстого,

писал воспоминания и научные труды по истории российской общественно-политической жизни. Во время Второй мировой войны он занимал антифашистскую позицию. В апреле 1941 г. он был арестован гестапо и пять месяцев провел в тюрьме. Его перу принадлежит объемное эссе о русской эмиграции во Франции в 1940–1944 гг., которое было опубликовано после освобождения Франции от фашистов в августе 1944 г. [3, р. 189].

В мае 1945 г. В.А. Маклаков в здании российского посольства во Франции поздравил Советский Союз с победой над нацистской Германией. Автор задается вопросом о том, не забыл ли Маклаков о том, что случилось в России в 1917 г., не стал ли он сентиментальным человеком в свои 76 лет. Многие из его бывших коллег и друзей считали, что его речь означала «неформальное признание Советского Союза» [3, р. 193]. Однако на сближение с советской властью Маклаков не пошел.

В заключение Э. Кронер пишет, что В.А. Маклаков был одним из лучших адвокатов дореволюционной России и одаренным оратором. Его юридические предложения «определенко оказали влияние на политику правительства и Столыпина...» [3, р. 205]. Как адвокат Маклаков был широко известен, его уважительное отношение к законам повлияло на представителей судебной власти.

Во время пребывания в Париже он изменил сферу деятельности. Он занимался международными проблемами, контактами с французским правительством, эмиграционной политикой и поддержкой русских за рубежом. На жизнь Маклакова в России в 1869–1917 гг. пришелся расцвет всех его талантов. А в Париже он был «организатором, по-видимому, не очень высоко ценившим свои собственные усилия, хотя они имели большое значение для окружавших его людей» [3, р. 206].

Незаменимая помощница В.А. Маклакова на протяжении 50 лет его жизни, сестра Мария, умерла в мае 1957 г. Сам Василий Алексеевич скончался 14 июля 1957 г. на курорте в Швейцарии и был похоронен на Русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа (Франция).

Список литературы

1. Ляндрес С.М. М.В. Родзянко и его окружение. К вопросу о советниках и сотрудниках последнего председателя Государственной думы // Таврические

- чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность : сборник статей межд. науч. конф. / под ред. А.Б. Николаева. – Санкт-Петербург : Астерион, 2020. – С. 139–151.
2. Трибунский П.А. Выявление материалов по американской истории в русских архивах и П.Н. Милюков // Американский ежегодник. – 2018/2019. – С. 301–313.
3. Kröner A. Vasilii Maklakov. A Russian liberal between autocracy and revolution 1869–1957. – Soesterberg : Aspekt Publishers, 2021. – 224 p.

УДК 94(47+57)«1921/1934»:[314+323]

МИНЦ М.М.* ГОЛОД В СССР 1930–1933 гг.

DOI: 10.31249/rhist/2022.01.04

Аннотация. В обзоре рассматривается тематический номер журнала *Nationalities Papers*, посвященный истории массового голода в СССР в 1930–1933 гг. В статьях номера анализируются различные аспекты данной темы, в том числе причины голода, его масштабы, динамика смертности по регионам, отличия от голода 1921–1923 гг., восприятие случившейся катастрофы за рубежом и ее отражение в национальной памяти.

Ключевые слова: коллективизация в СССР; массовый голод в СССР в 1930-е годы; Украина и Казахстан в 1930-е годы; Голодомор.

MINTS M.M. Soviet famine of 1930–1933.

Abstract. A review of a special issue of «*Nationalities Papers*» devoted to the Soviet famine (s) of 1930–1933. The articles of the issue deal with various aspects of the topic including the causes of the famine, its scale, dynamics of mortality in different regions, differences from the famine of 1921–1923, the perception of the catastrophe abroad and its reflection in national memory.

Keywords: collectivization in USSR; mass famine in the USSR in the 1930s; Ukraine and Kazakhstan in the 1930s; Holodomor.

Для цитирования: Минц М.М. Голод в СССР 1930–1933 гг. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература.

* Минц Михаил Михайлович – старший научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Персональный сайт: <https://michael-mints.ru/>

тура. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН. РАН, 2022. – № 1. – С. 53–68.
DOI: 10.31249/rhist/2022.01.04

Третий номер журнала *Nationalities Papers* за 2020 г. специально посвящен истории массового голода в СССР в 1930–1933 гг. [8], эта тема рассматривается в девяти статьях из 12. Авторы анализируют масштабы голода, динамику смертности по регионам, особенности развития событий в разных частях Союза, причины случившейся катастрофы, ее отличия от голода 1921–1923 гг. Они попытались также выработать собственный ответ на болезненные вопросы о том, в какой степени голод 1930–1933 гг. был вызван целенаправленными действиями советского руководства и правомерно ли рассматривать его как акт геноцида по национальному признаку.

Общая концепция номера представлена во вводной статье Андреа Грациози (Неаполитанский университет имени Фридриха II) [2]. Он обращает внимание на то, что XX век вообще можно охарактеризовать как «столетие политического голода», имея в виду многочисленные случаи массового голода, вызванного не природными факторами, а целенаправленными действиями тех или иных политических сил в условиях войны или в мирное время, – начиная по крайней мере с геноцида племен гереро и нама в Германской Юго-Западной Африке в 1904–1908 гг. [2, р. 435]. Голод 1930–1933 гг. в СССР являлся, таким образом, составной частью довольно обширной истории рукотворных гуманитарных катастроф, но занимает в этой истории особое место – прежде всего как первый случай искусственно созданного массового голода в мирное время, а также как первый случай массового голода в стране с коммунистическим режимом, вызванного попытками этого режима реализовать на практике свои идеи о построении нового общества. В этом же, как подчеркивает Грациози, состоит и одно из важнейших отличий катастрофы начала 1930-х годов от голода 1921–1923 гг., где политический фактор играл существенно меньшую роль [2, р. 437–438]. Для историков важно и то, что обстоятельства голода начала 1930-х годов в Советском Союзе достаточно подробно задокументированы, особенно по сравнению с аналогичными катастрофами в Азии и Африке; колоссальный массив источников по данной проблематике стал доступен в результате «архивной революции» 1990-х годов.

Авторы статей, представленных в номере, предпочитают использовать слово «голод» (famine) во множественном числе, благо английский язык это позволяет. По словам Грациози, это дает возможность не только исследовать природу катастрофы 1930–1933 гг. в целом, но и провести сравнительный анализ ее составных частей, имевших свои особенности. Он выделяет два случая массового голода с числом жертв более миллиона (в 1931–1933 гг. в Казахстане и в 1932–1933 гг. на Украине) и по крайней мере пять эпизодов меньшего масштаба, с числом жертв более 100 тыс. (гибель свыше 200 тыс. спецпереселенцев во время раскулачивания, голод на значительной части страны в 1931–1932 гг., вызванный издержками коллективизации, голод 1932–1933 гг. на Северном Кавказе, голод в Центрально-Черноземной области и в АССР Немцев Поволжья) [2, р. 436–437]. При анализе этих трагических событий авторы применяют многофакторный подход, исходя из того, что каждый из исследуемых эпизодов массового голода был обусловлен отдельным комплексом причин – природных, социально-экономических и политических. В оценке последних они опираются на шкалу, предложенную в 2003 г. Дэвидом Маркусом и различающую четыре уровня «поведения, порождающего голод» (англ. *faminogenic behavior*): осознанную политику властей с целью вызвать голод (первый уровень); халатность и безответственность властей; безразличие авторитарного правительства к страданиям населения; некомпетентность коррумпированного правительства¹. По мнению Грациози, в действиях советского руководства в описываемый период преобладал второй уровень, однако отдельные политические решения могут быть отнесены и к первому [2, р. 435–436].

Тема голода на Украине так или иначе рассматривается в четырех статьях, что неудивительно, поскольку на эту республику приходится свыше половины от общего числа погибших. Авторы затрагивают и вопрос о роли национального фактора в описываемых событиях. Как отмечают в своей статье [6] Наталья Левчук, Омелиан Рудницкий, Алла Ковбасюк, Наталья Кулык (Институт демографии и социальных исследований имени М.В. Птухи НАН

¹ Marcus D. Famine crimes in international law // American journal of international law. – 2003. – Vol. 97, N 2. – P. 245–281.

Украины, Киев) и Олег Воловына (Университет Северной Каролины в Чапел-Хилле), в современной историографии по данному вопросу сталкиваются два основных подхода. Представители первого из них склоняются к тому, что голод во всех пострадавших регионах СССР был вызван более или менее одними и теми же причинами, в числе которых чаще всего называются неоправданные по своим масштабам реквизиции зерна, реже – другие факторы, включая погодные. В рамках этого подхода предполагается, что наибольшие потери понесли важнейшие сельскохозяйственные районы страны вне зависимости от этнического состава их населения. Представители противоположной точки зрения настаивают, что подобные рассуждения справедливы для периода до середины 1932 г., тогда как во второй половине 1932 и на протяжении 1933 г. политика властей на Украине, а также на Кубани трансформировалась в Голодомор, т.е. в попытку использовать голод как инструмент массового террора по этническому признаку – против украинцев и родственных им кубанских казаков.

Сами авторы статьи сравнивают потери от голода на протяжении 1932–1934 гг. (вопреки общепринятой датировке Голодомора, исследование показало, что голодные смерти продолжались и в 1934 г.) на региональном уровне, используя многочисленные материалы демографического учета, ставшие доступными в постсоветский период. В статье рассматривается ситуация во всех восьми регионах тогдашней Украинской ССР¹ и на всей территории РСФСР за исключением входившего в то время в ее состав Казахстана, поскольку голод в Казахстане имел свою динамику. В фокусе исследования, таким образом, оказались 17 российских регионов в их тогдашних границах; авторы оговариваются, однако, что ситуацию в АССР Немцев Поволжья они изучают отдельно от остальной территории Нижне-Волжского края, в состав которого она тогда входила. Аналогичным образом отдельно рассматриваются образованные позже Саратовская область и Краснодарский

¹ В начале 1930-х годов в состав Украинской ССР входили семь областей и Молдавская АССР, территория которой после присоединения к Советскому Союзу Бессарабии в 1940 г. была разделена между Украиной и вновь образованной Молдавской ССР. Названия областей идентичны современным, однако по площади и границам каждая из них соответствует примерно двум областям сегодняшней Украины [см. карту: 9, р. 551]. – Прим. авт.

край, где ситуация в период голода развивалась иначе, нежели на остальной территории Нижне-Волжского и Северо-Кавказского краев соответственно. Авторы анализируют только прямые людские потери от голода (рассчитываются демографическими методами как избыточная смертность за исследуемый период). Кроме того, они проверяют наличие корреляции между статистическими показателями смертности по регионам и различными факторами, которые могут рассматриваться как возможные причины катастрофического голода (реквизиции зерна, крестьянское сопротивление коллективизации, репрессивная политика властей, этнический состав населения и др.). Согласно их наблюдениям, корреляция между уровнем смертности и вкладом региона в продовольственное обеспечение Советского Союза лишь частично проявляется на территории РСФСР, где в числе наиболее пострадавших оказался Нижне-Волжский край, который в 1932 г. подвергся самым масштабным реквизициям зерна в пересчете на 1 тыс. человек населения. На Украине данная корреляция не работает: больше всего погибших (в пересчете на 1 тыс. человек) здесь насчитывается в Киевской и Харьковской областях, которые не относились к числу важнейших зерновых регионов. Вместе с тем авторы выявили определенную корреляцию между уровнем смертности и масштабами крестьянского сопротивления (справедливо не для всех регионов), а также между уровнем смертности и масштабами репрессий (штрафы, конфискация продовольствия, закрытие границ с соседними регионами и др.). Что касается национального фактора, то на Украине избыточная смертность свыше 100 человек на 1 тыс. жителей (в сумме за 1932–1934 гг.) наблюдалась почти повсеместно за исключением Донецкой (Сталинской) и Черниговской областей, тогда как в России столь высокий уровень смертности помимо Саратовской области имел место лишь на территории Республики Немцев Поволжья и будущего Краснодарского края. Таким образом, статистические данные, по мнению авторов, свидетельствуют скорее о том, что причины голода имели комплексный характер, причем соотношение одних и тех же факторов различалось от региона к региону. Что касается национального фактора, то его значение как минимум не следует недооценивать.

Тему демографии продолжает еще одна статья О. Воловыны, Н. Левчук и А. Ковбасюк, посвященная динамике смертности на

Украине и в наиболее пострадавших регионах России по месяцам [10]. Почти на всей территории Украины на протяжении относительно короткого периода – в первой половине 1933 г. – произошел стремительный всплеск смертности, на это время приходится 90% прямых потерь от голода в республике. Аналогичная ситуация наблюдалась и на территории РСФСР, но только в регионах с наиболее высоким уровнем смертности, сопоставимым со смертностью на Украине (не менее 30 погибших на 1 тыс. человек населения в 1933 г.); в общей сложности в России на первые шесть-семь месяцев 1933 г. приходится около 82% погибших. Авторы исследуют причины этого скачка смертности. Географическая работа охватывает всю Украину, кроме Молдавской АССР, где динамика смертности была иной, и четыре российских региона: Центрально-Черноземную область, Средневолжский край, Нижне-Волжский край и Северо-Кавказский край. Как и в предыдущей статье, авторы не рассматривают ситуацию в Казахстане; кроме того, им не удалось исследовать помесячную динамику смертности в Республике Немцев Поволжья из-за отсутствия источников. На остальной территории РСФСР смертность в 1933 г. была существенно ниже, без ярко выраженного всплеска в первом полугодии. Исследование охватывает только сельскую местность, в городах ситуация развивалась иначе.

Как показывает проведенный в статье анализ статистических данных, скачкообразный рост уровня смертности не может быть объяснен одними лишь экономическими причинами (занесенные планы хлебозаготовок). По заключению авторов, динамика смертности в изучаемых регионах определялась комплексом обстоятельств; помимо собственно хлебозаготовок сюда относятся крестьянское сопротивление коллективизации, ответные репрессии со стороны властей, перекрытие границ с соседними областями, этнический состав населения, а также особенности распределения продовольственной помощи. Авторы отмечают, что случаи полной конфискации продовольствия из «привинившихся» домохозяйств по-прежнему не имеют документального подтверждения, однако демографическая статистика косвенно согласуется с этой гипотезой, поскольку сообщения о том, что «у нас отобрали всю еду», встречаются в воспоминаниях выживших крестьян именно тех регионов, где в первой половине 1933 г. отмечались наиболее высо-

кие темпы роста смертности, особенно в марте. Динамика смертности на территории будущего Краснодарского края с его украиноязычным национальным меньшинством (кубанские казаки) аналогична динамике смертности на Украине (включая резкий скачок в марте), однако та же динамика наблюдалась и в Саратовской области, население которой было по преимуществу русским. Национальный фактор, таким образом, имел значение, но лишь как одна из причин, влиявших на развитие событий. Что касается продовольственной помощи, то она оказала определенное влияние на динамику смертности, но не смогла предотвратить катастрофическое развитие ситуации в целом. Тому было несколько причин, включая недостаточный общий объем помощи, преобладание поставок кормового зерна над поставками пшеницы и ржи, а также распределение помощи исходя из экономических и политических соображений, а не гуманитарных, так что ее объемы по регионам не коррелировали с масштабами голода.

Судьба украинских евреев в период голода рассматривается в статье Виктории Хитерер (Университет Миллерсвилла, Пенсильвания, США) [3]. Голод 1932–1933 гг. ударил не только по сельскому, но и по городскому населению республики, потери на селе и в городах составили 16,5% и 4% населения соответственно [3, р. 468]. Значительное число евреев в этих условиях бежали из мелких городков в крупные города, в том числе в Киев (так же как и многие украинские крестьяне), однако переполненные города были не в состоянии справиться с таким мощным миграционным потоком. Как следствие, многие беженцы умирали прямо на улицах, зачастую при полном равнодушии окружающих. По мнению автора, такая реакция объяснялась отчасти страхом репрессий (согласно воспоминаниям очевидцев, помочь голодающим могла повлечь за собой наказание, поскольку власти официально отрицали сам факт массового голода), отчасти же – тем, что местное население в большинстве своем получало лишь минимальное количество пищи, достаточное, чтобы выжить самим, но не более того. Голодомор также способствовал росту антисемитских настроений на Украине; присутствие многочисленных евреев среди советского политического руководства использовалось антисемитами как повод для утверждений, будто разразившийся голод организован именно евреями. Кроме того, голодные годы сформировали у населения при-

вычку к равнодушному восприятию чужих страданий и установку на то, чтобы в экстремальных условиях в первую очередь любой ценой выжить самому. Все эти обстоятельства повлияли и на отношение местного населения к геноциду евреев в годы Второй мировой войны.

Никколо Пьянчола (Университет Линнань, Гонконг) исследует ситуацию в 1930–1934 гг. в районе Аральского моря [5]. В начале описываемого периода его побережье принадлежало Казахской АССР, входившей в состав РСФСР (будущая Казахская ССР, написание слов *казахи* / *казахский* через *х* утвердилось позже), в том числе южное побережье относилось к входившей тогда в состав Казахстана / Казахстана Кара-Калпакской автономной области (переведена в непосредственное подчинение РСФСР в 1930 г., преобразована в автономную республику в 1932 г., в 1936 г. передана из РСФСР в состав Узбекской ССР). Как показано в статье, голод в Казахстане, имевший катастрофические последствия для населения северо-казахского побережья Арала, в Каракалпакстане ощущался в гораздо меньшей степени. Потери от голода изменили экономическую географию региона: до начала 1930-х годов рыболовный промысел концентрировался в основном на севере Арала, но затем, после гибели значительной части казахов, переместился в южную его половину. Во многом столь разное развитие ситуации на северном и на южном побережье было связано с тем, что северное побережье уже соединялось с центральной частью России Оренбургско-Ташкентской железной дорогой, тогда как транспортная доступность южного побережья была существенно ниже. Эта разница в обеспеченности транспортом сыграла важную роль в развитии Казахстана и Средней Азии в целом, поскольку именно Казахстан рассматривался советским руководством как дополнительная продовольственная база Советского Союза, что и стало причиной непомерных планов по заготовкам зерна и мяса, реализация которых спровоцировала массовый голод в регионе. Территория современных Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана и Туркменистана в силу ее существенно меньшей доступности в эти планы не включалась. Автор отмечает как симптоматичное то обстоятельство, что решение о передаче Кара-Калпакской АО из состава Казахстана в прямое подчинение РСФСР было принято в 1930 г. на том же самом заседании Политбюро, что и решение о массовых

реквизициях продовольствия в Казахстане. Вопрос об административной подчиненности Каракалпакстана, таким образом, решался исходя из сугубо экономических соображений. Даже в советской научной литературе того времени при изучении социально-экономического положения к югу от Аральского моря преобладал более взвешенный подход, нежели в отношении Казахстана, коренное население которого рассматривалось по преимуществу в качестве отсталых кочевников, причем непременным условием преодоления «отсталости» для них считался переход к оседлому образу жизни. Столь существенная разница в подходах также во многом была обусловлена различным положением Казахстана и территорий к югу от него в экономической географии сталинского СССР.

В двух статьях проводится сравнительный анализ голода 1921–1923 и 1932–1933 гг. на различном географическом материале. Статья О. Рудницкого, Олександра Гладуна, Н. Кулык (Институт демографии и социальных исследований имени М.В. Птухи) и Станислава Кульчицкого (Институт истории Украины НАН Украины, Киев) посвящена демографическим последствиям обеих катастроф на Украине [9]. Избыточную смертность в 1921–1923 гг. в республике они оценивают как 935 800 человек, из которых 54,4% погибли в пиковом 1922 г. Потери в сельской местности составили 821 700 человек (87,8% от общего числа погибших) [9, р. 556]. Особенно сильно голод ударили по южной, степной части Украины: наиболее высокая избыточная смертность (в пересчете на 1000 человека населения) зафиксирована в Днепропетровской, Одесской, Харьковской и Донецкой областях. Причем значительная доля избыточных смертей (46,3%) была вызвана даже не голодом как таковым, а эпидемиями, особенно в городах (63,4%), где скученность населения создавала благоприятные условия для распространения инфекций [9, р. 559]. Авторы относят эти смерти к жертвам голода, поскольку длительное недоедание значительно повысило уязвимость населения к болезням.

Голод 1932–1933 гг. отличался гораздо большими масштабами (3 942 500 погибших), более выраженным пиковым периодом (на 1933 г. приходится 89,5% потерь), а также иной структурой смертности (уровень инфекционных заболеваний в начале 1930-х годов был существенно ниже, нежели десятью годами ранее) и

иным географическим распределением жертв (сильнее всего пострадали лесостепные Киевская, Харьковская и Винницкая области). Различались и причины случившегося. Голод 1921–1923 гг. был вызван не только продовольственной политикой большевиков, но и сильной засухой; кроме того, он разразился на фоне общего кризиса экономики, обусловленного длительным периодом непрерывных войн (1914–1920). Голод 1932–1933 гг., напротив, имел место в мирное время, при относительно благоприятных погодных условиях, а сельское хозяйство Украины за годы НЭПа успело восстановить свою производительность. Это свидетельствует об искусственном характере случившейся гуманитарной катастрофы.

Сравнительному анализу событий 1921–1922 и 1932–1933 гг. на Дону и на Кубани посвящена статья Евгения Кринко, Аллы Шадриной (Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону) и Александра Скорика (Южно-Российский государственный политехнический университет имени М.И. Платова, Новочеркасск) [4]. Авторы сравнивают причины массового голода на казачьих землях в начале 1920-х и в начале 1930-х годов, стратегии выживания, применявшиеся местным населением, и роль церкви в борьбе с голodom. Исследование основано на довольно обширной источниковой базе, однако наибольшее внимание авторы уделяют рассекреченным документам ОГПУ о массовых настроениях на местах, а также записанным еще в 1970-е годы воспоминаниям казаков, переживших голод. В советский период Донское и Кубанское казачьи войска были расформированы, их прежние земли разделены между различными вновь образованными территориально-административными единицами. Оценить долю казаков в общей численности населения в это время сложно, поскольку официально донские казаки и часть кубанских считывались как русские, большинство кубанских казаков – как украинцы. Известно тем не менее, что на территории бывшей Области Войска Донского казаки составляли свыше половины населения, в Северо-Кавказском крае, по данным переписи 1926 г. – 27,5% населения [4, р. 570].

Причины массового голода на Дону и на Кубани были в целом те же, что и на Украине: в 1921–1922 гг. – засуха в сочетании с грабительской политикой большевистской администрации на фоне общей хозяйственной разрухи в регионе после Гражданской войны, в 1932–1933 гг. – массовое изъятие зерна из колхозов в рамках не-

оправданно завышенных планов по хлебозаготовкам, а также репрессивные меры с целью подавить крестьянское сопротивление коллективизации. Разные масштабы голода и различия в общей социально-политической ситуации начала 1920-х и начала 1930-х годов предопределили различия в стратегиях выживания: если в 1921–1922 гг. преобладали социально одобряемые практики (забой скота, переход на работу с государственных предприятий и даже из административных учреждений в частные хозяйства и кооперативы, переселение ближе к водоемам, употребление рыбы и морепродуктов, а также разнообразных суррогатов), то в 1932–1933 гг. широкое распространение получили практики асоциальные (людоедство, трупоедство, злоупотребление служебным положением, взяточничество) – «в силу гораздо более ограниченных материальных ресурсов – по сравнению с тем, что было десятилетием ранее, – и более узким набором возможностей, доступных в рамках колхозной системы» [4, р. 579]. Различалась и роль церкви. В 1921–1922 гг. православное духовенство довольно активно пыталось помочь населению областей, пораженных голодом, однако большевистское руководство, воспользовавшись инициативой патриарха Тихона о пожертвовании части церковных ценностей в пользу голодающих, запустило в конце 1921 – начале 1922 г. гораздо более масштабную кампанию по массовому принудительному изъятию церковных ценностей. При этом значительная часть собранных средств была потрачена не на помочь пострадавшим регионам, а на реализацию политических (в том числе внешнеполитических) амбиций советской верхушки. К началу 1930-х годов церковь была уже обескровлена репрессиями и не имела достаточных ресурсов для действенной помощи жертвам голода.

Паоло Фонци (Берлинский университет Гумбольдта) анализирует восприятие голода в СССР за границей на примере донесений британских, германских, польских и итальянских дипломатов [1]. До начала «архивной революции» в постсоветской России материалы иностранного происхождения оставались практически единственным источником по истории голода 1930–1933 гг. По мнению Фонци, они сохраняют свое значение и сегодня, хотя и с оговорками. Кроме того, изучаемые им дипломатические документы отражают восприятие большевистского эксперимента в целом в соответствующих странах. Статья начинается общим обзором от-

ношений Советского Союза с Англией, Германией, Польшей и Италией в описываемый период; далее автор подробно рассматривает то, как дипломаты из этих стран оценивали причины массового голода, его спонтанный или рукотворный характер и роль национального фактора.

Наименее информативными, по наблюдениям П. Фонци, оказались донесения британских дипломатов. Во многом это было связано с тем, что на фоне неровных и часто конфликтных отношений между Лондоном и Москвой в 1920-е годы служба в России утратила свой прежний статус в общей структуре британского внешнеполитического ведомства. В московском посольстве остро не хватало квалифицированных специалистов по России, к тому же Великобритания, в отличие от Германии, Италии и Польши, не имела консульств в регионах, ее дипломаты работали только в Москве и Ленинграде. Их польские, итальянские и немецкие коллеги поставляли своему руководству гораздо более подробные и взвешенные сведения. Этим, по мнению автора, объясняется и то обстоятельство, что в английских документах практически полностью игнорируется такой фактор, как социально-политический конфликт между большевистским руководством и крестьянами, тогда как сотрудники немецких, итальянских и польских дипломатических миссий считали этот конфликт одной из основных причин голода. Итальянские дипломаты в своих донесениях подчеркивали искусственный характер случившейся катастрофы, предполагая, что власти рассчитывают таким способом подавить национальное движение на территориях с украинским и немецким населением. Немцы придерживались более осторожных оценок и склонялись к тому, что голод как таковой вызван сложным комплексом причин, однако советское руководство пытается использовать его как оружие против крестьян, сопротивляющихся коллективизации. Кроме того, они сомневались в существовании сколько-нибудь серьезных сепаратистских движений среди украинцев и советских немцев и рассматривали разговоры о «буржуазном национализме» скорее как пропагандистскую уловку. Примечательно также, что, хотя представители всех четырех стран осуждали голод как таковой и тем более попытки его использования в политических целях, английские, немецкие и итальянские дипломаты в своих донесениях скорее оправдывали саму политику коллекти-

визации как способ модернизировать советскую деревню и повысить ее продуктивность. Более того, в немецких и итальянских докторских диссертациях заметна явная неприязнь их авторов по отношению к крестьянам как к «отсталому» классу, «тормозящему» развитие страны. В польских документах этот мотив отсутствует, что отражает различия в умонастроениях политической и интеллектуальной элиты Польши того времени, в том числе в ее отношении к модернизации и индустриализации.

Наконец, исследование Джеймса Рихтера (Бэйтский колледж, Льюистон, США) посвящено отражению голода 1930–1933 гг. в массовой памяти на Украине и в Казахстане в постсоветский период [7]. Несмотря на то что обсуждаемые события имели катастрофические последствия для обеих республик, отношение к ним в современном украинском и казахстанском обществе различается довольно сильно. В своей работе Рихтер опирается на две политологические модели, в рамках одной из которых основной акцент делается на инструментальном использовании исторической памяти политическими элитами¹, тогда как другая предполагает анализ социально-исторических факторов, обуславливающих доминирование в обществе тех или иных исторических нарративов². По его словам, эти модели не исключают, а скорее дополняют одна другую.

Парадокс украинской национальной памяти состоит в том, что тезис о рукотворном характере Голодомора 1932–1933 гг. как геноцида украинского народа родился в послевоенные годы в украинской диаспоре в Северной Америке и впервые получил широкое распространение в самой республике на фоне перестройки, причем главным образом в Западной Украине, хотя в начале 1930-х годов она еще не входила в состав СССР. Последующие разногласия по этому вопросу между жителями «запада» и остальной частью республики имеют достаточно глубокие исторические корни, поскольку в XIX в. украинский национализм культивировался прежде всего именно в Западной Украине (Восточной Галиции), которая тогда принадлежала Австрии, в то время как в Российской

¹ Twenty years after communism: the politics of memory and commemoration / Ed. by M. Bernhard, J. Kubik. – New York : Oxford University Press, 2014. – XVIII, 362 p.

² Darden K., Grzymala-Busse A. The great divide : literacy, nationalism and the communist collapse // World politics. – 2006. – Vol. 59, N 1. – P. 83–115.

части современной Украины царское правительство проводило политику, нацеленную на ее максимальную интеграцию в единое восточнославянское пространство, вплоть до ограничений на использование украинского языка в школе. Тем не менее в 1990-е годы, когда власть на получившей независимость Украине принадлежала по большей части представителям прежней советской номенклатуры, правящая элита не была заинтересована в широкой дискуссии о причинах голода 1932–1933 гг., рассматривая такую возможность как угрозу политической стабильности. Ситуация резко изменилась после «оранжевой революции» 2004 г., когда администрация президента В.А. Ющенко сделала тезис о Голодоморе как о геноциде украинцев частью своей официальной идеологии, что вызвало активное сопротивление во многих регионах. После политического кризиса 2013–2014 гг., потери Крыма и начала гражданской войны в Донбассе положение дел изменилось снова, поскольку неприятие сегодняшней политики России по отношению к Украине привело не только к дальнейшему росту национального самосознания, но и к превращению тезиса о сталинском геноциде в доминирующую точку зрения в украинском обществе: согласно социологическим опросам, с 2010 по 2017 г. доля граждан, считающих себя украинцами, возросла с 81,5 до 88,3%, а доля респондентов, согласных с тем, что Голодомор являлся актом геноцида, — с 61% до 77% (цифры приводятся для всей территории страны за вычетом Крыма и территорий непризнанных Донецкой и Луганской народных республик). Примечательно, что подобный общественный консенсус не распространяется, к примеру, на деятельность ОУН – УПА, отношение к которой остается предметом споров [7, р. 482].

В Казахстане тема голода, напротив, по большей части замалчивалась не только в советский период, но и после обретения независимости. Публичное ее обсуждение началось лишь в последние годы, тогда же стали проводиться и официальные памятные мероприятия; при этом политическое руководство Казахстана по-прежнему дистанцируется от разговоров о голоде как о геноциде и подчеркивает, что жертвами голода стали представители разных национальностей, и в самом Казахстане, и в других республиках. Как и на Украине, подобная ситуация обусловлена сочетанием политических и исторических факторов. В период голода боль-

шинство казахов еще не умели читать и писать, так что письменных источников, оставленных непосредственно гражданами, пережившими эту катастрофу, довольно мало. Прежний социальный уклад казахского общества был разрушен, а распространение грамотности сопровождалось и навязыванием официальной советской идеологии. В постсоветский период у власти в Казахстане фактически остались представители прежней советской номенклатуры во главе с Н.А. Назарбаевым, их внутренняя политика и в 1990-е, и в 2000-е годы была нацелена прежде всего на поддержание стабильности и сохранение лояльности граждан, отсюда незаинтересованность в возвращении болезненной темы голода в поле общественной дискуссии. Вопрос о причинах изменений в политике памяти с начала 2010-х годов остается открытым и требует дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Fonzi P. Non-Soviet perspectives on the Great Famine: a comparative analysis of British, Italian, Polish, and German sources // Nationalities papers. – 2020. – Vol. 48, N 3. – P. 444–459. – DOI: 10.1017/nps. 2019.27
2. Graziosi A. Introduction to the special issue on the Soviet famines of 1930–1933 // Nationalities papers. – 2020. – Vol. 48, N 3. – P. 435–443. – DOI: 10.1017/nps. 2019.106
3. Khiterer V. The Holodomor and Jews in Kyiv and Ukraine: an introduction and observations on a neglected topic // Nationalities papers. – 2020. – Vol. 48, N 3. – P. 460–475. – DOI: 10.1017/nps. 2018.79
4. Krinko E., Skorik A., Shadrina A. The Don and Kuban regions during famine: the authorities, the Cossacks, and the Church in 1921–1922 and 1932–1933 // Nationalities papers. – 2020. – Vol. 48, N 3. – P. 569–584. – DOI: 10.1017/nps. 2019.120
5. Pianciola N. The benefits of marginality : the Great Famine around the Aral Sea, 1930–1934 // Nationalities papers. – 2020. – Vol. 48, N 3. – P. 513–529. – DOI: 10.1017/nps. 2019.22
6. Regional 1932–1933 famine losses: a comparative analysis of Ukraine and Russia / Levchuk N., Wolowyna O., Rudnytskyi O., Kovbasiuk A., Kulyk N. // Nationalities papers. – 2020. – Vol. 48, N 3. – P. 492–512. – DOI: 10.1017/nps. 2019.52
7. Richter J. Famine, memory, and politics in the post-Soviet space : contrasting echoes of collectivization in Ukraine and Kazakhstan // Nationalities papers. – 2020. – Vol. 48, N 3. – P. 476–491. – DOI: 10.1017/nps. 2019.17
8. Special issue on the Soviet famines of 1930–1933 // Nationalities papers. – 2020. – Vol. 48, N 3.
9. The 1921–1923 famine and the Holodomor of 1932–1933 in Ukraine: common and distinctive features / Rudnytskyi O., Kulchytskyi S., Gladun O., Kulyk N. // Na-

- tionalities papers. – 2020. – Vol. 48, N 3. – P. 549–568. – DOI: 10.1017/nps. 2019.81
10. Wolowyna O., Levchuk N., Kovbasiuk A. Monthly distribution of 1933 famine losses in Soviet Ukraine and the Russian Soviet Republic at the regional level // Nationalities papers. – 2020. – Vol. 48, N 3. – P. 530–548. – DOI: 10.1017/nps. 2019.52

УДК 303.446.4; 329.11; 94(4) «1945/...»

ФАДЕЕВА Т.М.* ПРАВОРАДИКАЛЬНЫЕ ПАРТИИ И ДВИЖЕНИЯ В ЕВРОПЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.
DOI: 10.31249/rhist/2022.01.05

Аннотация. В обзоре рассматриваются новые научные публикации о праворадикальных партиях и движениях, заметное усиление и электоральные достижения которых в последние десятилетия являются транснациональным политическим феноменом, вызывающим озабоченность исследователей либерально-демократического направления. Праворадикальные партии нередко выступают в качестве партнеров для правительственные коалиций, а их политические предпочтения находят отражение в программах других партий. Несмотря на различия, они характеризуются рядом общих идеологических атрибутов, таких как национализм, ксенофобия, авторитаризм или стремление к сильному государству, шовинизм, а также традиционная этика, связанная с защитой семейных ценностей.

Ключевые слова: праворадикальные партии и движения; нелиберализм; крайне правые и свобода слова; нативизм; популистские праворадикальные идеи.

FADEEVA T.M. Right-wing radical parties and movements at Europe in contemporary western literature.

Abstract. The review examines new scientific publications on right-wing radical parties and movements. Its noticeable strengthening and electoral achievements in recent decades are a transnational politi-

* Фадеева Татьяна Михайловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия). E-mail: fadeewat@yandex.ru

cal phenomenon that causes concern among researchers of the liberal-democratic direction. Far-right parties often act as partners for government coalitions, and their political preferences are reflected in the programs of other parties. Despite the differences, they are characterized by a number of common ideological attributes: such as nationalism, xenophobia, authoritarianism or the desire for a strong state, chauvinism, as well as traditional ethics related to the protection of family values.

Keywords: right-wing radical parties and movements; illiberalism; the extreme right and freedom of speech; nativism; populist right-wing radical ideas.

Для цитирования: Фадеева Т.М. Праворадикальные партии и движения в Европе в современной западной литературе. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН. РАН, 2022. – № 1. – С. 69–82. DOI: 10.31249/rhist/2022.01.05

Недавние события в Европе, начиная с экономического кризиса и заканчивая проблемой иммиграции¹, создали благоприятные условия для значительной мобилизации праворадикальных правых организаций и движений. Об этом свидетельствуют не только победа Трампа на президентских выборах в США, Брексит (который был поддержан правыми группами и политиками) и появление новых националистических движений, но также растущий успех на выборах и появление радикальных правых групп по всей Европе². Недавние выборы в Европейский парламент 2019 г., с неоднозначными результатами для правых радикалов, при этом поразительно хорошо зарекомендовавших себя в некоторых крупных странах, таких как Италия, Польша и Венгрия, не были исключением: в целом число депутатов Европарламента от правых радикалов значительно увеличилось. Этот процесс можно наблюдать в Западной и Центральной, а также Восточной Европе, о чем свидетельствуют

¹ Проблема иммиграции особенно обострилась с 2015 г., когда в Европу нелегально приехали более 1,5 млн человек, в основном беженцев. С тех пор этот показатель сократился более чем в 10 раз, однако вопросы управления миграционными потоками далеки от решения. – *Прим. авт.*

² Caiani M., Graziano P. Understanding varieties of populism in Europe // West European politics. – 2019. – Vol. 42(6). – P. 1141–1158.

результаты выборов: партия «Шведские демократы» (18% голосов на выборах в сентябре 2018 г.); чешская партия «Недовольные граждане» (30% голосов в 2018 г.); партия «Альтернатива для Германии» (АдГ), сумевшая войти в германский Бундестаг (почти 13% голосов в 2017 г. на федеральных и на региональных выборах 2018 г.); успех Датской народной партии (21% в 2015 г.); партия «Йоббик» в Венгрии (20% как на выборах 2014, так и на выборах 2018 г.). Наряду с электоральными успехами праворадикальных партий появились новые формы правых общественных движений, которые функционируют как инкубаторы для новых политических и организационных идей. Подъем антиисламского движения Пегида¹ с 2014 г., с его еженедельными маршами антииммигантских групп бдительности и уличных патрулей граждан (например, «Солдаты Одина»), и быстрое распространение движения за идентичность – это лишь некоторые из последних устойчивых эпизодов мобилизации правых радикалов за пределами избирательной арены.

В статье итальянского исследователя Высшей Нормальной школы (Флоренция) Мануэлы Кайяни «Праворадикальные движения: подъем и устойчивость» [1, р. 1] рассматриваются три направления исследований в посвященной этому явлению литературе: во-первых, макроуровень, изучающий судьбы этих движений; во-вторых, мезоуровень, т.е. внутренние организационные ресурсы – лидерство, коммуникации и пропаганда, – которые поддерживают мобилизацию; и, в-третьих, микроуровень, или индивидуальные факторы возникновения и подъема праворадикальных движений. По словам автора, его «цель состоит в том, чтобы пролить свет на вопросы “Кто”, “Когда”, “Как” и “Почему”, объясняющие возникновение и мобилизацию праворадикальных групп, используя эмпирические данные, полученные из различных тематических исследований в Западной, Восточной и Центральной Европе» [1, р. 2]. Эта тема слабо освещена в академической литературе, которая по-прежнему сосредоточена в основном на политических партиях и выборах. В связи с этим в статье намечаются

¹ ПЕГИДА, Патриотические европейцы против исламизации Запада – немецкое правопопулистское движение, созданное в декабре 2014 г. в Дрездене. – *Прим. авт.*

направления исследований радикального правого движения, включая транснационализацию правых радикалов, использование Интернета и другие формы.

При анализе причин возникновения и успеха мобилизации праворадикальных движений («когда и почему?») автор выделяет следующие основные аналитические подходы. Одни подчеркивают – на индивидуальном (микро) уровне – роль психологических характеристик экстремистов, а также ценностей и мотиваций активистов. Другие, напротив, сосредоточиваются на мезоуровне, т.е. организационных факторах, пропаганде и лидерстве. Третий подход фокусируется на социокультурных и экологических условиях, которые могут повлиять на мобилизацию и успех участников движения.

Для праворадикальных движений по всей Европе, несмотря на различия, во многом характерен акцент на суверенитете и политике, отвечающей национальным предпочтениям (отсюда и «новый национализм»). Они способны мобилизовать поддержку, выступая за строгую иммиграционную политику, которая ставит коренных жителей на первое место в том числе в области социального обеспечения и социальных услуг («нативизм»¹). Праворадикальные группы практикуют социальный шовинизм в отношении этнических и религиозных меньшинств (в частности, общин мусульман и цыган) как метод экстраполяции «предрассудков» на более экономические (рациональные) требования. Утверждается, что миграционный кризис предоставил уникальную возможность для трансформации праворадикальных организаций в Восточной и Центральной Европе из движений в партии. Подчеркивается роль «нативистских» движений и партий в политическом процессе различных стран. Фактически иммиграция и мультикультурализм продолжали оставаться одной из ключевых тем правых экстремистов. Роль религии также подчеркивается в рамках культурологии

¹ Нативизм (от англ. *native* – «коренной», «уроженец») – политическая позиция, требующая благоприятствования и предоставления привилегированного статуса для определенных представителей нации по отношению к приезжим или иммигрантам. Нативизм обычно предполагает оппозицию иммиграции и снижение политического или правового статуса конкретных этнических и / или культурных групп как враждебных или чуждых данной национальной культуре и не поддающихся ассимиляции. – *Прим. авт.*

ческого подхода к пониманию праворадикальных движений. Наблюдается рост числа нападений на мусульман, причем христианские движения и другие религиозно мотивированные радикальные правые группы усилили свою активность – в частности в форме преступлений на почве исламофобии, особенно после трагедии 11 сентября в США.

Вопросу о том, почему группа людей может принять решение о мобилизации, уделяется много внимания, однако многие ученые пришли к выводу, что одного только недовольства недостаточно для создания движений. Помимо контекста, способствующего праворадикальной мобилизации, исследователи подчеркивают важность индивидуальных ценностей и мотиваций, которые могут стимулировать активность внутри праворадикальных групп. Этот подход признает, что выживание и успех крайне правых партий зависят не только от их успеха на выборах и использования СМИ, но также от участия активистов. Автор описывает типичный профиль активиста праворадикального движения так: мужчина 35–59 лет, с низким уровнем образования, относительно недовольный демократией, напуганный иммиграцией, готовый к социальному снижению – все это факторы, благоприятствующие появлению праворадикальных активистов. Действительно, праворадикальные организации стоят на стороне проигравших в социализации, получая поддержку со стороны тех, кто экономически, но еще более культурно, чувствует угрозу со стороны процессов глобализации. Однако некоторые исследования показали более сложную картину мобилизации участников праворадикальных движений. В то время как социальный состав более успешных и «признанных» праворадикальных партий, таких как Национальный фронт, относительно неоднороден, более радикальные маргинальные группы (такие как немецкая NPD) «отпугнули средний класс». Увеличение интенсивности радикальной правой деятельности в Европе наблюдается в течение последних двух десятилетий, что связано со случаями протеста (как насильственными, так и ненасильственными) с участием активистов.

В последнее десятилетие исследователи подчеркнули способность радикальных правых – так же, как и левых – порождать

гибридные организации, такие как «партии движения»¹, а также способность более подвижных и неформальных групп выдвигать политических деятелей. Было замечено, что эти организации занимают концептуальное пространство между партией и движением, поскольку они участвуют в выборах, чтобы получить представительство, но при этом стремятся мобилизовать общественную поддержку, формулируя спорные вопросы особым образом. «Как новый тип политической организации, праворадикальные «партии движения» доказали свою успешность в мобилизации избирателей в некоторых странах. В качестве примеров можно привести «Движение чаепития» в США и «Йоббик» в Венгрии, а также партию Альтернатива для Германии (АдГ), которая обеспечивает политический якорь для националистических и правых протестов. «Новые» партии правого движения обычно демонстрируют резко антистабилизмическую позицию, разворачивая популистский дискурс «мы» (народ) против «них» (политической элиты) и опираясь на недоверие общества к доминирующему политическому классу во времена кризиса. Уже утверждалось, что они, вероятно, будут возникать в ситуациях политического и экономического кризиса, когда традиционные существующие партии окажутся не в состоянии решить накопившиеся социальные проблемы. Типология взаимодействия движений и партий предполагает различные формы сотрудничества, например, кооптация, присвоение повестки дня, проникновение и др. Последствия этого взаимодействия затронут политику в таких областях, как меньшинства и иммиграция, закон и порядок, религия, территориальные вопросы и демократизация» [1, р. 15].

Дискуссия о причинах возникновения праворадикальных движений и мобилизации остается противоречивой, и, как показано в статье, существует множество различных подходов. Данные микроуровня, которые подчеркивают либо первичную социализацию активистов и поиск статуса и идентичности, либо их авторитарные или ксенофобские взгляды, в основном сосредоточены на «стороне спроса» на праворадикальную политику, а именно на тех

¹ Caiani M., Cisar O. Radical right «Movements parties» // Radical right «Movements parties» in Europe / Caiani C., Cisar O. (eds.). – Abingdon : Routledge, 2018. – Р. 2–23.

индивидуальных факторах, которые заставляют людей сочувствовать, присоединяться или голосовать за праворадикальные правые организации. Этот подход поставили под сомнение другие исследователи, которые подчеркивают тот факт, что все эти объяснения правого радикализма неявно разделяют одно допущение: при «нормальных обстоятельствах» (т.е. без кризиса) спрос на крайне правую политику должен быть низким [1, р. 19]. С другой стороны, если исследования на макроуровне сосредоточены на социально-экономических переменных (в частности, экономических различиях, этнических или классовых различиях и структурных факторах, таких как технологии и коммуникации) и / или политических и культурных переменных (таких как политическая культура, религия и исторический опыт), то исследования на мезоуровне подчеркивают их взаимодополняющую роль как «посредника». Они подчеркивают, что одних структурных эффектов недостаточно для объяснения правого экстремизма. Разработка всеобъемлющей аналитической основы, которая одновременно учитывает контекст как структурной, так и групповой динамики, а также психологические факторы, является задачей будущих исследований радикальных правых.

Аня Джудичи, исследователь Отдела политики и международных отношений Оксфордского университета, в статье «Семена авторитарной оппозиции: крайне правая политика в области образования в послевоенной Европе», основанной на контент-анализе программных материалов ультраправых организаций во Франции, Германии и Италии, показывает масштабы влияния ультраправых идей [2, р. 121]. Автор утверждает, что послевоенные европейские ультраправые обладают существенными чертами общественного движения, в том числе и в сфере образования.

С 1980-х годов правый экстремизм, радикализм и популизм превратились в активную силу, влияющую на европейскую политику. Междисциплинарные научные исследования в этой области, однако, не включали специалистов по образованию, как и оценки потенциальных последствий влияния крайне правых на европейское образование. За последние несколько десятилетий крайне правые перешли от маргинального статуса к роли активного игрока в европейской политике. Ряд широко рекламированных результатов на выборах обеспечил крайне правым партиям беспре-

цедентный доступ к политическим институтам на уровне как отдельных государств, так и Европейского союза. Но их влияние распространяется не только на избирателей. Доступ крайне правых интеллектуалов к основным средствам массовой информации постепенно закрепил их идеи в качестве альтернативных в общественных дебатах. В то же время крайне правые партии все чаще рассматриваются в качестве партнеров для правительственные коалиций, а их политические предпочтения нашли отражение в программах других партий. Крайне правые организации неоднородны, но, несмотря на свои организационные и программные различия, они исповедуют общую идеологию, к отличительным чертам которой относятся: вера в авторитаризм; антидемократические или антилиберальные позиции, а также националистические взгляды. Соответственно, аналитики считают возрождение крайне правых «самым серьезным новым политическим вызовом либеральной демократии в Западной Европе и других странах» [2, р. 122].

Исследование крайне правых организаций во Франции, (Западной) Германии и Италии показывает, что эти силы действительно уделяют серьезное внимание образованию. Во-первых, указанные организации определяют сферу образования как одну из наиболее коррупционных в обществе. Последняя рассматривается как следствие образовательной политики, соответствующей определенным интересам – например, левых в США. Во-вторых, подходы этих организаций основаны на убеждении, что только сочетание институциональной и оппозиционной политики может привести к изменениям. Поэтому крайне правые создали плотную сеть специализированных политических и образовательных организаций, которые объединяют заинтересованные стороны в парламентах, интеллектуальных аналитических центрах, школах и семьях. Происходящее некоторые аналитики называют «четвертой волной» крайне правой политики. Например, Национальный фронт ((FN), теперь Национальное объединение) недавно возродил свои собрания для учителей (Collectif Racine), студентов (Collectif Marianne) и молодежи (Generation Nation). В последние несколько лет по всей Европе подобные организации и их последователи на низовом уровне присоединились к религиозным фундаменталистам, выходя на улицы в знак протеста против новшеств в образовании, в первую очередь против преподавания гендерной проблем-

матики. Специализированные веб-сайты продолжают предоставлять родителям и активистам подробную информацию об «опасных» образовательных проектах в школьных учебниках, а также о том, как противостоять им. Движение правых поддерживает с помощью инвестиций домашнее обучение – как способ избежать «смертельного коктейля, посредством которого государство управляет нашими детьми» [2, р. 136]. Видные представители крайне правых, такие как Марион Марешаль и Стив Бэннон, сознательно посвящают себя воспитанию новой интеллектуальной элиты.

В заключение автор намечает три направления европейских исследований в области образования. Во-первых, необходимо систематическое изучение того, как «расходились и сходились» образовательные идеи и политические предпочтения крайне правых, поскольку имеются важные пробелы в наших теоретических знаниях о том, как их идеологии влияют на политику образования. Это особенно актуально сегодня в Европе, где крайне правые представляют собой «растущую политическую силу, которая поставила перед собой цель преобразовать как национальную политику, так и европейское сообщество, и чье влияние на развитие Европы все больше набирает обороты» [2, р. 137]. Во-вторых, учитывая их общие черты, необходимо изучать особенности действий крайне правого движения. Например, укрепление позиций Национального фронта (FN) на выборах во Франции или децентрализация управления образованием в Италии повлияли на их соответствующие низовые сети. Следовало бы также поставить вопрос об отличиях стратегий, выбранных крайне правыми, от стратегий левых и прогрессивных движений. В литературе, посвященной общественным движениям, разработаны методы для теоретизации поведения и влияния движений, основанные на их организационных особенностях, способности эмоционально активизировать участников и формировать дискуссию, а также политических и институциональных возможностях и ограничениях, определяющих их доступ к институциональной политике. Выводы сравнительного анализа, учитывающие идеологические, институциональные и географические различия – и в том числе акцентирующие внимание на разных частях Европы, – были бы особенно ценны для применения этих методов в образовании. В-третьих, такое исследо-

дование подтверждает тезис о том, что «движения сами по себе являются воспитателями». Действительно, значительная часть деятельности общественных движений состоит в сборе и распространении знаний, навыков для определения самоидентичности среди активистов и будущих кадров, а также среди широкой общественности. Социологические исследования также показывают, что воспитание играет решающую роль для выживания и распространения социальных движений, при этом этнографы показывают, что крайне правые семьи понимают свое воспитание как активизм, проявляющийся в том числе в праздновании ритуалов. Вопрос о том, действительно ли эти и другие образовательные практики формируются идеологией и насколько они эффективны с образовательной и политической точек зрения, остается открытым для анализа. Ответ на этот вопрос может не только обогатить наше понимание того, как формируются образовательные убеждения и практики. Ученые – представители крайне правых начали призывать к изучению того, «почему люди присоединяются к движению, как они социализируются в членов и как партия подбирает и обучает свои кадры. Специалисты в области образования вполне подготовлены для того, чтобы пролить свет на такие процессы» [2, р. 142].

Праворадикальный популизм нередко мимикирует, избирательно используя тезисы своего главного противника – либерализма и представляя себя в качестве защитника дискриминируемых групп – таких, как гомосексуалы или женщины (гендер), – позиционируя эти группы как часть «народа», которую необходимо защищать, и представляя себя как защитника свобод, свободы слова и других ценностей Просвещения. В статье Бенжамена Мофитта (Уппсала университет, Швеция) показано, как популистские праворадикальные партии в Северной Европе ссылаются на либеральные принципы и ценности только для того, чтобы атаковать своих врагов – в ряде случаев мусульман и «элиту», – которые якобы способствуют «исламизации» Европы, причем автор рассматривает этот «дискурсивный сдвиг» как движение к «либеральному нелиберализму» [3, р. 112]. На материале партийных манифестов и прессы автор излагает способы формулирования либерального нелиберализма, причины и последствия этого «дискурсивного сдвига».

В качестве примера раскрытия сложных взаимоотношений между популизмом и либерализмом в статье рассматриваются пять современных праворадикальных партий в Северной Европе, которые часто использовали либеральные аргументы: Партия за свободу (PVV) и Список Пима Фортейна (LPF) в Нидерландах, Шведские демократы (SD) в Швеции, Датская народная партия (DF) в Дании и Партия прогресса (FRP) в Норвегии. Эти партии, выступая в защиту гендерных и сексуальных меньшинств, за свободу личности, светскость и свободу слова, при этом избирательно ссылаются на либерализм, используя его не столько как «идеологический компас», сколько как дискурс, который легко сочетается с националистической идеологией и популистским стилем. Указанные партии были выбраны, поскольку они являются наиболее заметными примерами праворадикальных партий в Северной Европе. Каждая из этих партий, являясь, несомненно, ксенофобной и антилиберальной, порой сочетает свою праворадикальную направленность с классически либеральными позициями в других областях политики. Прежняя антилиберальная политика этих партий хорошо документирована в академической литературе и, следовательно, не требует здесь длительного анализа: в дополнение к этому она включает также расизм, нативизм, ксенофобию и авторитаризм, проявления которых менее изучены. Либеральные темы, которые эти партии, как правило, используют для выражения своего в остальном относительно последовательного нелиберализма, объединяются вокруг: 1) гендера и сексуальности; 2) свободы личности; 3) христианского секуляризма; и 4) свободы слова [3, р. 113]. Учитывая, что либерализм является широким понятием, эти конкретные области были выбраны для изучения, поскольку они в целом отражают проблемы варианта «жесткого» либерализма, который рассматривает самовыражение как главную ценность, оправдывающую либеральные права, а не разнообразие, терпимость или автономию, относительно более распространенные. Более того, «эти темы прочно вписываются в социокультурное измерение либерализма (а не в социально-экономическое измерение), на котором здесь сосредоточено внимание в связи с растущей значимостью социокультурных проблем для праворадикальных партий в Западной Европе» [3, р. 114]. Далее автор, используя платформы и публичные заявления этих партий, приходит к выводу:

взятые вместе, эти партии формулируют «либеральный нелиберализм», в соответствии с которым отдельные элементы либерального дискурса и идеологии используются для защиты в конечном счете нелиберальной позиции. Первая либеральная тема, на которую ссылаются североевропейские праворадикальные партии, вращается вокруг защиты сексуальных меньшинств. В Нидерландах, где лидер ЛПФ Пим Фортейн стремился пропагандировать свою социальную либеральность заявлениями о своей гомосексуальности, лидер PVV Герт Вилдерс также стремился изобразить себя союзником ЛГБТ-сообщества, утверждая, что он борется за свободу, которую должны иметь геи, поскольку это именно то, против чего борется ислам.

Скандинавские правые радикалы с меньшим энтузиазмом относятся к правам ЛГБТ-сообщества. Тем не менее эти партии выступают против дискриминации в отношении ЛГБТ в своих политических платформах, при этом Шведские демократы (SD) поддерживает судебное преследование тех, кто дискриминирует людей из-за сексуальной ориентации, а Датская народная партия (DF) открыто называет ислам врагом сообщества ЛГБТ, утверждая, что «в последние десятилетия гомосексуалы подверглись давлению со стороны нетерпимых исламских групп», заявляя, что партия будет «решительно бороться против угнетения и дискриминации гомосексуалов», и призывая полицию «принять целенаправленные меры против конкретных групп, которые могут проявлять достойную осуждения нетерпимость к гомосексуалам». Эти партии также выступают за гендерное равенство [3, р. 115].

Возвращаясь к принятому в литературе допущению, согласно которому популизм противоположен либерализму, автор отвечает, что это «возможно в теории, но не обязательно на практике. Рассмотренные в статье “смешанные” случаи демонстрируют элементы как либерализма, так и нелиберализма, и мы не можем игнорировать тот факт, что эти партии используют определенную версию либерального дискурса, хотя и не выступают за либеральную политику. Однако в то же время мы не можем всерьез называть эти партии “либеральными” или даже “либеральными популистами”. До тех пор, пока их основной идеологией является форма нативизма или гражданского национализма, которая стремится скорее исключить, чем включить, тогда нелиберализм этих

партий все еще остается их основным идеологическим компасом, а либеральные ценности, по сути, становятся националистическими ценностями» [3, р. 118]. В заключение автор делает три важных вывода о взаимосвязи между либерализмом и популизмом. «Во-первых, несколько ошибочно изображать популизм как прямую противоположность либерализму – популисты открыто заимствуют, подражают и используют язык, если не политику либерализма, и все чаще случается, что либералы делают то же самое с популизмом. Во-вторых, «идеологический пуризм» встречается редко, и зачастую неудивительно, что некоторые популисты более либеральны, чем другие. В-третьих, свидетельства того, как эти партии перестраивают, принимают и используют, казалось бы, парадоксальные идеологические и дискурсивные позиции, подтверждают мнение о том, что популизм в меньшей степени является мировоззрением или идеологией и в большей степени – дискурсом. Неудивительно, что популизм эклектичен, склонен к использованию любых вопросов, которые кажутся полезными в данный момент. Сегодня эти проблемы наиболее эффективно используются, будучи завернутыми в либеральную упаковку. В конечном счете либерализм Североевропейских праворадикальных партий не следует принимать за чистую монету, а скорее следует воспринимать как либеральный нелиберализм, который избирательно использует либеральные образы, дискурс и идеологию, чтобы придать более «приемлемый» вид нелиберальной политике» [3, р. 122].

Список литературы

1. Caiani M. Radical right movements : the rise and endurance // Current Sociology. – 2019. – September. – P. 1–18. – DOI: 10.1177/001139211986800. – URL: https://www.researchgate.net/publication/335776030_The_rise_and_endurance_of_radical_right_movements
2. Giudici Anja. Seeds of authoritarian opposition : far-right education politics in post-war Europe // European Educational Research j. – 2021. – Vol. 20 (2). – P. 121–142.
3. Moffitt B. Liberal Illiberalism? The Reshaping of the Contemporary Populist Radical Right in Northern Europe // Politics and Governance. – 2017. – Vol. 5, N 4. – P. 112–122. – DOI: 10.17645/pag.v5 i4.996

РЕЦЕНЗИИ

УДК 929; 930.85; 94(47).084.5-9

ДУНАЕВА Ю.В.* Рецензия на кн. : ВАЛЬКОВА О.А. ЖИЗНЬ И УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ АСТРОНОМА СУББОТИНОЙ. – М. : НЛО, 2021. – 608 с.

DOI: 10.31249/rhist/2022.01.06

Ключевые слова: история науки XIX–XX вв.; астрономия в СССР; история женщин, середина XX в.; Н.М. Субботина.

Keywords: history of science in the 19th – 20th centuries; astronomy in the USSR; history of women, mid XX century; N.M. Subbotina.

Для цитирования: Дунаева Ю.В. [Рец.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – М. : ИНИОН. РАН, 2022. – № 1. – С. 82–87. – Рец. на кн. : Валькова О.А. Жизнь и удивительные приключения астронома Субботиной. – М. : НЛО, 2021. – 608 с. – DOI: 10.31249/rhist/2022.01.06.

Возникновение истории женщин ассоциируется с приходом такого вида исторического исследования, как «история снизу», в 1970-е годы, или социальной истории. Интерес ученых обратился не только к традиционным субъектам исследования, но и к тем, кого раньше история «не замечала». К настоящему времени в России произошла «институционализация направления, которая выразилась в создании лабораторий и центров гендерных исследований на факультетах и в институтах РАН, множества низовых (неправительственных) женских некоммерческих организаций и парт-

* Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (НИОН РАН). E-mail: dunaeva@inion.ru

нерств, объединяющих единомышленниц, в том числе и увлеченных продвижением гендерной концепции в современную науку»¹.

Одним из примеров институционализации можно назвать создание в начале 2000-х годов Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ). Назовем несколько направлений работы этой ассоциации: современные подходы и методы исследования женской истории, частная жизнь женщин и женская повседневность, женское историописание и т.п. Цель этой коллективной деятельности – сделать историю женщин из разных социальных слоев «видимой», дать голос тем, к кому раньше история либо не обращалась, либо обращалась редко.

Автор рецензируемой книги – д-р ист. наук О.А. Валькова (Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН) – также обращалась как к женской истории, так и к истории науки². Ее новая книга посвящена женщине-ученой, которая трудилась на астрономическом поприще и внесла серьезный вклад в развитие науки.

О важности изучения биографий и деятельности ученых писали еще в XIX в. Вероятно, одним из первых опытов написания биографий научных деятелей можно назвать книгу французского химика, воздухоплавателя Гастона Тиссандье (Тисандье) (1843–1899) «Мученики науки»³. В ней собраны биографии ученых, которые жертвовали многим, иногда жизнью, ради научных занятий. Вот как он объяснил свой выбор: «С самого детства нам толкуют о завоевателях, которым народы обязаны всеми ужасами войны, и в то же время ничего не говорят о скромных тружениках, обеспечи-

¹ Пушкарёва Н.Л., Большая О.В. Гендерные исследования российского двадцатого века // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. История. – 2020. – Т. 65, вып. 1. – С. 325.

² См., например: Валькова О.А. Гендерная история науки в России. Начало // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. – 2019. – Т. 46, № 3. – С. 544–554. – doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-544-554; Валькова О.А. Немой свидетель, или Великая русская революция глазами астронома. Письма Н.М. Субботиной. 1917–1920 // Исторический архив. – Москва : РОССПЭН, 2017. – № 4. – С. 36–53; Валькова О.А. Наперекор общественному мнению: российские женщины-ученые в конце XVIII – начале XIX в. // Женщина в российском обществе. – Иваново : Ивановский государственный ун-т, 2018. – № 1. – С. 89–98.

³ Тиссандье Г. Мученики науки. – С. Петербург, 1880. – 360 с.

вающих обществам возможность пользоваться материальными и духовными благами... Однако своей цивилизацией мы обязаны не полководцам и завоевателям, а этим великим работникам всех стран и всех времен»¹.

О.А. Валькова не впервые обращается к фигуре Н.М. Субботиной – одной из первых отечественных женщин-астрономов. Результатом многолетних трудов стала книга, состоящая из 12 глав и приложения («Материалы к биографии работ Н.М. Субботиной»). Исследование основано на работах российских и зарубежных ученых, эпистолярном наследии Н.М. Субботиной (к сожалению, ее архив не сохранился, часть погибла во время Великой Отечественной войны, послевоенные архивы также не найдены). Так что автору пришлось буквально по крупицам восстанавливать жизнь Субботиной. Исследовательница приводит не просто цитаты, а целые выдержки из переписки с родными и коллегами, и таким образом повествование наполняется множеством деталей и характеризует эпоху и социальную среду, в которой Н.М. Субботина жила. Сама работа выдержана в хронологическом, традиционном духе, начиная от сведений о працедах и заканчивая смертью героини. Но назвать эту книгу биографией – значит сузить ее рамки. Это история удивительной женщины, силой духа преодолевшей физические ограничения, показанная на широком фоне истории русской астрономической науки.

Нина Михайловна Субботина родилась 26 октября (7 ноября) 1877 г. Первые годы жизни она провела в московском доме бабушки по материнской линии А.А. Соколовой. В этом доме собирались представители научной и художественной интеллигенции. Именно эта среда, по мнению автора, сформировала ее жизненные приоритеты, мировоззрение. Когда девочке было всего четыре года, отец рассказал ей о звездах и показал Луну в телескоп.

В восемь лет Нина заболела скарлатинным полиомиелитом. Девочка выжила, но стала глухонемой (она разработала свою «язык-буку пальцев» для «разговора» либо общалась при помощи переписки), а из-за повреждения ног всю жизнь ходила на костылях.

¹ Тиссандье Г. Мученики науки. – С. Петербург, 1880. – С. 1.

Однако, окруженная заботой и уходом родственников и друзей, Нина смогла вырасти и стать знаменитым ученым.

Ее отец, Михаил Глебович Субботин, всеми силами поддерживал стремление дочери к науке, ее интерес к астрономии. В имении Субботиных (Собольки Можайского уезда) он построил ей домашнюю обсерваторию, а друзья дома, коллеги – молодые астрономы – помогли с инструментами и оборудованием. В обсерватории Нина проработала долгие годы, вплоть до революции, когда этот уголок науки был разрушен.

Первое знакомство Субботиной с профессиональной астрономической техникой и первые наблюдения за Солнцем начались в 1895 г., по другим данным – в 1898 г. Полученные данные она пересыпала французскому астроному К. Фламмариону, который подсказал ей линию исследования – наблюдать за солнечной активностью и искать связь между погодой и изменениями на Солнце. Именно Фламмарион стал первым (после ее отца) наставником молодой Субботиной. Он помог ей влиться в международные научные круги, благодаря ему Нина Субботина печаталась в зарубежных журналах: бельгийских, немецких и французских. Первая иностранная публикация вышла в 1899 г., и в этом же году Субботина становится членом Русского астрономического общества, Бельгийского астрономического общества и Французского астрономического общества.

О.А. Валькова отмечает яркие события в научной деятельности астронома, например наблюдение за полным солнечным затмением 1905 г. в Испании, в городе Бургос, в составе Бельгийского астрономического общества, или за солнечным затмением в 1914 г. в Крыму. В обоих случаях автор приводит значительные выдержки и цитаты из переписки, подробно рассказывает, как велись наблюдения, что видели наблюдатели и к каким пришли выводам, при этом насыщенный цитатами рассказ сопровождается рисунками, сделанными Ниной Субботиной. Так для читателя создается ясная картина научного труда, наполненного эмоциональным подъемом.

В эти же годы Нина, как и другие астрономы мира, готовится к редкому событию – наблюдением за кометой Галлея. Вместе с наблюдениями она написала книгу по истории кометы. В апреле 1910 г. ее книга по истории кометы Галлея вышла в свет. Отчет о

наблюдениях был опубликован в «Известиях Русского астрономического общества» за 1914 г.

О жизни Н.М. Субботиной после революции и конфискации имения Собольки сохранилось гораздо меньше сведений. Ее научная деятельность продолжалась и наконец стала профессиональной, а не любительской. Первая в ее жизни должность – астроном-наблюдатель в строящейся Сормовской обсерватории.

Субботина была членом экспедиции по наблюдению за солнечным затмением 1936 г. Нина Михайловна, как и до революции, являлась членом ряда научных обществ, теперь уже советских, – Союза работников просвещения, Нижегородской секции научных работников, Ленинградской областной секции научных работников.

Начало войны застало Субботину в Крыму, откуда она, воспользовавшись оказией, уехала в Ташауз (Дашауз – город на севере Туркмении). Затем она жила в Москве и Ленинграде

О.А. Валькова рисует яркую, как комета, историю жизни Нины Михайловны Субботиной. В книге речь идет не только об этом, а еще о научном ландшафте России конца XIX – первой половины XX в., о развитии науки в тот период, о международном научном сотрудничестве. В этом автору помогают скрупулезное изучение сохранившегося эпистолярного наследия, умелое использование информации архивных материалов, многие из которых публикуются впервые. Текст написан таким образом, что эмоциональное, вызывающее трепет описание гигантских космических явлений умело сочетается со строго научным ясным стилем изложения. С первых страниц книга приковывает внимание читателя необычностью сюжета, умелым сочетанием широких тем и отдельных деталей повествования. Думается, что работу можно отнести к жанру персональной истории – это и частое использование эго-документов, и наглядное изображение тесного переплетения жизни и научного творчества уникального ученого. В книге выделяются три сплетенные сюжетные линии: во-первых, это история жизни удивительной, уникальной женщины, посвятившей всю жизнь науке; во-вторых, это история астрономии конца XIX – середины XX в.; и, в-третьих, – один из примеров пути женщины в науке на рубеже веков и в разных социально-политических условиях.

Вместе с тем необходимо отметить, что отношение Н.М. Субботиной к поворотным (революции 1917 г.) и трагическим (репрессии 1937 г.) событиям намечено вскользь. Вероятно, это можно объяснить нехваткой документов. Но сложно представить, что такой яркий, неординарный человек, каким была Субботина, не замечал происходящего. Ведь положительные характеристики советской власти присутствуют в письмах, и эти сведения приводятся в книге. Более того, она активно сотрудничала с новыми властями, была членом научных обществ, принимала участие в заседаниях, и это вознаграждалось – путевками в санатории, персональной пенсией.

Книга О.А. Вальковой ярко выделяется как среди биографических повествований, так и среди работ по истории науки.

УДК 303.446.4; 930; 94(47).084.5-6

ДУНАЕВА Ю.В.* Рецензия на кн. : ИЗ ДВУХ УГЛОВ : ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В ОЦЕНКЕ ЭМИГРАНТСКИХ И СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ (1920–1930-е годы) / ВОЛОШИНА В.Ю., ГРУЗДИНСКАЯ В.С., КОЛЕВАТОВ Д.М., КОРЗУН В.П. – Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2020. – 336 с. – DOI: 10.31249/rhist/2022.01.07

Ключевые слова: история русского зарубежья; советская историческая наука в 1920–1930-е годы; А.А. Кизеветтер; М.В. Нечкина; М.Н. Покровский.

Keywords: the history of the Russian emigration, Soviet historical science in 1920s–1930s; A.A. Kizevetter; M.V. Nechkina; M.N. Pokrovsky.

Для цитирования: Дунаева Ю.В. [Рец.] // Социальные и гуманистические науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН. РАН, 2022. – № 1. – С. 88–94. – Рец. на кн. : Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е годы) / Волошина В.Ю., Груздинская В.С., Колеватов Д.М., Корзун В.П. – Омск : Изд-во Омск. гос. Ун-та, 2020. – 336 с. DOI: 10.31249/rhist/2022.01.07

В 1990-е годы, в период так называемой «архивной революции», возник большой интерес к русскому зарубежью, причем он охватил ряд дисциплин, в том числе и историографию. И по сей день это направление в историографии привлекает внимание представителей разных дисциплин: от истории до культурологии, от литературоведения до биографии; изучаются научные сообщества

* Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (НИИОН РАН). E-mail: dunaeva@inion.ru

зарубежных историков; уделяется внимание и тому, как и в каких условиях трудились русские эмигранты, как они адаптировались или не адаптировались к новым, зачастую нелегким условиям. В исследованиях творчества ученых, писателей, историков большое внимание уделяется именно эмигрантскому периоду.

В первое время русская зарубежная наука рассматривалась как отдельная сфера, не связанная с советской и постсоветской наукой. По мере накопления информации, выхода в свет вновь открытых публикаций, архивных и малодоступных материалов, стали устанавливаться связи, взаимозависимости, а также взаимовлияния двух историографий: советской и русской зарубежной.

Свой вклад внесли и так называемые исторические, методологические «повороты», особенно генерационный и антропологический. В рамках генерационного поворота основное внимание уделяется связям между разными поколениями ученых. Антропологический поворот возобновил интерес к повседневной жизни ученых, условиям создания научных произведений. Для эмиграции это безработица, трудности бытовые и научные (нехватка научной литературы, архивных источников), тяжелая психологическая обстановка и неясное будущее, что сказывалось на научных занятиях, на выборе предмета изучения. Историками-эмигрантами больше внимания уделялось истории России, работам предшественников, а также причинам и предпосылкам революций и Гражданской войны.

В этом контексте рецензируемая книга представляет несомненный интерес, потому что в ней представлен недостаточно изученный аспект – сравнительный анализ двух историографий. Важно отметить, что эта коллективная монография написана представителями нескольких поколений ученых, от мэтров до молодых исследователей. Так, молодой исследователь В.С. Грузинская занимается изучением истории историографии в СССР; Д.М. Колеватов и В.П. Корзун изучают то, что они назвали «образами отечественной исторической науки конца XIX – первых десятилетий XX в.» (с. 6); а В.Ю. Волошина изучает социальную историю русского зарубежья (там же).

Генерационный подход, несомненно, обогатил это исследование. Следует подчеркнуть, что текст плотный, сжатый, монолитный. Историки выявили, тщательно и детально проанализиро-

вали широкий массив имеющейся научной литературы, ввели в оборот архивные, малоизученные или труднодоступные материалы. В частности, это историографические тексты историков того времени, а также библиографические обзоры, рецензии, переписка, а также архивные документы из разных городов и стран. Привлечены материалы эмигрантской прессы, например, такие издания, как «Современные записки» (Париж), «На чужой стороне» (Берлин, Прага) и др.

Авторы сравнили историографический процесс с полноводной рекой, в которой они сумели найти свое направление. Они отмечают, что «историографическое осмысление развития эмигрантской и советской исторической науки происходит параллельно – “мы с тобой два берега у одной реки”, и собственно река (в нашем случае историографический процесс) остается, по существу, вне пределов внимания исследователей» (с. 7). Эта книга способна вызвать интерес к этой реке, ее течениям и притокам. Остроту и новизну исследованию придает ракурс рассмотрения двух историографий, развивающихся в столь разных условиях и в рамках разных идеологий. При этом заметно, что авторы старались найти и точки соприкосновения, и отличия, показать разные оценки и мнения советских историков и историков-эмигрантов о советской историографии 1920–1930-х годов и историографии русского зарубежья. Авторы рассматривают сообщества историков как «сложный социум, имеющий общие культурные корни, производящий интеллектуальный продукт в условиях гетерогенного научного пространства» (с. 16).

Название монографии отсылает к книге «Переписка из двух углов» В.И. Иванова (поэт-символист, философ) и М.О. Гершензона (историк культуры, переводчик, публицист)¹. Летом 1920 г. они отдыхали в санатории и жили в одной комнате. Каждый из них занимался научной работой, в то же время они решили переписываться на разные темы – от личных до философских и религиозных. Всего написано 12 писем, которые позже были опубликованы и горячо обсуждались читателями. По мнению авторов монографии, эта переписка – «свидетельство того, что культурная бли-

¹ Иванов В., Гершензон М.О. Переписка из двух углов. – Петербург : Алканост, 1921. – 62 с.

зость не исключает экзистенциальную инаковость, доходящую до интеллектуального противостояния» (с. 5).

Первая глава «Научное сообщество историков в институциональном пространстве в 1920–1930-е годы» служит своего рода предисловием к основному тексту. В ней рассматривается, как изменился статус науки и профессуры с конца XIX в.

Вслед за другими исследователями, авторы считают, что институционализация отечественной исторической науки проходила в два этапа. Первый длился с конца 1910-х до середины 1930-х годов. По мнению авторов, это было время поиска новых форм организации науки, языка научных исследований. После революций 1917 г. были организованы новые институты: Институт красной профессуры, Коммунистическая академия и др. В них работали как «буржуазные ученые», так и «красная профессура». «Второй этап – с середины 1930-х годов – характеризуется появлением “первых ростков будущей твердой структуры научного и образовательного поля – исторических факультетов и профильных академических институтов”» (цит. по: с. 28–29).

Среди ученых-эмигрантов, даже среди тех, кто надеялся, что изгнание будет временным, тоже шла работа по институционализации науки. Первоначально это были Русские академические группы (РАГ), создаваемые в разных странах и городах. Для объединения этих групп был учрежден «Союз русских академических организаций за границей». Его характерной особенностью было то, что его члены стремились дистанцироваться от политики и больше заниматься адаптацией ученых к новым реалиям.

Одним из самых известных зарубежных научных центров стала Прага. «Сюда благодаря Русской акции чехословацкого правительства под руководством Т. Масарика были приглашены из числа эмигрантов более 100 профессоров и доцентов и свыше шести тысяч студентов. В Праге работали шесть русских высших учебных заведений, научно-исследовательские институты и кабинеты, библиотеки, издательства и научные общества» (цит. по: с. 40). К тому же в Праге были созданы Русский институт (1923), Русский заграничный исторический архив (1923) и другие учреждения.

Отдельный сюжет книги – библиография, в частности работа «Комитета русской книги», в состав которого входили две комис-

ции – выставочная и библиографическая. Одним из значимых результатов деятельности комитета авторы называют издание 1924 г. «Русская зарубежная книга». Первая часть монументального труда содержит библиографические обзоры. Например, в разделе «История русская и всеобщая» выделяется обзор А.А. Кизеветтера, в котором анализировались книги, вышедшие за границей на русском языке в период 1918–1923 гг. Вторая часть – это библиографический указатель литературы, изданной в Русском зарубежье с 1918 по 1924 г. по различным отраслям знания.

Подробно описывается содержание указателя «Революция и гражданская война в Сибири», в которой была отражена в том числе и эмигрантская литература, а также литература, изданная на русском и иностранных языках. Одной из особенностей этого указателя являются аннотации к работам, в которых содержатся сведения о рецензиях на то или иное издание. Таким образом, пишут авторы, читатель получал возможность познакомиться с информацией уже другого уровня, а «современный исследователь мог расширить свои представления о складывающихся канонах “новой исследовательской культуры” в советской историографии» (с. 73).

Пожалуй, значительный интерес представляет проблема осмыслиения историографического процесса отечественными учеными (М.Н. Покровский, М.В. Нечкина и др.) и историками русского зарубежья (А.А. Кизеветтер, П.Н. Милюков и др.). В книге представлены своего рода историографические портреты историков, кратко рассказывается об их научном и жизненном пути. Так, рассмотрено творчество известного ученого А.А. Кизеветтера (1866–1933), для которого период эмиграции оказался весьма плодотворным. Хотя историк не создал масштабных работ, он активно сотрудничал с разными изданиями: «Последние новости», «Руль», «Крестьянская Россия».

Изучение историографического наследия А.А. Кизеветтера, опубликованного на страницах периодической печати зарубежья, позволяет говорить о том, что тот отстаивал мысль о единстве эмигрантской и советской исторической науки. В журнале «Современные записки» историк опубликовал 60 работ, половина из них посвящены советской историографии. Авторы подчеркивают, что к оценке рецензируемой литературы историк подходил с позиции строгой научности, понимаемой в позитивистском духе.

Что касается советской исторической науки, то в 1930-е годы она опиралась на единственную концепцию – марксистско-ленинскую. До этого, по мнению авторов, была уникальная ситуация – «сложное переплетение старых дореволюционных и новых советских элементов исследовательской традиции» (цит. по: с. 230). Наглядно рисует картину отношения советских историков к предшественникам, к примеру, очерк о М.Н. Покровском. В 1923 г. в Петрограде была издана его книга «Борьба классов и русская историческая литература». В ней анализируется научно-историческое наследие, от Н.М. Карамзина до современных историку исследователей. Труды Карамзина оцениваются крайне негативно. Ведущий советский историк так писал о его труде «История государства Российского»: она «устарела уже в момент выхода книги» (цит. по: с. 232). К С.М. Соловьеву совершенно иное отношение: «величайший историк XIX в.», «с громадной исторической образованностью» (цит. по: с. 233). При этом историк оценивал его как гегельянца с «вкраплениями “экономического материализма”» (там же). Из марксистской литературы Покровский выделил творчество Г.В. Плеханова и Н.А. Рожкова.

Подводя итог исследованию, авторы приходят к следующему выводу: «Ученые-эмигранты отстаивали необходимость сохранения внутренней целостности исторического сообщества и верности традициям дореволюционной исторической науки. В то же время деятельность большинства советских историков-марксистов была направлена на ниспровержение “старой буржуазной” и создание “новой пролетарской” науки, основанной на марксистской методологии» (с. 262). Также авторы подчеркивают, что, в отличие от зарубежной, советская наука складывалась в условиях строгого идеологического контроля и цензуры. И еще – советских историков мало интересовало творчество эмигрантов.

Что касается общей ситуации в научной эмигрантской среде, то авторы подчеркивают «сознание учеными особой духовной миссии русской научной эмиграции. Уверенные в скором возвращении на Родину, они свой долг видели в сохранении единого научного пространства» (с. 264). Еще одной особенностью эмигрантской науки авторы считают интерес к творчеству классиков российской историографии. Ведь для них это был еще и способ преодоления травмы от разлуки с Родиной.

В приложении помещено несколько работ историков-эмигрантов: рукопись А.В. Флоровского «Предмет и содержание “русской истории или истории России”» (оригинал хранится в Пражском архиве); статья Е.Ф. Максимовича, хранящаяся в Литературном архиве Музея национальной литературы (Прага), – «Н.М. Карамзин. С.М. Соловьёв. В.О. Ключевский»; статья С.Ф. Платонова «Н.М. Карамзин» из личного архива М.Н. Покровского. Эти публикации заметно обогащают наши представления об эмигрантской историографии.

Напомним, что во введении авторы очень метко сравнили историографию с рекой. Их работа как бы наводит мост над этой рекой, соединяя столь разные берега – эмиграцию и Советскую Россию, показывая тем самым единство и различие русской зарубежной и советской историографий. Если продолжить сравнение с рекой, то в историческую реку (в отличие от реки забвения Леты) можно войти не единожды, здесь царствует не Харон, а муз Клио, и она приветствует исследователей.

РЕФЕРАТЫ

ГОЛУБЕВ С.И. МОНАРХ, НАЦИЯ И СВОБОДА. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ НЕМЕЦКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII в. – Москва : Аквилон, 2020. – 192 с.

Ключевые слова: общественно-политическая мысль в Германии, последняя треть XVIII в.; общественно-политический дискурс; немецкая литература XVIII в.; немецкая политическая поэзия; Ф.Г. Клопшток.

Keywords: social and political thought in Germany, the last third of the 18th century; socio-political discourse; german literature of the 18th century; german political poetry; F.G. Klopstock.

Для цитирования: Стрельцов А.Д. [Реф.] // Социальные и гуманистические науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН. РАН, 2022. – № 1. – С. 95–100. – Реф. кн. : Голубев С.И. Монарх, нация и свобода. Очерки истории немецкой общественно-политической мысли последней трети XVIII в. – Москва : Аквилон, 2020. – 192 с.

Кандидат ист. наук Сергей Игоревич Голубев (исторический ф-т МГУ имени Ломоносова) посвятил свою работу анализу основных этапов развития общественно-политического дискурса в германских государствах в последней трети XVIII в. Он проанализировал спектр общественно-политических настроений того времени, наиболее ярко представленных в политической поэзии.

Характеризуя во введении условия, в которых развивалась германская общественно-политическая мысль последней трети XVIII в., автор привлекает внимание к тому, что Германия представляла собой сложную мозаику из нескольких сотен фактически самостоятельных территориальных княжеств, скрепленных «тонкой оболочкой» Священной Римской империи. Обострение поли-

тической обстановки в эту эпоху побуждало немецкое общество к осмыслинию происходящих изменений и одновременно представляло для этого подходящий материал. Это осмысление принимало самые различные формы, выражаясь в публицистике, литературе, философии и даже музыке.

Во второй половине XVIII в. для политических процессов во внутреннем устройстве княжеств была характерна централизация власти вокруг правителя. Вследствие этого уменьшалось значение местных органов сословного представительства – ландтагов – и создавался разветвленный бюрократический аппарат, подчиненный князю и взявший на себя все функции государственного управления, в первую очередь путем создания жесткой системы сбора налогов (с. 12).

Проблему либерализма в германской общественно-политической мысли автор анализирует на основе трудов известных немецких интеллектуалов второй и третьей четверти XVIII в. и их учения о государственном устройстве. Отдельного упоминания заслуживает немецкая политическая поэзия как общественно-политическое явление, тематически затрагивающее общественно значимую – политическую, национальную, социальную и др. – проблематику (с. 27). В таком качестве поэтические произведения воспринимались в период так называемого Предмарта – эпоху, предшествовавшую германской революции 1848 г. Политическая поэзия Предмарта стала предметом пристального изучения уже с рубежа XIX–XX вв., на сегодняшний день сложилась богатая историография.

Немецкую литературу XVIII в. принято относить к литературе эпохи Просвещения. Идейной основой данного этапа истории культуры считают культ разума – силы, способной преобразовать формы жизненного устройства в самом широком смысле этого слова на более правильной, справедливой, «разумной» основе. В то же время с самого начала эта классицистическая линия столкнулась на немецкой почве с оппозиционной ей альтернативной эстетикой, которая противопоставляла догматичности и схематизму ценности свободы, в дополнение к силе разума подчеркивала ценность чувств. Взаимодействие и соперничество этих двух художественных направлений было характерно для немецкой литературы на протяжении всего XVIII в. В конце 1760-х годов кри-

тическая по отношению к классицизму линия быстро и резко усилилась и начала определять культурное лицо двух последующих десятилетий. Выразителем этого процесса был выдающийся немецкий поэт Ф.Г. Клопшток (1724–1803) (с. 34). С его именем связана актуализация немецкой национальной идеи в этот период.

В своем творчестве, как отметил автор, поэт обратился к древнегерманскому прошлому, он представил всех немцев в качестве «народа» и стремился показать их принципиальное единство. В первую очередь поэт обосновывает единство немцев как культурно-этнической общности, помимо этого Клопшток поставил проблему необходимости политического объединения. Поэт также занимался вопросом воссоздания немецкой культурной традиции посредством культивирования немецкого языка и возрождения самобытного, «бардовского» поэтического искусства.

Возрождение «бардовского» искусства расценивалось Клопштоком как первый шаг на пути возрождения немецкой культурной традиции. Следующим этапом на этом пути ему виделось создание «бардовского» сообщества как отдельного общественно-го института, действующего поверх имеющихся границ многочисленных территориальных образований, с помощью которого можно было преодолеть политическое разделение германского народа.

Автор описывает «Союз рощи» – поэтическое объединение, созданное в 1772 г. студентами Гётtingенского университета, для членов которого Клопшток стал культовой фигурой. Они называли его своим «отцом», «богом на земле», считали «одним из величайших, наряду с Германом, Лютером и Лейбницем, немцев» и образцом для подражания при выработке новых политических принципов для германской нации в 1770–1780-х годах (с. 88).

К «Союзу рощи» примыкали несколько авторов, формально не входивших в него, но идейно близких и связанных с его членами тесными дружескими отношениями. В их числе – поэт Г.А. Бюргер, известный, прежде всего, как основоположник жанра немецкой баллады и создатель знаменитой книги о похождениях легендарного барона Мюнхгаузена. Значительной стала деятельность К.Ф.Д. Шубарта, с 1774 по 1777 г. выпускавшего политическую газету «Немецкая хроника», обращенную ко «всем немцам», вне зависимости от территориальной принадлежности. Шубарт обрушивался с критикой на правителей, обвиняя их в тирании и

злоупотреблениях по отношению к собственным народам (с. 91–93).

Понятие «свобода» для германских авторов представляло как общечеловеческую, так и политическую ценность. Для поэтов оно предстало даром небес и приобрело черты высшей ценности в самом широком смысле этого слова, обозначаясь в текстах то как «богиня свобода», то как «святая свобода». В другом значении «свобода» определялась как внутренняя характеристика человека. Она дарована человеку Богом и не может быть у него отнята земной властью.

В то же время германские поэты ставили вопрос о «возвращении» свободы на германские земли, поддерживая права народа на восстание против своих правителей и изменение основополагающих принципов политического устройства немецких государств, трактуя «свободолюбие» как отличительную черту «немцев». «Свобода есть наследие немцев» – провозглашает еще один член «Союза рощи», И.М. Миллер.

Разочаровавшись в германской знати, поэты обращаются к группе, стоящей на нижней ступени социальной лестницы, – крестьянству, изображаемому с помощью фигуры «немецкого Михеля», традиционного образа, символизирующего Германию. Германские поэты предлагали тем, кто ищет радости в жизни, «бежать в деревню», где жизнь наполнена гармонией человека и природы. Однако эту идиллию крестьянской жизни нарушало одно важное обстоятельство: наличие крепостной зависимости.

Тех, кого «избрала свобода» и кому, соответственно, должна принадлежать власть, именуют «патриотами». Патриот в изображении поэтов – это своеобразный идеальный положительный герой своего времени. Образ патриота получает ореол «гонимого благодетеля», который в своем служении «отечеству» проявляет самые высокие моральные качества, что еще больше усиливает позитивное восприятие «патриота» (с. 125–127).

Автор особо выделяет вопрос об идейной поляризации в обществе в 1790-х годах и формировании общественно-политических течений. Начавшаяся в 1789 г. революция во Франции вызвала живую реакцию германских интеллектуалов. На начальном этапе революции в этих кругах царило практически всеобщее восторг и восхищение происходящими событиями. Револю-

ция воспринималась как зримое воплощение общественных идеалов, выработанных мыслителями эпохи Просвещения. Но по мере радикализации революции общественный консенсус был утрачен: представители германской общественности прекратили ее поддержку. Среди них все более утверждалась мысль о том, что ответственность за отступление от «свободы» лежит не только на узурпаторах власти, но и на французах в целом.

Немецкие демократы комментировали и интерпретировали происходящие во Франции революционные события исходя из своих взглядов. В вопросе, связанном с институтом монархии, господствующей позицией стало радикальное представление о принципиальном отсутствии в нем пользы, поскольку никакой общественный договор не способен гарантировать поддержания монархической властью прав и свобод народа. Казнь французского монарха полностью оправдывалась: вместе с ней было символически покончено с монархической властью в целом, что означало долгожданное возвращение свободы.

Немецкие демократы обозначили в своей поэзии «новую» Францию словом «нация». Становление «народа» в качестве «нации» понималось как воплощение в жизнь принципов общества «первых времен»: до появления власти правителя и социального расслоения. Франция, благодаря революции, стала нацией и вступила в новый этап своего развития (с. 161).

При анализе немецкой политической поэзии 1790-х годов также следует выделить два периода; ключевым моментом для их разграничения служит процесс радикализации Французской революции в 1792–1793 гг. На своем первом этапе Французская революция была воспринята немецкими авторами в качестве практического воплощения сформулированных ими в дореволюционные годы политических принципов: достижение взаимопонимания между правителем и народом и свободолюбивые политические ожидания. Однако радикализация революции явилась сильнейшим идеологическим ударом, ставшим своеобразной проверкой, с одной стороны, верности их толкований первоначального этапа революции, а с другой – правильности их политических убеждений в принципе.

Клопшток публично раскаялся в собственных заблуждениях. Фр. Штольберг, до революции призывавший ниспровергать «тира-

нов» ради «свободы отечества», ужаснулся осуществлению этого сценария в его французском варианте. Для обоих авторов окончательным моментом истины стало военное противостояние французской армии и коалиционных войск немецких государств; с этих пор первостепенную роль для поэтов стал играть национальный фактор.

Напротив, былые единомышленники Штольберга, такие как Фосс и Бюргер, выдержали испытание 1792–1793 гг. и остались верны своим дореволюционным пролиберальным убеждениям, приверженность которым оказалась достаточно сильной, чтобы не поддаться национальному чувству (с. 166).

Немецкая политическая поэзия последней трети XVIII в. предлагала различные варианты ответов на вопросы о том, что есть «немецкое отечество» и что важнее – отечество или «свобода», не обозначив какого-то одного магистрального направления «победителя» в этой дискуссии, оставив ее разрешение эпохе Освободительных войн и Предмарта (с. 172).

*А.Д. Стрельцов**

* Стрельцов Алексей Дмитриевич – младший научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: dr.watson.s@mail.ru

ДУДАРЕВ В.С. БИСМАРК И РОССИЯ 1851–1871 гг. – С.-Петербург : Алетейя, 2021. – 580 с.

Ключевые слова: внешняя политика Пруссии, 1851–1871 гг.; дипломатическая деятельность О. фон Бисмарка; Бисмарк и Россия.

Keywords: foreign policy of Prussia, 1851–1871; diplomatic activity of O. von Bismarck; Bismarck and Russia.

Для цитирования: Эман И.Е. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН. РАН, 2022. – № 1. – С. 101–106. – Реф. кн. : Дударев В.С. Бисмарк и Россия 1851–1871 гг. – С.-Петербург : Алетейя, 2021. – 580 с.

В монографии канд. ист. наук И.С. Дударева рассматриваются российское направление внешней политики Отто фон Бисмарка, развитие прусско-российских отношений в период 1851–1871 гг. – с начала дипломатической деятельности Бисмарка в Союзном сейме Германского союза и до объединения Германской империи. В течение этих лет Бисмарк представлял Прусское королевство за рубежом, а затем руководил правительством и одновременно внешнеполитическим ведомством Пруссии и Северогерманского союза.

Работа состоит из введения, обзора отечественной и германской историографии, анализа документальных источников, семи глав и заключения. Монография написана на основе комплексного анализа архивных документов внешнеполитических ведомств Пруссского королевства, Северогерманского союза, Российской империи, личных и официальных материалов Бисмарка, германской и российской периодической печати, стенограмм заседаний ландтага Пруссского королевства, рейхстага Северогерманского союза и других источников.

Автор отмечает, что в период деятельности Бисмарка на посту прусского представителя в Союзном сейме Германского союза во Франкфурте-на-Майне (1851–1859) (первая глава) взгляды Бисмарка на международную ориентацию Пруссии выделяли его из числа как консерваторов, считавших главным союзником Австрию, так и либералов, выступавших за тесные отношения с западными странами. Бисмарк не признавал агрессивность внешней политики Николая I, отличал в ней скорее приверженность консерватизму и национализму и делал вывод об отсутствии прямой угрозы Пруссии со стороны России. Анализ всей картины международных отношений позволил Бисмарку прийти к выводу, что единственным выходом из сложившейся для Пруссии ситуации было укрепление отношений с Россией. Взгляды Бисмарка были крайне непопулярны среди прусских политических кругов и вызывали жесткую критику в Союзном сейме.

На протяжении Крымской войны Бисмарк призывал Пруссию к четкому следованию политике нейтралитета не только для максимального ослабления российско-австрийских связей, но и для поддержания более самостоятельной позиции Пруссии в международных отношениях. Политика нейтралитета, по мысли Бисмарка, давала Пруссии возможность в будущем рассчитывать на российскую помощь в решении германского вопроса.

Как показал В.С. Дударев, стремление к прусско-российскому единству сохранялось в программе Бисмарка и после окончания Крымской войны. Рассматривая прусско-российские отношения в 1859–1862 гг., в период пребывания Бисмарка в Петербурге на должности посланника Прусского королевства (вторая глава), автор пишет, что возникшая у Бисмарка во Франкфурте идея «поворота на Восток» во время его петербургской миссии получила дальнейшее развитие. Автор отмечает, что Бисмарк в письмах в Берлин писал, что основной целью внешней политики России были выход из международной изоляции и отмена ограничительных статей Парижского мира. В германском вопросе Петербург отмежевался от ориентированной на Австрию политики Николая I и стал на сторону интересов Пруссии. Александр II и министр иностранных А.М. Горчаков неоднократно уверяли прусского посланника в поддержке Россией процесса консолидации Германии непосредственно под руководством Пруссии.

Основное направление политики Бисмарка в польском вопросе в 1860–1864 гг. (третья глава) заключалось в том, что Бисмарк продолжал оставаться противником польского суверенитета при оценке колебаний русского императора в выборе стратегии поведения в Польше и позиции сильной придворной партии, выступавшей за проведение преобразований в Царстве Польском. При оценке Польского восстания 1863 г. Бисмарк считал силовой путь усмирения польских беспорядков единственным приемлемым. По его мнению, либеральные уступки не могли удовлетворить требований поляков, мечтавших о восстановления независимости Польши. Исследование официальных документов МИД Пруссии и других источников позволило автору прийти к заключению, что подписанная в самом начале польского восстания военная конвенция не была навязана России Бисмарком. Инициатором укрепления российско-прусских отношений выступал скорее Петербург (и лично Александр II). Бисмаркставил в известность, что Пруссия при оставлении русскими Польши не допустит вступления французов на эту территорию, провозглашения независимости Польши и оккупирует оставленную русскими территорию. Автор заключает, что польские события содействовали тому, что концепция «поворота на Восток» из личной идеи Бисмарка превратилась в возможное направление официальной политики Берлина.

В четвертой главе рассмотрено российское направление внешней политики Бисмарка во время Австро-прусско-датской войны 1864 г. за Шлезвиг-Гольштейн. Данную военную кампанию Бисмарк представил как крестовый поход за соблюдение попранных прав немцев и восстановление действия Лондонского протокола, участницей которого являлась Россия. Автор отмечает, что фактически у России, как и у остальных держав, в начале конфликта не было поводов выдвинуть претензии Пруссии, выступавшей за соблюдение международных норм и защиту угнетаемого населения.

Пятая глава посвящена прусско-российским отношениям в связи с Австро-прусско-итальянской войной 1866 г. за лидерство в Германии – «братоубийственной войной», как ее называет германская историография, оказавшей большое воздействие на германское национальное самосознание. Автор пишет как об агрессивном внешнеполитическом курсе Бисмарка, так и о намеренной эскала-

ции конфликта венским кабинетом, который фактически отказался от имевшихся в тот момент реальных возможностей избежать вооруженного столкновения. Бисмарк продолжал ориентироваться на Россию как на главного союзника Пруссии в решении германского конфликта. В результате одержанных Бисмарком побед в июле-сентябре 1866 г. в ландтаге намечается снижение в будущем сколько-нибудь существенной критики нового внешнеполитического курса со стороны оппозиции. Автор отмечает также, что в Петербурге укреплялось понимание необходимости российско-прусского единства, пусть даже за счет радикальных преобразований в Германии. Постоянные заверения Берлина в ходе Австро-прусской кампании в проведении Пруссией консервативной политики, а также его готовность поддержать интересы России в европейских делах и в восточном вопросе «каждый раз ограждали накал страстей на Неве и продлевали кредит российского доверия берлинскому кабинету».

В шестой главе анализируются отношения между Северогерманским союзом и Российской империей в международных кризисах 1867–1870 гг. В эти годы Берлин усиленно работал над укреплением политики «поворота на Восток», внешнеполитической ориентации на Россию, которая принесла свои плоды во время образования Северогерманского союза. Документы свидетельствуют о первостепенной важности для Берлина именно Петербурга как главного международного партнера. Начатые в августе 1867 г. в Зальцбурге австро-французские переговоры так и остались протоколом о намерениях. Предпринимаемая Веной и Парижем попытка разделить Петербург и Берлин, а затем разбить их поодиноке, оказалась проваленной.

В седьмой главе В.С. Дударев анализирует позицию России во внешней политике Германии в ходе Французско-германской войны 1870–1871 гг. (так автор называет Франко-прусскую войну, как это принято в историографии), обращая внимание на общегерманский характер войны, а также на участие в боевых действиях армий других германских государств и на поддержку Пруссии широкими массами германского населения даже в тех областях, которые традиционно считались оппозиционными Берлину.

Автор на основании изучения документов северогерманского МИДа и личных писем Бисмарка приходит к заключению, что,

учитывая напряженные отношения с Австрией, слабость Италии и нейтралитет Англии, единственным стратегическим партнером Северогерманского союза продолжала оставаться Россия. Не Лондон, не Вена, но Петербург мог выступить инициатором общеевропейской конференции для утверждения условий мира между Францией и Германией, и именно Петербургу Бисмарк сделал серьезные предложения в обмен на дипломатическую помощь. Бисмарк был категорически против поддерживаемого официальным Берлином после 1856 г. курса на укрепление отношений с западными державами и выстраивание тесных связей с Великобританией и Австрией.

Автор показал, что Бисмарк положительно оценивал замыслы русского императора в отношении крестьянской реформы. Он видел в ней большой потенциал для ее эффективной реализации.

Основные выводы, к которым приходит автор монографии, следующие. Бисмарк, находясь в российской столице в качестве прусского посланника, пришел к окончательному пониманию необходимости объединения Германии под прусским руководством. Позицию Бисмарка, которую он занял в результате анализа состояния международных отношений и внешнеполитических целей великих держав с середины 1860-х годов, автор называет «поворотом на Восток»: это осознание необходимости выстраивания стратегических партнерских отношений с Российской империей. Данный курс в целом продолжился вплоть до середины 1870-х годов. По мнению автора, установлению тесного сотрудничества между Пруссией и Россией способствовала схожесть национальных целей и стратегических задач, стоящих перед обоими государствами. Для Пруссии такой задачей являлось урегулирование германского вопроса, для России – ликвидация ограничительных статей Парижского мирного договора 1856 г. Если Берлин поостерегся оказывать активную поддержку российской делегации на Парижской конференции 1869 г., на Лондонской конференции 1871 г. Пруссия оказала России полную поддержку, во многом благодаря которой России удалось упразднить ограничительные статьи Парижского мирного договора 1856 г.

Франко-германская война свидетельствовала об изменении механизмов функционирования посленаполеоновской Европы, о фактическом упразднении Венской системы международных от-

ношений. Появление нового государства – Германии – на карте Европы автор считает следствием политики невмешательства Великобритании в европейские дела, переоценки собственных возможностей Францией, ошибки дипломатии Австрии и благожелательного нейтралитета России. Решение германского вопроса в XIX в. во многом повлияло на формирование будущих линий разрывов в Европе в начале XX в.

*И.Е. Эман**

* Эман Ирина Евгеньевна – научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: mit.semikozov@mail.ru

НЕФЕДОВ В.В. СЕПГ И КУЛЬТУРА ГДР. – Москва : Научно-политическая книга, 2019. – 559 с.

Ключевые слова: культурная политика СЕПГ, 1949–1990 гг.; денацификация немецкой народной культуры; советизация культурной политики СЕПГ; кинематограф ГДР.

Keywords: cultural policy of the SED, 1949–1990; the denazification of German folk culture; Sovietization of the cultural policy of the SED; cinematography of the GDR.

Для цитирования: Стрельцов А.Д. [Реф.] // Социальные и гуманистические науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН. РАН, 2022. – № 1. – С. 107–112. – Реф. кн. : Нефедов В.В. СЕПГ и культура ГДР. – Москва : Научно-политическая книга, 2019. – 559 с.

Кандидат ист. наук В.В. Нефёдов (вице-президент Фонда соудействия развитию русской культуры) посвятил свою работу анализу становления и развития культурной политики Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) в Германской Демократической Республике с 1949 по 1990 г. Книга состоит из четырех глав, в каждой из которых характеризуются последовательные хронологические этапы развития культурной политики СЕПГ. Итоги работы подведены в заключении.

В предисловии автор отметил, что данная публикация – первая обобщающая работа, в которой анализируется культурная политика СЕПГ на протяжении 43 лет существования партии. В ней впервые в отечественной исторической германистике выдвинута новая концепция культурной политики правящей партии в Восточной Германии, которая добилась определенных успехов во многих областях культуры – это феномен, научное объяснение которому до сих пор не было дано (с. 6).

Политика руководства СЕПГ в области культуры предполагала воспроизведение собственных культурных ценностей, соответствовавших ее официальной «социалистической идеологии», создание художественных специфических идеалов, стимулирование и активизацию культурной жизни в ГДР.

Основными задачами, которые выдвигались СЕПГ на первый план в деле духовного развития граждан республики, стали: создание новой культуры; воспитание новой интеллигенции; бережный подход к тем культурным ценностям, которые были созданы предыдущими поколениями. В период становления ГДР (1949 – конец 1950-х годов) реформы в области культуры включали: 1) создание новой системы образования и просвещения; 2) перевоспитание старых кадров и формирование интеллигенции нового социума; 3) создание культуры, свободной от частнособственнических взглядов; 4) перестройку быта; 5) преодоление влияния старой идеологии и утверждение марксистско-ленинской идеологии.

ГДР под руководством СЕПГ стремилась ликвидировать диспропорции в потреблении и производстве культурных ценностей между социальными группами, национальными группами, мужчинами и женщинами; пытаясь превратить граждан в активных участников культурного процесса; обеспечить материальную базу культуры. Все эти задачи были одним из условий взаимовлияния культур стран Восточной Европы как этапа в создании «единой коммунистической мировой культуры» (с. 31).

Перед СЕПГ стояла задача преодолеть наследие нацистской культуры, существовавшей в Третьем рейхе, с присущими ей идеями шовинизма, милитаризма, ненависти и высокомерия по отношению к другим народам.

В первые месяцы оккупации Германии командование Советской военной администрации в Германии (СВАГ) выражало сомнения по поводу возможности «перевоспитания» немцев. Тем не менее СВАГ осваивала информационное пространство Восточной Германии, стремясь к контролю над ним и утверждению в сознании немцев нового образа СССР – не «оккупанта», а «освободителя». Пропаганда достижений СССР считалась в советской зоне присутствия с 1947 г. неотъемлемой составной частью политики СВАГ в области культуры (с. 35).

Денацификация всей системы народной культуры была одной из важнейших задач СВАГ в первые годы после войны. Несмотря на все трудности, ответственная задача подготовки культурных кадров на востоке Германии была решена в сравнительно короткое время, прежде всего потому, что немцам присущи «идеи долга, закона, правды, порядка» (с. 37).

Совместные согласованные действия антинацистской настроенной общественности, немецких органов управления и СВАГ привели к решению одной из наиболее важных и сложных проблем в строительстве новой культуры – на востоке Германии возникла единая школа, чем было положено начало воспитанию молодежи в духе идей социализма.

В восточной части Германии произошли важные перемены и в области высшего образования. Изданный 4 сентября 1945 г. приказ СВАГ № 50 предписывал в области высшего образования и культуры осуществлять «подготовку таких кадров, которые были бы способны на практике проводить демократические принципы». 15 октября 1945 г. Йенский университет первым из вузов возобновил деятельность всех факультетов, а в 1946 г. начали свою работу ряд других вузов (с. 39). Одновременно в ряде городов началась работа театров. К началу 1947 г. вышли в свет до 250 наименований педагогической, политической и художественной литературы общим тиражом около 30 млн экз. (с. 42).

30 июня 1947 г. было образовано Общество по изучению культуры (ОИК) СССР, а уже 22–23 мая 1948 г. состоялся его I конгресс. В организацию ОИК СССР вошли за короткое время более 42 тыс. человек. Главными центрами ОИК стали Дом культуры СССР в Берлине, открытый в марте 1947 г., и его детский филиал, начавший свою работу весной 1949 г. В рамках общества проходили выступления советских офицеров и деятелей культуры, фестивали советского кино, литературно-музыкальные вечера, концерты русской и советской музыки, ставились русские спектакли, работали секции и кружки, курсы по изучению русского языка.

Руководство ГДР придавало большое значение развитию культуры. В 1950–1951 гг. и в последующем пятилетнем плане основное внимание уделялось вопросам всемерного развития образования, особенно высшего, в первую очередь для рабочих и крестьян, с целью подготовки новой интеллигенции из числа

работающих граждан, развития науки и искусства, привлечения старой интеллигенции к сотрудничеству и улучшения ее материального положения. Большое значение придавалось развитию физической культуры и спорта. По советскому образцу были созданы 18 спортивных объединений по производственному принципу. Новым явлением в культурной жизни ГДР стала организация международных конкурсов (с. 101).

Автор характеризует так называемый «Биттерфельдский путь» в развитии культуры, его содержание и формы. 24 апреля 1959 г. состоялась 1-я Биттерфельдская конференция писателей и рабочих, организованная издательством Mitteldeutscher Verlag и сыгравшая важную роль в истории культуры ГДР. В основе биттерфельдского движения лежали «правильные принципы», которые позволили преодолеть упрощенство в литературе и искусстве.

После XX съезда КПСС в ГДР, как и в СССР, наблюдался творческий подъем. Наиболее ярко он проявился в кинематографе. Кинематографисты пытались добиться некоторой художественной свободы, создавая, наряду с агитационными и пропагандистскими заказными фильмами, киноленты, достойные внимания зрителя. Для кинолент 1960-х годов характерно углубленное внимание к внутреннему миру и психологии героев, стремление к более полному раскрытию характеров. Особенно это относилось к фильмам о Второй мировой войне. Были созданы удачные художественные фильмы, талантливые произведения кинопублицистики, множество короткометражных документальных, хроникальных и научно-популярных фильмов (с. 123).

В ночь на 14 августа 1961 г. восточногерманские власти при поддержке СССР закрыли по всему периметру границу с Западным Берлином. Данные действия вызвали определенные перемены в ГДР, в том числе в области культуры. В изменившихся условиях руководство СЕПГ придавало большое значение массовому увеличению сети клубов и домов культуры в городах и селах. В 1961 г. в ГДР действовали 1155 домов культуры и клубов, в которых было проведено свыше 420 тыс. мероприятий (с. 130).

По количеству музеев республика занимала одно из первых мест в мире (к середине 1970-х годов в Восточной Германии действовал 591 музей). В 1973 г. памятные места, художественные и краеведческие музеи посетили 25,2 млн человек (в 1,5 раза больше

населения ГДР), только один государственный музей в Берлине – 1 млн человек (с. 261).

Проблемам модификации культурной политики СЕПГ в 1970-х годах посвящена третья глава. Развитие производства в 1970-е годы предъявляло более высокие требования к знаниям, мышлению и культуре человека: требовались специальные знания, высокая профессиональная подготовка, общая культура человека постепенно превращалась в обязательное условие успешного труда все более широких слоев работников.

После длительных и сложных переговоров 21 декабря 1972 г. в Берлине был подписан Договор об основах отношений между ГДР и ФРГ, который регулировал отношения между двумя немецкими государствами на основе принципов мирного сосуществования. Заключение данного договора внесло определенные изменения в культурную жизнь ГДР.

В конце 1980-х годов в ГДР стал нарастать кризис партийного режима, который в конечном итоге привел к крушению власти СЕПГ, символом которого стало падение берлинской стены. Культурный и духовный ландшафт Восточной Германии изменился до неузнаваемости. Позитивные наработки, оставленные ГДР в области культуры, оказались в тот момент ненужными. Несомненно, на востоке Германии чем дальше, тем сильнее стали преобладать стереотипы структуры повседневности, характерные для англо-американской культуры. Самое главное заключалось не столько в изменении роли искусства и культуры для личности, сколько в падении авторитета любого деятеля культуры как такового. В Восточной Германии исчез десятилетиями формировавшийся интеллектуальный образ гражданина. Хорошо знакомый русским «комплекс интеллигентства» попал под жесткий удар реальности (с. 356).

По оценке автора, данной в заключении, главной функцией культуры СЕПГ считала ее идеологическую составляющую – обеспечение поддержки массами курса на строительство социализма и коммунизма после мая 1945 г. В период преобразований в Восточной Германии в области культуры были решены следующие задачи: преодоление в сознании людей нацистской идеологии; коренная реформа народного образования; уничтожение привилегий в области культуры; централизация и расширение сети куль-

турных учреждений; ориентация деятелей культуры на союз с людьми труда; перевоспитание старой интеллигенции и начало формирования интеллигенции, ориентированной на социализм; создание возможностей для всестороннего развития литературы и издательского дела, кино и театра, радио и музыки, прикладного и изобразительного искусства, культурно-массовой работы и народного творчества (с. 379).

Преобразования в просоветском духе, считает автор, требовали от граждан ГДР постоянного повышения их общеобразовательного и культурного уровня для активного участия в новой жизни после победы над нацизмом. Это вызвало необходимость совершенствования среднего и высшего образования, преподавания, роста идейно-теоретического и научно-методического уровня педагогических кадров и т.д.

*А.Д. Стрельцов**

* Стрельцов Алексей Дмитриевич – младший научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: dr.watson.s@mail.ru

ТИМОФЕЕВ А.Ю. ВОЙНА ПОСЛЕ ВОЙНЫ. ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ НА БАЛКАНАХ 1945–1953. – М. : Вече, 2020. – 528 с.

Ключевые слова: Вторая мировая война; гражданская война на Балканах, 1945–1953 гг.; движение Сопротивления против коммунистов на Балканах; Югославское войско в Отечестве; Демократическая армия Греции.

Keywords: the Second World War; the civil war in the Balkans, 1945–1953; the resistance movement against the communists in the Balkans; Yugoslavian army in the Fatherland; Democratic Army of Greece.

Для цитирования: Стрельцов А.Д. [Реф.] // Социальные и гуманистические науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН. РАН, 2022. – № 1. – С. 113–119. – Реф. кн. : Тимофеев А.Ю. Война после войны. Движение Сопротивления на Балканах 1945–1953. – Москва : Вече, 2020. – 528 с.

Тимофеев Алексей Юрьевич – российский историк, специалист в области внутренней и внешней политики Сербии, российско-сербских отношений, истории военных конфликтов на Балканах в XX в. В книге анализируется феномен вооруженного сопротивления части населения установлению послевоенного устройства в странах Балкан. Книга поделена на шесть глав и написана на основании архивных источников и воспоминаний участников событий.

Автор отмечает, что в начальный период войны (1939 – март 1941) страны Балканского полуострова находились на периферии конфликтных зон Европы. Нацистская Германия не видела на Балканах «перспективных территорий» для территориальных притязаний, считая Юго-Восточную Европу сырьевым «подбрюшьем» Центральной Европы, имеющим значение для экономической экспансии германского капитала. Политика Третьего рейха на Балка-

нах со второй половины 1930-х годов сводилась к экономическому вытеснению с Балкан французского и английского капиталов. После того как Третий рейх абсорбировал не только территории, но и экономики двух важных центральноевропейских государств (Чехословакии и Австрии), под контролем Берлина оказалась разветвленная экономическая сеть, опутывавшая Балканы со времен империи Габсбургов.

Важными конкурентами Германии были не только Франция, но и Италия, которая занимала намного более агрессивную позицию в регионе, осуществляя мощную экономическую экспансию в Албанию. В апреле 1939 г. итальянская армия провела операцию по захвату этой страны, а в октябре 1940 г. Италия напала на Грецию.

В марте 1941 г. к Тройственному пакту присоединились Болгария и Югославия. Это вызвало протесты в Югославии, и подпавшее пакт с Германией правительство Цветковича было низложено. За этим последовали разгром Югославии силами Третьего рейха и его союзников – Италии, Венгрии, Болгарии и Румынии – и раздел ее между сопредельными странами – Германией, Италией, Венгрией, Болгарией и Албанией. Уже 10 апреля было образовано Независимое государство Хорватия, включавшее в себя территорию современной Хорватии, Боснии и сербской Воеводины, а также независимая Черногория под эгидой Италии.

Сразу же после оккупации в горах центральной Сербии стал формировать свои отряды полковник Дража Михайлович. Сбравшиеся вокруг него офицеры и солдаты, а также гражданские лица официально именовали себя Югославским войском в Отечестве (ЮВВО), а народ стал называть их старым сербским словом, обозначающим повстанцев, – «четники». В то же время Коммунистическая партия Югославии (КПЮ) сразу после нападения Германии на СССР подняла революционное восстание, наиболее активно подхваченное в Сербии. К этому восстанию примкнули и четники, стремившиеся не выпустить инициативу из своих рук. Восстание охватило значительную часть Западной Сербии, а также населенные сербами районы Хорватии, Боснии и Герцеговины.

29 августа 1941 г. генерал Милан Недич, еще участник Первой мировой войны, образовал «правительство национального спасения», подконтрольное Германии. Это правительство присту-

лило к формированию своих частей из полицейских и изunter- офицерского состава бывшей королевской армии для борьбы с сербскими повстанцами. В сентябре 1941 г. был сформирован Сербский добровольческий корпус – самая надежная сербская антипартизанская часть под командованием немцев (с. 20).

К осени 1941 г. относится разрыв между партизанами и четниками из-за стремления партизан установить коммунистическую власть в освобожденных районах страны, в то время как четники настаивали на восстановлении в Сербии монархии. В результате между КПЮ и ЮВоП разгорелась настоящая война. При этом немцы с ожесточением боролись с обоими повстанческими лагерями.

Развитие ситуации в Греции аналогично тому, что происходило в Югославии. Греция также была оккупирована германскими войсками весной 1941 г. и оказалась поделенной на оккупационные зоны; оккупанты опирались на коллаборационистов, прикрывавшихся лозунгами защиты физического выживания народа, союзники из Москвы и Лондона также поддерживали движения Сопротивления, что привело к гражданской войне на фоне оккупации.

Вслед за югославским, движение Сопротивления развернулось в итальянской оккупационной зоне, хотя действовало оно, конечно, как против итальянцев, так и против немцев. Это движение, как и в других европейских странах, оказалось расколотым по линии коммунисты / националисты. Первые были более активными и дерзкими противниками оккупантов, не слишком считались с жертвами среди местного населения и имели целью, после изгнания фашистов и нацистов, захватить власть в стране. Вторые были менее активными, исходя из желания сберечь мирное население от репрессий, и при этом отчаянно не желали, чтобы коммунисты после окончания войны пришли к власти.

Конец войны Югославия встретила с огромными людскими потерями (около миллиона человек). Шахты и фабрики лежали в руинах, автомобильные дороги и железнодорожная сеть были уничтожены или повреждены, а количество скота сократилось на порядок. В первое время народное хозяйство ориентировалось на поддержку действующей армии, хотя руководство страны и пыталось постепенно переводить экономику на мирные рельсы. В результате мобилизации населения и привлечения добровольцев,

особенно молодежи, удавалось заново отстраивать дороги, железнодорожные пути, мосты, шахты и фабрики.

В ноябре 1945 г. состоялись выборы в Конституционное собрание, своеобразный референдум, на котором решалось, будет ли обновленное югославское государство республикой или монархией. Конституционное собрание 29 ноября провозгласило Федеративную Народную Республику Югославия (ФНРЮ). За этим последовало принятие союзной конституции по образцу конституции СССР, а завершилось правовое оформление югославской федерации в начале 1947 г. – в результате принятия республиканских конституций и областных уставов.

После окончания боевых действий по всей Югославии расселялось немало представителей потерпевших поражение сил: около 12 тыс. пособников оккупантов ушли в горы. В Словении антикоммунистические повстанцы объединились в Словенскую национальную армию (с. 88). В Сербии на момент окончания изгнания немцев осенью 1944 г. продолжали действовать сербские четники или Югославская армия в Отечестве (ЮВвО). Вскоре после этого по Сербии прокатилась волна репрессий, в ходе которых уничтожались лица, подозреваемые в нелояльности к действующей власти. Четники были разгромлены, и с лета 1946 г. организованная деятельность сербского антикоммунистического подполья фактически прекратилась.

В послевоенные годы в тех районах Югославии, где проживало албанское национальное меньшинство, – в Косове и Метохии, в западной Македонии и, в меньшей степени, в Черногории – действовали албанские антикоммунистические группировки, которым югославская власть присвоила общее название «балисты». В горных районах, граничащих с Албанией, они действовали вплоть до момента распада югославского государства в 1990-е годы (с. 116). 1948 год стал переломным в борьбе с повстанцами: к его концу югославское государство сосредоточилось на добивании затаившихся одиночек и маленьких группок повстанцев. Одновременно набирали обороты репрессии режима И. Броз Тито против заподозренных в симпатиях к СССР. К 1951–1953 гг. относится ликвидация правительственными силами последних повстанцев.

По общепринятой в титовской историографии терминологии, «политические банды» действовали в Югославии до 1955 г.

В 1945 г. в Югославии было около 790 таких отрядов (хорватские усташа, сербские четники, албанские балисты, словенские белогвардейцы), в которых было несколько десятков тысяч повстанцев (с. 485–486).

Помимо Югославии, антикоммунистическое движение имело место в Болгарии. В этой стране коммунистическая оппозиция совершила государственный переворот и пришла к власти в сентябре 1944 г. Начался революционный террор, среди жертв которого оказались многие представители государственной власти и просто авторитетные люди: чиновники, полицейские, адвокаты, учителя, промышленники. Уже в октябре был образован Народный суд по делам о «монархофашизме», военных преступлениях и коллаборационизме. До апреля 1945 г. через него прошли 11 122 человека, из них 2730 вынесли смертные приговоры, 1516 признали невиновными, остальные получили разные сроки заключения (с. 215).

Нельзя не отметить, что находившийся под контролем советских органов безопасности болгарский режим был на первых порах более мягким и умеренным, чем титовское правление в Сербии. Однако и эта умеренность выглядела очень жестко, так как происходила в стране, на территории которых военных действий практически не было. Борьбой с повстанчеством в Болгарии занимались внутренние силовые подразделения: Државна сигурност (государственная безопасность), внутренние войска, пограничные войска, народная милиция (с. 219).

Вооруженное движение Сопротивления в Болгарии, известное как Горянское движение, начало свои действия с весны 1945 г., достигло своего пика в 1947–1948 гг. и практически полностью исчезло к середине 1950-х годов. Термин «горяне» происходил от болгарского слова «гора», которым называют леса, в изобилии росшие на склоне балканских гор и дававшие приют повстанцам. От антикоммунистических повстанцев вела трансляцию радиостанция «Горянин», чье финансирование обеспечивало ЦРУ, которое регулярно призывало слушателей к протесту, восстанию и пр.

В Румынии, бывшей сателлитом гитлеровской Германии в годы Второй мировой войны, 23 августа 1944 г. произошел государственный переворот, который привел к падению пронацистского режима Антонеску, разрыву румыно-германского союза и формированию правительства, в котором были представлены коммунисты.

Тайные службы Рейха организовали в Румынии антикоммунистическое движение Сопротивления, опираясь в первую очередь на легионеров. По мере перехода рычагов власти в руки коммунистов среди населения начали усиливаться антисоветские настроения, которые служили плодородной почвой для появления и развития движения Сопротивления (с. 310).

Мощный импульс антикоммунистическому движению придали успешный уход титовской Югославии из советской зоны влияния в 1948 г. и венгерское восстание 1956 г. Те же события побудили румынские власти принять решительные меры против реальных или потенциальных повстанцев (с. 311). Выделяют два этапа движения Сопротивления. Первый этап длился с 1944 по 1948 г., когда власти Румынии боролись с организованными германской стороной группами повстанцев. Второй этап Сопротивления проходил в условиях агрессивно протекающей советизации Румынии. Пик разоблачений антикоммунистических подпольных групп в Румынии приходится на конец 1940-х годов, что, возможно, связано с усилиями СССР обеспечить порядок и дисциплину в оставшихся под его контролем государствах. На практике это означало усиление как террора властей, так и встречного сопротивления со стороны общества (с. 344–345).

В Румынии (с населением 16 млн человек) в 1949 г., в период наибольшего подъема повстанческого движения, в отрядах, по данным Секуритате (румынская служба безопасности), состояли свыше 800 человек (один повстанец на 20 тыс. граждан). Согласно донесению Секуритате от 1959 г., через антикоммунистическое движение прошли 12 073 участника (с. 488).

Послевоенная Греция стала ареной наиболее упорной повстанческо-партизанской активности на Балканах в первом послевоенном десятилетии. Корни гражданской войны в Греции, безусловно, лежат в насилийственной политике, которую проводила английская армия, высадившаяся в оставленной немцами Греции осенью 1944 г. Автор отметил репрессии британской стороны в отношении коммунистов: 12 тыс. коммунистов и сочувствующих им в начале 1945 г. были задержаны британцами и правительственными силами безопасности, 8 тыс. из них были интернированы в английских лагерях на Ближнем Востоке. В этих трагических событиях СССР играл пассивную роль, опасаясь разрыва союзни-

ческих отношений с британцами: Москва стремилась любой ценой предотвратить возможный сепаратный мир между Германией и западными союзниками (с. 394).

В гражданской войне в Греции, которая длилась с 1946 по 1949 г., противостояли друг другу, с одной стороны, греческая правительственные армия, поддерживаемая Великобританией и США, с другой – Демократическая армия Греции (ДАГ), вооруженное крыло Коммунистической партии Греции, поддерживаемая СССР, через которую прошло свыше 100 тыс. греков (с. 489). Первые бои начались еще в декабре 1944 г. между Народно-освободительной армией Греции (ЭЛАС) и правительстенными войсками. В ходе этих боев правительственные силы развернули настоящий террор против оппозиции. Репрессии против мирного населения продолжались и после подписания временного соглашения между правительством и оппозицией 12 декабря 1945 г. В терроре участвовали жандармерия и парамилитаристские организации крайне правых (с. 395–396). Последние греческие партизаны сражались в районе вершины Каменик до 30 августа 1949 г. Однако лишь 16 октября 1949 г. радиостанция «Свободная Греция», вещавшая на волнах «Радио Бухарест» от имени Временного демократического правительства, признала, что ДАГ сложила оружие.

Подводя итоги бурного десятилетия после окончания Второй мировой войны, автор отмечает, что во многих регионах, освобожденных Красной Армией, – на территориях Польши, Западной Украины и Прибалтики – имело место партизанское движение, направленное против власти коммунистов. События на Балканах можно также рассматривать в этом общем контексте сопротивления части населения Восточной Европы новым, тоталитарных порядкам (с. 484). Здесь волна политического недовольства поднялась с 1945 г., особенно там, где ход Второй мировой войны столкнулся с перипетиями гражданской войны между коммунистическим и антикоммунистическим движением Сопротивления, в особенности на территории Югославии, Албании и Греции.

*А.Д. Стрельцов**

* Стрельцов Алексей Дмитриевич – младший научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: dr.watson.s@mail.ru

КРЫЖАНОВСКИЙ А.В. ДРУЗЬЯ-СОПЕРНИКИ: США И ОБЪЕДИНЯЮЩАЯСЯ ЕВРОПА В ПЕРИОД ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ. – М. : МГИМО-Университет, 2019. – 132 с.

Ключевые слова: холодная война; США и процессы интеграции в Западной Европе; план Marshalla; создание НАТО; «новая атлантическая хартия» 1973 г.; «трансатлантическая декларация» 1990 г.

Keywords: cold war; USA and integration processes in Western Europe; the Marshall plan; the creation of NATO; 1973 «New Atlantic Charter»; 1990 «transatlantic declaration».

Для цитирования: Стрельцов А.Д. [Реф.] // Социальные и гуманистические науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН. РАН, 2022. – № 1. – С. 120–126. – Реф. кн. : Крыжановский А.В. Друзья-соперники : США и объединяющаяся Европа в период холодной войны. – М. : МГИМО-Университет, 2019. – 132 с.

Кандидат ист. наук А.В. Крыжановский – специалист по проблемам мировой политики, в том числе – трансатлантических отношений, их истории и современности. В фокусе внимания автора данной работы – поэтапная трансформация европейского курса Белого дома, связанная с укреплением экономических позиций Европейского сообщества и повышением роли ЕС в международных делах.

Во введении автор отметил, что в период холодной войны Вашингтон более или менее активно содействовал интеграционным усилиям Западной Европы, что было обусловлено четырьмя основными факторами: необходимостью распространения американской модели общественного устройства; стремлением создать «более рациональную и эффективную Европу»; расчетом на по-

степенное уменьшение «бремени» материальных расходов США; политикой «двойного сдерживания»¹.

Автор утверждает, что в конце Второй мировой войны среди правящей элиты США преобладало достаточно сдержанное отношение к идеям европейской интеграции. В Конгрессе США сложилась двойственная ситуация: атлантисты выражали надежды на то, что формирование европейского сообщества приведет к сокращению военных расходов США; изоляционисты, в свою очередь, опасались, что единая Европа ослабит эффективность ООН, а Североатлантический союз вдобавок подвергнется экономической дискриминации (с. 11).

В 1946–1947 гг. новое правительство Г. Трумэна сделало ядром своей стратегии сдерживание коммунизма, предусматривавшее объединение всех сил капиталистического мира под главенством США, что включало благожелательное отношение к европейской интеграции. Для достижения цели укрепления Западной Европы и упрочения ее западной ориентации Белому дому необходимо было выполнить две задачи – создать прочный экономический союз между западноевропейскими государствами, в том числе с Западной Германией; объединить вооруженные силы Западной Европы под американским командованием.

Основой для решения первой задачи стал так называемый план Маршалла, который вступил в силу в апреле 1948 г. в соответствии с принятым Конгрессом США «Законом об экономическом сотрудничестве». Целенаправленные усилия Запада в области военного объединения в коалицию привели к подписанию договора о создании НАТО между США, Канадой и десятью западноевропейскими государствами 4 апреля 1949 г.

Великобритания традиционно дистанцировалась от Европы во многом вследствие политических разногласий, отделявших правящих британских лейбористов от более консервативных сил, господствующих на континенте. В качестве своеобразной компенсации Лондон начал укреплять атлантический вектор внешней по-

¹ Имеется в виду сдерживание ФРГ (бывшего противника) путем институциональной «привязки» западногерманского государства к ЕЭС и НАТО, а также сдерживание СССР (нового противника), определявшее необходимость укрепления экономического и военно-политического союза западноевропейских стран. – Прим. реф.

литики. В апреле 1950 г. в госдепартаменте США была подготовлена аналитическая справка, в которой декларировалось: «Ни одна из стран мира не имеет таких же оснований, как Англия, для того, чтобы стать нашим главным партнером и союзником». В лице Великобритании и Британского Содружества Соединенные Штаты приобретали важнейшую опору в международной политике; в то же время Лондон и его доминионы сохраняли свою зависимость от США.

Вашингтон в вопросе европейской интеграции все более твердо заявлял о необходимости экономического и политического восстановления Западной Германии, ясно давая понять, что Западная Германия должна превратиться в равноправного партнера европейских стран. Этот императив был адресован, прежде всего, Парижу, поскольку именно франко-западногерманские разногласия являлись главным препятствием на пути европейского объединения.

9 мая 1950 г., после предварительной консультации между американским послом во Франции Давидом Брюсом и Жаном Монне (бывшим тогда руководителем французской генеральной комиссии по планированию, разрабатывавшей программы модернизации французской экономики) был утвержден план создания Европейского общества угля и стали (ЕОУС), вошедший в историю под названием «план Шумана», поскольку глава МИД Франции Р. Шуман обеспечил политическую поддержку этой интеграционной инициативы, выступив со знаменитой декларацией. Все эти меры закладывали фундамент для дальнейшего экономического развития и ускорения интеграционных процессов в Западной Европе и, что было особенно важно для Белого дома, содействовали сближению двух ранее непримиримых антагонистов – Франции и Германии.

Таким образом, первая часть концепции экономической привязки ФРГ к Западной Европе была осуществлена. Предстояло выполнить вторую половину замысла – перевооружение Германии. Однако этому противодействовала Франция. Тем не менее в октябре 1950 г. министр обороны Франции Рене Плевен выступил с предложением создать Европейское оборонительное сообщество (ЕОС). Новая республиканская администрация Д. Эйзенхауэра

рассчитывала на то, что эффективно действующее ЕОС позволит сократить как финансовые, так и военные затраты США (с. 34).

Далее автор анализирует второй этап американо-западно-европейских отношений, оказавшийся наиболее напряженным в силу многочисленных противоречий, ослаблявших трансатлантическое партнерство. В период правления Дж. Кеннеди на первый план в европейской политике Вашингтона выходит задача объединить все ядерное оружие западного мира под общим (фактически американским) руководством. Этому препятствовала позиция президента Франции Шарля де Голля, выступавшего за формирование конфедерации европейских государств, простирающейся «от Атлантики до Урала», что противоречило проекту наднационального объединения западной Европы, получившему поддержку правящей элиты США (с. 48).

Администрация Кеннеди рассматривала европейскую интеграцию как важнейший этап более широкого, общеатлантического объединения, основанного на структурной перестройке американо-европейских отношений, в результате которой процесс европейской интеграции приобрел бы необратимый характер, а страны «общего рынка» могли бы придерживаться более гибкого курса. По замыслу американского президента, присоединение Великобритании позволяло усилить атлантическую ориентацию ЕЭС, а также нейтрализовать разногласия с де Голлем (с. 51).

Однако период 1962–1964 гг. характеризовался продолжительной серией торговых конфликтов между США и ЕЭС. В дальнейшем имел место так называемый «раунд Кеннеди» – этап переговорного процесса по проблемам торговли, проходивший в крайне напряженной обстановке. В конечном счете переговоры завершились компромиссной договоренностью: обе стороны снизили ряд тарифов на сельскохозяйственные и промышленные товары примерно на 35%, вместо первоначально предложенных Вашингтоном 50% (с. 66).

Несмотря на то что де Голль заблокировал Великобритании доступ в европейское сообщество, администрация Л. Джонсона (1963–1969) не переставала поддерживать идею присоединения этой страны к Общему рынку, традиционно напоминая Лондону о необходимости уступок наднациональным институтам Западной Европы. Тем временем Конгресс все сильнее давил на правитель-

ство с целью сократить численность военного контингента США в Западной Европе. Между тем администрация Джонсона, продолжая курс Кеннеди, противилась малейшему смягчению американского влияния. В результате Белый дом потребовал от заметно окрепшего в экономической области Бонна возместить дополнительные расходы США по развертыванию американских войск на европейском континенте. В 1967 г., после нелегких переговоров, в которых Л. Эрхарда сменил новый канцлер К. Кизингер, было подписано окончательное соглашение: при незначительном сокращении военного присутствия США в Западной Германии расходы ФРГ на оборону резко увеличивались (с. 71).

Республиканская администрация Р. Никсона (1969–1974) выдвинула более прагматичный подход к европейской интеграции. По-прежнему отдавая предпочтение широкому атлантическому союзу, новое правительство открыто отводило главную роль в нем США, отказавшись даже от формального следования принципу «двух равных частей Атлантики». Поддержка со стороны Западной Европы требовалась для укрепления позиций Вашингтона в борьбе с Советским Союзом.

Последовательное осуществление нового внешнеполитического курса привело к нормализации отношений ФРГ с ГДР и другими социалистическими государствами Восточной Европы. Это означало, что пространство для маневра ЕС в глобальной дипломатической игре заметно расширялось. В 1972 г. канцлер ФРГ В. Брандт подчеркивал, что в условиях улучшающегося политического климата «уменьшается риск войны между Америкой и Советским Союзом».

Между тем экономические проблемы препятствовали формированию американо-европейской идентичности. Все больше представителей правящих кругов США выражали недовольство по поводу протекционистского курса стран Общего рынка. 23 апреля 1973 г. Никсон и Киссинджер предложили Западной Европе «новую атлантическую хартию», в которой проводилась мысль о единоличной гегемонии США в Западной Европе. Выдвинутый проект предусматривал комплексную взаимосвязь трех центров капиталистического мира – США, Западной Европы и Японии, – распространяющуюся на сферы экономики, политики и обороны. Киссинджер заявил, что «союз между Соединенными Штатами и

Европой является краеугольным камнем всей послевоенной внешней политики, средством укрепления Запада» (с. 83–84).

Во второй половине 1970-х годов, утверждает автор, происходит стабилизация американо-европейского сотрудничества на уровне поиска взаимоприемлемых решений, когда Белый дом перенес основное внимание на укрепление двусторонних связей с наиболее влиятельными партнерами из числа стран Общего рынка. Однако пришедшая к власти в 1981 г. республиканская администрация Р. Рейгана оценила итоги деятельности своих предшественников как неудовлетворительные. Картеровская концепция «трехсторонности» уступила место ярко выраженному стремлению к односторонней американской гегемонии в атлантическом сообществе (с. 93).

Вместе с тем в последние годы президентства Рейгана в американо-европейских отношениях произошли некоторые позитивные сдвиги, предварявшие эпоху Дж. Буша-старшего (1989–1993). Восточная политика ЕС перестала быть предметом ожесточенных споров между атлантическими союзниками. «Новое мышление» М. Горбачёва открывало широкие перспективы для прекращения холодной войны и всеобъемлющей вестернизации стран социалистического лагеря.

США и ЕС в результате долгих переговоров на парижском форуме СБСЕ в ноябре 1990 г. выработали итоговый документ под названием «Декларация отношений между США и ЕС», который именуется в литературе «Трансатлантической декларацией». По сути, «Трансатлантическая декларация» сводилась к обобщенному изложению хорошо известных принципов американо-европейского партнерства. Ее подлинная цель заключалась не в поисках ответов на спорные вопросы, а в демонстрации мировому сообществу единства западных стран в условиях складывания новой международной обстановки (с. 110–111).

Углубление объединительных процессов в Западной Европе, связанное с преобразованием Европейского сообщества в Европейский союз (1992) и намеченной на 1999 г. организацией Европейского валютного союза (ЕВС), получило твердую поддержку со стороны американского правительства ввиду того, что Белый дом рассчитывал на то, чтобы в обозримой перспективе взаимодей-

ствовать с более сильной Европой, активно содействующей США в выполнении глобальных обязательств.

Последняя декада холодной войны, пишет в заключение автор, характеризовалась возобновлением американо-европейских торгово-экономических конфликтов, обусловленных, с одной стороны, противоположными подходами США и ЕС к торговле с Советским Союзом, а с другой – несовместимостью стандартов качества продукции (с. 124).

*А.Д. Стрельцов**

* Стрельцов Алексей Дмитриевич – младший научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: dr.watson.s@mail.ru

КАЭН К. ТУРЦИЯ ДО ОСМАНСКИХ СУЛТАНОВ. ИМПЕРИЯ ВЕЛИКИХ СЕЛЬДЖУКОВ, ТЮРКСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРАВЛЕНИЕ МОНГОЛОВ. 1071–1330 / пер. с англ. Л.А. Игоревского. – М. : Центрполиграф, 2021. – 415 с.

Ключевые слова: Малая Азия в XI–XIV вв.; Сельджукское государство, 1071–1330 гг.; политические институты Сельджукского государства; монгольские завоевания в Малой Азии.

Keywords: Asia Minor in the XI–XIV centuries; Seljuk state, 1071–1330; political institutions of the Seljuk state; Mongol conquests in Asia Minor.

Для цитирования: Чедия А.Р. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН. РАН, 2022. – № 1. – С. 127–131. – Реф. кн. : Каэн К. Турция до османских султанов. Империя великих сельджуков, тюркское государство и правление монголов. 1071–1330 / пер. с англ. Л.А. Игоревского. – М. : Центрполиграф, 2021. – 415 с.

В монографии французского востоковеда-тюрколога Клода Каэна предпринята попытка рассмотрения истории Турции с периода образования Сельджукского государства до начала османского владычества в Малой Азии. Автор дает краткое описание истории тюрок, определяя основные факторы, способствовавшие возышению Сельджукского государства. Вместе с тем в книге представлены видение автором различных вопросов социально-экономического развития Малой Азии в сельджукскую эпоху, а также описание национального и конфессионального многообразия региона. Работа состоит из четырех частей, разделенных на главы.

Во введении автор рассматривает историю тюрок с момента их появления на исторической арене, вплоть до образования государства Сельджукидов. Важное место отдается вопросу исламиза-

ции ранних тюркских племен. В VI в. н.э. возникает Тюркский каганат – первое государственное образование тюрок. В X в., уже после распада Тюркского каганата, а также большинства его осколков, давление монгольского населения вынуждает тюрок уйти с земель, служивших базой для экспансии и ареной их независимого культурного развития (с. 11). Первоначально религия тюрок была связана с шаманизмом, однако по мере расширения контактов с соседними народами в их среду проникают и другие религиозные верования. Впоследствии, уже в VII–VIII вв., среди тюрок распространяется ислам.

В первой части книги автор акцентирует свое внимание на раннем этапе истории Сельджукского государства, а также на роли тюркского элемента в структуре нового образования. Будущий основатель тюркско-огузской династии – Сельджук – переселился из хазарских земель в караканидский город Дженд, где его потомки служили Газневидам и Караканидам. Впоследствии Сельджукиды сумели выйти из-под влияния своих «сюзеренов» и захватить их города. Это привело к тому, что властители огромных территорий в Средней Азии были вынуждены признать над собой власть Сельджукидов. Под их управлением оказались крупные города Ближнего и Среднего Востока. К 1090 г. новое государственное образование протянулось до Аравии и границ Индии, охватив почти все мусульманские территории в Азии (с. 40).

Автор выступает против устоявшегося в турецкой исторической науке представления о том, что в сельджукский период сложилась некая специфическая форма тюркского феодализма. По его мнению, туркменский элемент в Сельджукском государстве был изначальной базой завоеваний и построения государственной системы. Однако сами туркмены постепенно превращались не в движущую силу нового образования, а скорее в обособленную группу. Тюркский каркас этого общества был представлен в большей степени правящей верхушкой (с. 44).

Во второй части автор рассматривает колыбель будущей Турции – Малую Азию – в период, предшествовавший сельджукскому завоеванию, и историю собственно утверждения сельджукидского правления в регионе. В первой половине XI в. Малая Азия (Анатолия) неоднократно подвергалась набегам и разорению своих границ. Восточная Римская империя к XI в. не имела воз-

можности оказывать сопротивление зарубежной интервенции, несмотря на достаточно мощную военную силу. По мнению автора, византийской армии не хватало мобильности, чем и воспользовались сельджуки, осуществлявшие молниеносные завоевания в Малой Азии после битвы при Манцикерт в 1071 г. (с. 75).

Собственно проникновение сельджуков в Малую Азию автор делит на два периода: до и после Манцикерта. Во время первого периода осуществлялись лишь краткосрочные набеги. Однако уже после Манцикерта сельджуки реализовали планомерное завоевание Малой Азии (с. 76). Первым центром нового государственного образования стала Никея (Изник), однако к 1096 г. резиденция султанов была перенесена в Конью (Иконион). Сельджукское государство сумело утвердиться в Малой Азии при правителе Сулеймане Кутулмуше (1077–1086) и достичь своего апогея при Мелик-шахе I (1072–1092). Смерть Мелик-шаха знаменует собой начало упадка государства. Среди разных причин ослабления державы Сельджукидов автор выделяет недисциплинированность войск, прекращение завоеваний, рост феодальной раздробленности, отсутствие какого-либо четкого правила престолонаследования. Распад государства привел к появлению в Малой Азии новых тюркских территориальных образований, таких как государство Ильдегизидов, Конийский султанат и др. Стоит отметить, что автор не разделяет державу Сельджукидов и Конийский султанат, видя последний продолжением сельджукской государственности.

В третьей части книги автор описывает общество и институты до монгольского нашествия. Большинство населения региона было не тюркским и даже не мусульманским, однако тюркское присутствие в Малой Азии стало доминирующим и в сравнении с коренными группами определяло характер самой Анатолии (с. 173). Относительно регулирования политических институтов сельджукского государства автор пишет, что большинство из них имели как византийское, так и собственно тюркское происхождение. Что касается армии, то в наиболее позднее время в ней смешались византийская, классическая ирано-мусульманская и древнетюркская модели. Однако в самом начале не существовало никакой другой военной силы, кроме туркменов (с. 259). Особое внимание автор уделяет управлению в сельджукских провинциях.

Структура провинции была феодальной, основанной на системе икта, напоминающей европейский феод.

Четвертая часть книги посвящена монгольскому периоду в истории Турции. В первой трети XIII в. происходило полномасштабное завоевание Малой Азии монголами. Попытки противостоять нападениям монголов в конечном итоге не увенчались успехом. Поражение при Кёсе-даге в 1243 г. предопределило судьбу сельджуков. Постепенная децентрализация Коньи происходила после смерти правителя Кей-Хосрова II в 1245 г. Султанат управлялся тремя его сыновьями. Апогеем децентрализации государства следует считать фактический распад Конийского султаната на вотчины (уджи и бейлики) в начале XIV в.

Стоит отметить, что монгольские завоевания в Малой Азии не привели к разрушению городов, как это происходило в Иране и Центральной Азии. Кроме того, в XIV в. отмечался рост малых центров. Так, возросло значение Кайсери и Сиваса, но уменьшилась значимость Коньи. Органы власти в монгольском протекторате не претерпели серьезных изменений, при этом все институты в Малой Азии оставались мусульманскими (с. 388). Монгольский протекторат не принес серьезных изменений в положение немусульманских народов региона. Более того, зачастую сами монголы считали крайне выгодным опираться на те этнические и конфессиональные группы, которые при предыдущей власти могли подвергаться гонениям.

В области искусства непосредственный эффект монгольского владычества стал самым непредвиденным: при монгольском протекторате наблюдается расцвет этой формы духовной культуры и художественного творчества. Именно тогда, считает автор, результаты культурного прогресса проявились в полной мере (с. 400).

В последней главе книги автор описывает Малую Азию перед образованием Османской империи. По мнению автора, ядром будущей империи стало небольшое туркменское владение, во всех отношениях похожее на те, что его окружали. Только два туркменских бейлика обрели определенное могущество – это Айдын и Караман. Однако благодаря геополитическому положению османский бейлик стал довольно быстро развиваться, что позволило ему значительно выделиться среди других владений Малой Азии

(с. 402). Таким образом, после распада последних осколков государства Сельджукидов на исторической арене появляется новое тюркское государственное образование, постепенно превращавшееся из маленького бейлика в могучую Османскую империю.

*A.P. Чедия**

* Чедия Анри Р. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: chedia@inbox.ru

ПОЧЕКАЕВ Р.Ю. РОССИЙСКИЙ ФАКТОР ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ 1717–1917. ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФРОНТИРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 326 с.

Ключевые слова: Бухарский эмират XIX–XX в.; Хивинское ханство XIX–XX в.; Кокандское ханство XIX–XX в.; фронтальная модернизация в рамках Российской империи.

Keywords: Bukhara Emirate XIX–XX century; Khiva Khanate XIX–XX centuries; Kokand Khanate XIX–XX centuries; frontier modernization within the Russian Empire.

Для цитирования: Дунаева Ю.В. [Реф.] // Социальные и гуманистические науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – М. : ИНИОН. РАН, 2022. – № 1. – С. 132–138. – Реф. кн. : Почекаев Р.Ю. Российский фактор правового развития Средней Азии 1717–1917. Юридические аспекты фронтальной модернизации. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 326 с.

Книга д-ра ист наук Р.Ю. Почекаева (НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге) состоит из введения, пяти глав и послесловия «Российский протекторат в оценках бухарских современников». В основу исследования легла теория фронтальной модернизации¹, которая рассматривает, как империи (в данном случае Российская империя) стремились модернизировать окраины, с тем чтобы поднять их уровень развития до уровня остальных регионов.

¹ «Теория границы» («тезис фронтира», Frontier Thesis) – идея, выдвинутая в 1890-х годах американским историком Фредериком Тёрнером, которая объясняла особенности развития Соединенных Штатов взаимодействием с фронтиром (границей американских поселений). Таким образом Тёрнер пытался доказать самобытность социальных институтов США и объяснял разнообразие внутри американской нации различиями подобного взаимодействия. – *Прим. реф.*

Основная задача книги – «показать, что Российская империя стремилась проводить в подконтрольных ей регионах Центральной Азии (в том числе и в среднеазиатских протекторатах) политику фронтирной мобилизации, постепенно повышая их экономический, правовой и культурный уровень с целью постепенной интеграции в имперское политico-правовое и социально-экономическое пространство» (с. 17). Исследование Р.Ю. Почекаева основано на широком круге научной литературы и источников: свидетельства современников (российских чиновников, дипломатов, путешественников), дневники и мемуары, публикации в прессе XIX–XX вв., разного рода архивные материалы.

Автор рассматривает формирование международно-правовых отношений Российского государства и среднеазиатских ханств. В начале, по словам автора, политика проводилась «методом проб и ошибок», что привело к сложностям в выстраивании отношений между государствами. Речь идет прежде всего о печально известной экспедиции князя А. Бековича-Черкасского (до принятия православия – Девлет-Гирей-мурза) – Хивинском походе 1717 г. Память о разгроме и пленении российского военного отряда надолго закрепилась в умах военных и чиновников, некоторые даже отказывались следовать проездом через Хиву. Однако, как показывает Почекаев, печальный опыт экспедиции использовался в международных и правовых отношениях между Российской империей и среднеазиатскими государствами. Во-первых, были собраны научные знания о Средней Азии, к которым обращались при формировании политики России в этом регионе. Во-вторых, результаты экспедиции Бековича были интересны не только дипломатам и политикам, но и ученым. В-третьих, сам факт экспедиции и ее разгрома использовались дипломатами как аргумент давления в отношениях с Хивой и представителями других государств Средней Азии.

Еще одним методом воздействия на среднеазиатские государства были экономические санкции, которые применялись с разным успехом. Так, оренбургский военный губернатор В.А. Перовский, вступив в должность в 1833–1834 гг., узнал, что многие роды Младшего жуза признают власть хивинских ханов, нападают на русских и уводят их в плен, а затем продают в Хиве. Перовский попытался справиться с этой ситуацией сначала дипломатически-

ми методами, направив послание с предложением дружбы и торгового партнерства. Взамен он просил отпустить всех русских пленных, прекратить грабить караваны и перестать претендовать на власть над казахами Младшего жуза. Однако его мирные инициативы не принимались другой стороной. Тогда в 1836 г. В.А. Перовский предложил ряд действий против Хивы, которые были одобрены Азиатским комитетом МИДа и утверждены императором Николаем I. «В результате 572 хивинских купца были арестованы в Оренбуржье, Сибири и Астрахани, а их имущество стоимостью около 1,4 млн руб. конфисковано: Перовский намеревался удерживать торговцев и их товары под арестом, пока хан Алла-Кули не выполнит его вышеупомянутые требования... Согласно сводкам российского МИДа, цены на русские товары в Хиве выросли от 15 до 90%, стоимость же хивинских товаров (в первую очередь хлопчатой бумаги) упала вдвое» (с. 60–61). Однако, по мнению Почекаева, предпринятые военным губернатором меры не оказали существенного влияния, несмотря на всю их жесткость и длительность (с 1836 по 1838 г.).

Далее рассматривается политика установления и развития протекторатов Российской империи над Бухарским эмиратом, Кокандским ханством и Хивинским ханством в 1860–1870-е годы. После ряда антироссийских восстаний Кокандское ханство было упразднено в 1876 г. и преобразовано в Ферганскую область в составе Туркменского генерал-губернаторства.

Р.Ю. Почекаев подчеркивает, что среднеазиатские ханства интересовали империю прежде всего как торговые партнеры. Об этом свидетельствуют и тексты межгосударственных договоров. При этом никакой нормативной базы, закреплявшей статус среднеазиатских протекторатов, их права и обязанности, фактически не существовало. В 1868 г. был заключен мирный договор между Российской империей и Бухарским эмиратом¹, однако основное его содержание регулировало торговые отношения между двумя государствами, мирные условия были прописаны как дополнение.

¹ Бухарский эмир Музaffer в марте 1868 г. объявил России газават, однако 2 мая отряд генерала К.П. Кауфмана разгромил войско эмира и русские войска заняли Самарканд. 23 июня 1868 г. бухарский эмир признал вассальную зависимость от России. – *Прим. реф.*

В 1873 г. российская армия оккупировала Хивинское ханство. С его правителем Мухаммад-Рахим-ханом II был заключен «так называемый Гандемианский договор, в котором также большинство статей было посвящено урегулированию торговых отношений между Россией и Хивой, тогда как условия мира и положения, закреплявшие фактическую зависимость ханства от Российской империи, были изложены, по сути, в двух-трех пунктах» (с. 74). На этом фоне потребовалось уточнить взаимоотношения с Бухарским эмиратом. В том же 1873 г. был заключен Шаарский договор о дружбе между Российской империей и Бухарским эмиратом. Между тем формально «протекторат России над ними не был никак оформлен, лишь отдельные статьи договоров косвенно указывали на подчиненное положение Бухары и Хивы по отношению к империи» (там же).

Таким образом, подытоживает Почекаев, поскольку Россия в основу регламентации отношений между Хивой и Бухарой положила «торговые договоры», за империей оставались варианты развития отношений: либо сохранять их формальный суверенитет, либо интегрировать их в свой состав. Автор приводит слова британского современника этих событий Г. Нормана: «Формат протектората позволял России контролировать политику и экономику эмирата, не принимая при этом на себя никаких обязательств» (цит. по: с. 76).

Далее автор рассматривает правовую политику имперских властей на примере среднеазиатских регионов, а также русских анклавов на их территориях. Он подчеркивает, что, установив протекторат, Россия не спешила сразу вмешиваться в проблемы правового развития и запускать процесс модернизации. Однако центральные власти стремились обеспечить русским подданным самые благоприятные условия и на их примере показать, к чему следует стремиться новым территориям в своем развитии.

Имперская власть сознательно шла на определенные компромиссы, что отразилось, например, на налоговой реформе. Система налогов в этих регионах была сложной и запутанной, она сочетала в себе законы шариата и законы, изданные монархами, которые в некоторых случаях противоречили шариатским правилам. После присоединения Туркестана к России практически все законы, введенные ханскими правителями, были отменены, под-

черкивает автор. Но чтобы не испортить отношений с местным населением, два основных мусульманских налога – зякет (закят) и харадж – были сохранены. Зякет – это «ежегодный сбор в пользу мусульманской общины, которым облагалось имущество сверх определенного количества» (с. 108). Харадж – это поземельный налог, вначале взимаемый с покоренной части немусульманского населения, а затем распространившийся и на мусульман.

Как же действовала имперская власть в отношении этих и других мусульманских налогов? Первый генерал-губернатор Туркестана К.П. фон Кауфман проводил политику, которую можно назвать «игнорированием ислама». Она сводилась к тому, пишет Почекаев, что часто представители российской власти не принимали во внимание мусульманские принципы, институты, правовые нормы и т.п. Так произошло с хараджем, ему на смену пришел поземельный налог. Подобная налоговая политика была продолжена его последователями и другими генерал-губернаторами, заключает Почекаев.

На территории Туркестана были так называемые русские анклавы. Хотя эта тема привлекала внимание исследователей, но особенности правового положения русских мало исследованы, утверждает автор. Русские поселения объединяло то, что на их территориях действовала имперская администрация, взимались налоги, как и в остальной части империи; кроме того, их связывала Закаспийская железная дорога. Таким образом, по сути являясь анклавами, они были объединены на разных уровнях – от административного до территориального (посредством железной дороги). Главным источником права, определявшим положение русских анклавов, был Шаарский мирный договор 1873 г. Со временем были разработаны несколько законодательных актов – например, «Протокол дополнительных правил» (1888). Периодически издавались дополнительные правовые акты, регулирующие те или иные аспекты отношений русских поселенцев и Бухарского эмирата.

В общем, правовое регулирование российских протекторатов усиливало российский контроль над местным населением, постепенно приобщая его к имперским правовым нормам, что со временем должно было способствовать полной интеграции Бухары и Хивы в имперское политico-правовое и экономическое пространство, заключает автор.

Историк рассматривает инструменты, способы и методы косвенного влияния на среднеазиатские протектораты, формально сохранявшие независимость. Одним из примеров такого влияния было водопользование. Автор рассказывает о проблеме с использованием «водного права» в Туркестане как инструмента выстраивания отношений империи со среднеазиатскими ханствами. До 1917 г. никакого специального законодательства, регулирующего этот вопрос, не было.

Российская империя умело использовала оказавшийся в ее руках инструмент. В 1868 г., после присоединения Самарканда к Туркестанскому краю, российские власти получили контроль над рекой Зеравшан и могли контролировать количество воды, поступавшей в Бухару. Поскольку не было никаких норм, регулирующих этот процесс, эмир Бухары фактически должен был выпрашивать воду в каждом случае ее нехватки. В 1871–1872 гг. была создана специальная комиссия, которая должна была разработать положения, регулирующие водный вопрос. Несмотря на принятые соглашения, процесс раздачи воды так и происходил «самотеком». Известны случаи, когда вода вообще не поступала, люди умирали от засухи и жажды.

Отсутствие правового регулирования в сфере «водного права» давало возможность Российской империи использовать его как инструмент своей власти, что позволяло проводить свою политику, благоприятную и для властей, и для русского частного капитала. Разработка и принятие «водного права» прошли несколько этапов, от переговоров до фактического навязывания Бухаре в 1910-е годы тех форм правоотношений, которые были выгодны имперским властям и частным предпринимателям.

Последняя глава книги посвящена тому, что можно назвать «неудачным протекторатом», – особому положению Западного Памира, который в 1895 г. был присоединен к Бухарскому эмирату, а фактически управлялся российскими военными. Стремление установить контроль над Западным Памиром было одним из этапов соперничества России и Англии в этом регионе, в так называемой «Большой игре». К этому следует добавить интерес к этой области Афганистана и Китая. Долгое время Россия ограничивалась только нотами протеста, поскольку не могла присоединить регион по политическим мотивам, опасаясь реакции Англии на

расширение российских территорий. Документом, регламентирующим отношения власти и местного населения, была «Инструкция начальнику Памирского отряда», принятая в 1897 г. и дополнявшаяся в соответствии с изменениями в регионе. Такая сложная и запутанная ситуация с управлением продолжалась до 1905 г., когда Памир перешел под управление России. И в этом случае русские использовали политику «мягкой силы» – так, например, ссылаясь на то, что регион разорен афганцами, они на протяжении ряда лет не собирали там налоги. Бухарские чиновники же были вынуждены взимать только налоги, необходимые для работы управлеченческого аппарата.

В 1905 г. была издана новая инструкция, согласно которой наместничество упразднялось, сторону эмира представлял специальный чиновник, а начальник русского военного отряда фактически управлял регионом, действуя на основе указаний, разработанных туркестанским генерал-губернатором. Однако отношения между Российской империей и Памиром так и не были зафиксированы документально из-за боязни неодобрительной реакции Англии.

*Ю.В. Дунаева**

* Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (НИИОН РАН). E-mail: jvd@inbox.ru

ПОПОВА Т.Н. ПЁТР МИХАЙЛОВИЧ БИЦИЛЛИ: ПОРТРЕТ В МАНЕРЕ «СФУМАТО». – Одесса : Бондаренко М.А., 2021. – 560 с.

Ключевые слова: российская медиевистика начала XX в.; П.М. Бицилли; бицилливедение.

Keywords: Russian medieval studies of the early XX century; P.M. Bicilli; bicillination.

Для цитирования: Дунаева Ю.В. [Реф.] // Социальные и гуманистические науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – М. : ИНИОН. РАН, 2022. – № 1. – С. 139–143. – Реф. кн. : Попова Т.Н. Пётр Михайлович Бицилли : портрет в манере «сфумато». – Одесса : Бондаренко М.А., 2021. – 560 с.

Монография канд. ист. наук Т.Н. Поповой (Одесский национальный ун-т имени И.И. Мечникова) посвящена научному окружению, жизни и творчеству знаменитого историка Петра Михайловича Бицилли (1879–1953), профессора Новороссийского (Одесского) и Софийского университетов. Исследование состоит из шести глав и приложения. Использован широкий круг источников, а также современная научная литература на русском и иностранных языках.

Название книга получила неспроста: по основной идеи Т.Н. Поповой, сфумато в биографическом исследовании – это «“исчезающий, как дым”, метафора, смысл которой – неуловимость, непостижимость, неисчерпаемость биографического проникновения в тайны личности» (с. 8). Следует отметить особенность стиля автора – повествование прерывается ремарками, что вносит в текст оживление, давая одновременно необходимые дополнительные сведения, уточнения, краткие биографии лиц, так или иначе связанных с историком.

В первой главе автор представляет свои взгляды на то, что она подразумевает под «биографией», в данном случае «историей историков», выделяя ее как самостоятельное направление, которое состоит из «интеллектуальной биографии» и «персональной истории». «Подход автора к изучению жизни и творчества Петра Михайловича Бицилли – *биоисториографический*», это, прежде всего, *история об историке*, получившем профессиональное университетское образование и сохранившем «Чувство Истории» вне зависимости от того, какая сфера гуманитаристики его привлекала в тот или иной период жизни и творчества» (с. 10). Персональная история ученого, пишет далее Попова, состоит из двух взаимосвязанных биографических линий: биографии личности и биографии профессиональной.

В последние годы, говорится во второй главе, заметно возраст интерес к творчеству историка, его научным трудам, накоплена большая фактическая база данных. Все это, по мысли исследовательницы, позволяет говорить об институционализации бицилливедения, «которое предстает как относительно автономное, полидисциплинарное по структуре и многонациональное по составу представителей научное направление в области гуманитаристики» (с. 16).

Исследовательница выделяет несколько периодов в историографии творчества Бицилли. Первый период (1913–1953) – от момента выхода рецензии на его первые публикации до «последнего отзыва на все творчество Бицилли» – некролога, написанного одним из его учеников – профессором Христо Гандевым. Второй период – с 1953 по конец 1980-х годов – время фрагментарного обращения к работам историка. Третий период – конец 1980-х – 1990-е годы. Это время отмечено ростом интереса к наследию мэтра и к его научному творчеству среди болгарских, российских и украинских историков. Четвертый период наступил с началом 2000-х годов, он отмечен выходом обобщающих работ, прежде всего это болгарское издание М. Велевой¹, высоко оцененное историками. Особое место в ней занимает библиография, которая содержит перечень работ Бицилли с 1939 по 2003 г., а также работы российских и украинских авторов о нем.

¹ Велева М. Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. – София : Гутенберг, 2004. – 162 с.

В 2006 г. вышло в свет капитальное издание П.М. Бицилли «Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад»¹. В нем опубликована подборка работ историка и биографический очерк («Штрихи к портрету ученого», автор – профессор М.А. Бирман). Пятый период – это 2020-е годы. Серьезными вехами стали международные конференции в Софии (2018) и в Москве (2019).

В следующей главе говорится об истории рода Бицилли. Исследовательница не просто прослеживает биографию Бицилли, а скорее рассказывает его персональную историю: начиная от версий происхождения рода Бицилли по отцовской и материнской линиям до описания жизни самого историка, в которой Попова выделяет три этапа: одесский, югославский и болгарский.

Пётр Михайлович Бицилли родился 1 (13) октября 1879 г. в Одессе. В личных документах Бицилли фигурируют три даты окончания университета: 1904, 1905, 1906 гг. На основе источников Попова уточняет дату – 1906 г. В мае 1917 г. в Московском университете он защитил магистерскую диссертацию «Салимбене. Очерки итальянской культуры XIII века». Автор отмечает, что как историк, как ученый Бицилли сформировался поздно, виной тому не только слабое здоровье, но и его политическая активность, из-за которой он дважды (в 1902 и в 1905 г.) исключался из университета. Но, несмотря на эти и другие препятствия, он не только преподавал, но и издал несколько значимых исследований: «Общественные движения в изображении средневековых историков» (1917), «Элементы средневековой культуры» (1919), «Падение Римской империи» (1919).

Что касается его политических взглядов, то Февральскую революцию 1917 г. профессор принял с радостью, пишет Попова, но радикально отверг Октябрьскую революцию. Начинается новый этап в жизни историка – эмигрантский, который, в свою очередь, делится на югославский и болгарский периоды. Весной 1920 г. Бицилли получил должность доцента кафедры всеобщей истории на философском факультете Белградского университета. Профессор читал лекции по истории Нового времени и по истории Римской республики, а также проводил семинар по истории Француз-

¹ Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / отв. ред. М.А. Юсим. [Биогр. очерк П.М. Бирмана]. – Москва : Языки славянских культур, 2006. – 808 с. – (Классики отечественной филологии).

ской революции на сербском языке. Первой книгой, изданной в изгнании, стал учебник всеобщей истории.

Попова выделяет семь направлений деятельности ученого. 1. П.М. Бицилли обращается к эпиграфике и пытается изучать римские надписи. 2. Евразийство. Он принимает участие в создании сборников, пишет работы на эту тему, например рецензию на программный евразийский сборник «Исход к Востоку: предчувствия и свершения: утверждение евразийцев» (1921 г.); «Народное и человеческое: (по поводу “Евразийского временника”)» (1925 г.). 3. Дидактический и педагогический опыт, в результате чего сформировался учебник истории. 4. Работы историка по следующим темам: «анализ новейших теорий исторического процесса»; «концепции истории Древнего мира»; «исследования в области истории католицизма» и др. (с. 276). 5. Рецензирование. За 1921–1923 гг. историк опубликовал 11 рецензий. 6. Обращение к творчеству А.С. Пушкина и Н.А. Некрасова. 7. Обращение к теоретическим вопросам истории, к анализу ведущих направлений философско-исторической мысли XIX – начала XX в. в контексте эволюции историзма (с. 268–279).

Весной 1924 г. П.М. Бицилли начал преподавание на историко-филологическом факультете Софийского университета, он занял пост заведующего кафедрой Новой и Новейшей истории. «Результаты научной деятельности П.М. Бицилли за “софийский период” впечатляют: по подсчетам М.А. Бирмана, П.М. Бицилли опубликовал на русском языке шесть монографий и 12 статей и сообщений; на болгарском языке – три книги и 47 статей и других видов работ» (с. 303).

В приложении к книге представлено приблизительное генеалогическое древо рода П.М. Бицилли в 10 поколениях; генеалогическое древо его матери – Екатерины Адольфовны (Михайловны) Вейнберг (Штейнгардт) в шести поколениях. Далее следует избранная библиография по теме исследования. Приведены библиографические описания работ Т.Н. Поповой по бицилливедению, а также публикации, в которых есть упоминания о Бицилли.

Ю.В. Дунаева*

* Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (НИИОН РАН). E-mail: jvd@inbox.ru

ЮРЛОВА Е.С. Б.Р. АМБЕДКАР. ЖИЗНЬ, ТВОРЧЕСТВО, НАСЛЕДИЕ. – Москва : ИВ РАН, 2020. – 292 с.

Ключевые слова: каста неприкасаемых (далитов) в Индии; Б.Р. Амбедкар как борец за права далитов; Б.Р. Амбедкар – создатель Конституции Индии; наваяна.

Keywords: caste of untouchables (Dalits) in India; B.R. Ambedkar as a Dalit Rights Fighter; B.R. Ambedkar – the founder of the Constitution of India; navayana.

Для цитирования: Стрельцов А.Д. [Реф.] // Социальные и гуманистические науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН. РАН, 2022. – № 1. – С. 143–148. – Реф. кн. : Юрлова Е.С. Б.Р. Амбедкар. Жизнь, творчество, наследие. – Москва : ИВ РАН, 2020. – 292 с.

Кандидат ист. наук Е.С. Юрлова (Институт востоковедения РАН) обратилась к изучению взглядов, практики и всего наследия Бхима Рао Амбедкара (1891–1956), известного борца за права неприкасаемых в Индии, о котором «вспомнили» и к наследию которого стали обращаться, начиная с 1979 г. Без учета его вклада представления о процессе создания современной Индии были бы по крайней мере неполными (с. 273).

Во введении автор излагает обстоятельства формирования взглядов своего героя, конкретнее – рассказывает о том, как он стал борцом за права далитов (неприкасаемых), к касте которых он сам принадлежал. Идеалом Амбедкара, по его словам, было общество, основанное на свободе, равенстве и братстве (именно эти слова он включил в Преамбулу конституции Индии).

После обретения Индией независимости доминирование высших классов не только продолжилось, но и усилилось. В связи с этим Амбедкар публично отверг индуизм и поклялся в верности необуддизму – новому учению о нравственности как способу до-

стижения социального равенства в индийском обществе. Амбедкар призывал разрушить кастовую систему, существовавшую в Индии. Работа в этом направлении стала главной целью его жизни.

Первая глава посвящена ранним годам жизни Амбедкара, его образованию. Он закончил в 1913 г. Эльфинстонский колледж Бомбейского университета, а позже учился в Нью-Йорке и в Лондоне. В 1915 г. в Колумбийском университете Амбедкар сдал экзамены на степень магистра по экономике, социологии, истории, философии и антропологии. В 1923 г. Амбедкар закончил Лондонскую школу экономики, а годом ранее он сдал экзамены на право работать юристом.

На мировоззрение Амбедкара повлияли годы, которые он прожил в США, в районе Нью-Йорка, граничащем с негритянским Гарлемом. Здесь он понял, что афроамериканцы в США страдают от дискриминации так же, как неприкасаемые в Индии.

Начало политической активности Амбедкара рассматривается во второй главе: в 1919 г. он был приглашен в Комиссию по избирательным реформам. Амбедкар выдвинул требование о введении всеобщего избирательного права и демократической формы правления (с. 68). В ноябре 1930 – январе 1931 г. в Лондоне прошла первая конференция по подготовке конституции, в которой участвовали представители мусульманской, сикхской, христианской и некоторых других общин, а также организаций неприкасаемых – Амбедкар и Р.Б. Шринивасан. В день открытия конференции Амбедкар подверг острой критике политику колониальных властей и, единственный из ее участников, потребовал полной независимости Индии (с. 69–70).

Борьбе против дискриминацииdalитов в Индии и афроамериканцев в США посвящена третья глава. И те и другие подвергались дискриминации в быту, религии, образовании, экономике и политике. Обе эти группы жили в изолированных гетто, дискриминировались в их контактах с привилегированными слоями (в одном случае – с «чистыми» индусами, в другом – с белыми).

Такое положение в США сохранялось до 1965 г., когда были принятые законы о гражданских правах. В Индии конституция 1950 г. объявила неприкасаемых вне закона и подкрепила это отдельным законом 1955 г. В Индии только с середины 1970-х годов в положенииdalитов стали происходить положительные изменения.

В 1976 г. были принятые два закона, направленные на дальнейшее «раскрепощение» неприкасаемых: это закон об отмене системы кабального труда и закон о защите гражданских прав (с. 137). При поддержке государства те, кому удалось получить образование, стали превращаться из покорных и угнетенных полурабов в независимых, самостоятельных людей. Их присутствие становится все более заметным в городах, из их среды постепенно вырастает средний класс.

В четвертой главе проанализирован вклад Амбедкара в создание конституции Индии. В феврале 1948 г. Амбедкар подготовил проект конституции и представил его Учредительному собранию. Эта работа дала Амбедкару уникальную возможность закрепить в основном законе многие из идей, которые составляли суть его деятельности на предыдущем этапе и которые он отстаивал в своих трудах о правах человека. В предложенном им проекте конституция предоставляла избирательное право всем гражданам Индии, запрещала практику неприкасаемости и гарантировала зарегистрированным кастам право на резервирование мест в законодательных органах власти в центре и штатах. Конституция учреждала Индию как суверенную демократическую республику, должна была обеспечить социальную, экономическую и политическую справедливость, свободу мысли, выражения мнений, убеждений, вероисповедания, культов, равенство возможностей, достоинство личности, укрепление единства нации (с. 167–169).

В пятой главе рассматривается необуддизм, учение, которое принял Амбедкар, тесно связав принципы демократии с социальными аспектами буддизма. Мировоззрение Амбедкара было своеобразным синтезом разных идей; в частности, буддизм был интерпретирован Амбедкаром как «теология освобождения». Самого Будду он считал великим демократом и рассматривал некоторые из его высказываний как подтверждение идей, на которых основаны демократическая и республиканская формы правления.

К середине ХХ в. в результате культурологического диалога, возникшего между Азией и Западом, начала складываться новая форма буддизма. Сосредоточившись на социальных вопросах – экономической эксплуатации, расовом и кастовом насилии – и необходимости коллективных действий для их преодоления, эта новая конфессия нашла своего яркого последователя в лице Ам-

бедкара. В поисках названия для этого «социально ангажированного буддизма» он предложил термин *наваяна* (необуддизм). Таким образом, в дополнение к уже существовавшим трем видам буддизма – хинаяне, махаяне и ваджраяне (ламаизму) – появился четвертый (с. 185–186).

Наваяна – это комплекс нравственных принципов, на которых должны строиться взаимоотношения между людьми. Свободному обществу, считал Амбедкар, нужна религия, сутью которой должны быть сам человек и его нравственность. Он утверждал, что истинная религия «должна устранить все социальные барьеры», разъединяющие людей. Подвергая критике несправедливую социальную структуру общества, созданного на основе брахманизма, он заявлял, что неравенство есть не результат объективного исторического процесса, а итог действия той самой социальной доктрины, с которой боролся Будда.

Принципиально важными для понимания наваяны являются взгляды Амбедкара на проблемы развития человека и общества. Первое его требование связано с необходимостью активной перестройки мира вместо ухода от проблем, существующих в нем. Следующее требование Амбедкара состоит в необходимости достижения свободы. Третье – в том, что главными являются отношения между людьми, а не между человеком и Богом. Амбедкар подчеркивал человеческое, а не божественное происхождение Будды, учение которого является посланием человека человеку. Больше всего Амбедкар ценил вклад Будды в разработку принципов гуманизма (с. 187–189).

Главный труд Амбедкара «Будда и его дхамма» («Будда и его учение о нравственности») был создан им в 1951–1956 гг. И если в первой его части Амбедкар преклоняется перед Буддой, то в конце книги он выступает как самодостаточный, самостоятельный духовный лидер. Реформированный буддизм и созданное на этой основе учение можно также назвать садхаммой, или собственной религией Амбедкара. Главные его положения: бескомпромиссная преданностьdalitам, полная ликвидация кастовой системы и брахманского превосходства, убежденность в том, что для ликвидации касты нужно отвергнуть индуизм как религию и принять альтернативную религию. Этот выбор предназначался не только дляdalитов, но и для остальных индийцев.

В начале своей общественной деятельности Амбедкар положительно отнесся к идеи индусских реформаторов о том, что индуизм в очищенной форме может в будущем стать универсальной религией. Однако к концу 1920-х – началу 1930-х годов он осознал всю тщетность попыток реформировать индуизм таким образом, чтобы найти в нем достойное место для неприкасаемых. Амбедкар заявил о своем решении отречься от индуизма и призвал махаров (представителей индийской общины, проживающей в основном в штате Махараштра и соседних районах) принять другую религию.

Впервые Амбедкар публично заявил о необходимости для неприсасаемых отречься от индуизма и принять другую религию 13 октября 1935 г. в г. Йеола, дистрикт Насик Бомбейской провинции. Через год по его инициативе участники 10-тысячного собрания махаров единодушно проголосовали за резолюцию, рекомендовавшую всем неприкасаемым порвать с индуизмом (с. 223).

Шестая глава посвящена социальному наследию Амбедкара, который выдвинул передdalitами три основные задачи. Первая и главная – учеба на всех уровнях: от простой грамотности до высших учебных заведений. Вторая – агитация за права бывших неприкасаемых. Третья – организация dalитов в группы, общества, политические партии. После принятия конституции Индии в результате действий государства из среды dalитов образовался слой довольно хорошо образованных людей. Они знали английский язык, читали работы Амбедкара. Они обрели свой голос: стали писать о себе, своей жизни и проблемах (с. 241).

Появилась dalitская литература, в которой отразился новый уровень сознания социальных низов. Лейтмотивом этой литературы были гнев и протест против существовавшего порядка вещей, основанные на личном опыте унижений, страданий, через которые прошли dalitские авторы и их семьи. Главные темы произведений: вековой апартеид, дискриминация и сегрегация, изолированность dalитов от всего остального общества, dalits – жертвы бесчеловечного насилия, закрепленного в индусской традиции. Dalitские писатели обращались не только к неприкасаемым, но и ко всем другим обездоленным и угнетенным, независимо от касты и вероисповедания (с. 243).

Автор подводит итоги жизненного пути Амбедкара в оценках индийских политиков. В частности, Джавахарлал Неру при-

знал, что его непримиримая оппозиция по отношению к угнетению в индусском обществе постоянно воздействовала на умы людей. Хотя Амбедкар был противоречивой фигурой, он сыграл очень конструктивную и весьма важную роль в деятельности правительства (с. 272). К.Р. Нарайнан (президент Индии в 1997–2002 гг.) подчеркивал, что «Амбедкар внес в национальное движение глубокое содержание и поставил перед ним дерзкую социально-демократическую задачу. Его жизнь – неустанная борьба ради достижения этой социальной цели, которая охватывала миллионы обездоленных в Индии».

*А.Д. Стрельцов**

* Стрельцов Алексей Дмитриевич – младший научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: dr.watson.s@mail.ru

ЖИЗНЬ НАУКИ

XIV КОНГРЕСС АНТРОПОЛОГОВ И ЭТНОЛОГОВ РОССИИ : сб. материалов. Томск, 6–9 июля 2021 г. / отв. ред. И.В. Нам. – Москва ; Томск : Изд-во Томского государственного ун-та, 2021. – 830 с.

Ключевые слова: миграции в пространстве Евразии; мониторинг межэтнических отношений; антропология религии; антропология туризма; музейная антропология; преподавание антропологии и этнологии; цифровая антропология.

Keywords: migrations in Eurasia; monitoring of ethnic relations; the anthropology of religion; the anthropology of tourism; the museum anthropology; teaching of the anthropology and the ethnology; digital anthropology.

Для цитирования: Уварова Т.Б. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН. РАН, 2022. – № 1. – С. 149–155. – Реф. кн. : XIV Конгресс антропологов и этнологов России : сб. материалов. Томск, 6–9 июля 2021 г. / отв. ред. И.В. Нам. – Москва ; Томск : Изд-во Томского государственного ун-та, 2021. – 830 с.

XIV Конгресс антропологов и этнологов России (КАЭР) проходил с 6 по 9 июля 2021 г. в онлайн-формате на базе Национального исследовательского Томского государственного университета. Организаторами конгресса выступили Ассоциация антропологов и этнологов России, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Национальный исследовательский Томский государственный университет. В работе конгресса приняли участие более 2000 ученых, представляющих научно-исследовательские учреждения, образовательные центры и общественные организации России и зарубежных стран. По числу участников это был самый представительный профессиональный

форум в истории проведения конгрессов, чему способствовали дистанционный режим участия и эффективное использование интернет-коммуникации организаторами конгресса. Приоритетной для конгресса была тема *поиска современной антропологией и этнологией ответов на социальные вызовы*.

На пленарном заседании были заслушаны пленарные доклады, тематика которых отражает разнообразие исследовательских интересов: Л.А. Абрамян «Фильмы Сергея Параджанова между этнографическим кино и псевдоэтнографией», Д.М. Бондаренко «“Культура отрицания” и борьба с расизмом: Гражданская война и отмена рабства в культурной памяти в США»; С.В. Васильев, Р.М. Галлеев, С.Б. Боруцкая «Компьютерная томография в палео-антропологических исследованиях»; Б. Грант «Коридорные разговоры сегодня: взгляд из Нью-Йорка»; О.Е. Казьмина «Миграционный кризис и христианская благотворительность: социальное служение и миссионерство американских евангеликов».

Всего на конгрессе были проведены заседания 58 секций, трех симпозиумов и восьми круглых столов, на которых были представлены основные научные направления современной антропологии и этнологии, актуальные проблемы этнокультурного развития России и зарубежного мира. Материалы первых пяти секций составили «миграционный блок», в котором всесторонне характеризуются различные аспекты миграций: как реальные процессы, а также историческая память о них. Представленные доклады освещают такие темы, как миграции в пространстве Евразии; мигранты и принимающие сообщества в городском пространстве; недобровольные переселения и групповая идентичность. Последствия миграций также привлекают внимание исследователей таких тем, как социальные, культурные и языковые проекции миграционных процессов; память мигрантов или миграция памяти: конфликты презентаций, риски забвения, стратегии трансформации.

Внимание к проблемам миграционных процессов обусловлено их значимостью для современного мирового развития, о чем свидетельствует и заявленная тема Всемирного конгресса антропологов и этнологов, который будет проходить в 2022 г. в Санкт-Петербурге, – миграции и коммуникации.

В традиционной этнолого-антропологической регионалистике (российские регионы – Поволжье и Приуралье, Северный Кав-

каз, Сибирь, Дальний Восток; зарубежные – Латинская Америка, Центральная Азия) с ее вниманием к этнокультурным особенностям населения очевидный интерес вызывают связанные с современными этносоциальными процессами инновационные явления. В их числе, например, такие, как неотрадиционализм и конструирование новой идентичности в контексте процессов глобализации / глокализации.

Этнографический туризм и музееведение в этом контексте приобретают новые смыслы, что нашло отражение в докладах секций «Национальные и этнографические музеи в постсовременности: смена диспозиции» и «Советское прошлое сегодня: повседневные практики, нарративы, музейные пространства» (секция памяти И.А. Морозова). Докладчиками рассмотрены различные аспекты актуализации советского прошлого в современных общественных и частных пространствах, а также используемые при этом практики, дискурсы и нарративы. Тема советского прошлого занимает все больше места в общественном сознании и культурной жизни как в России, так и за рубежом: в публицистике, в специализированных медиапроектах, в музейных экспозициях. В этом проявляются не только ностальгия или необходимость изживания перенесенных травм, но и потребность в освоении советского наследия, адаптации его отдельных элементов к нынешним реалиям. Советское прошлое рассматривается в двух модусах: как культурно-историческое наследие, в отдельных своих элементах воспроизводящееся в современных повседневных практиках и являющееся объектом исследования, и как символический конструкт, используемый в качестве инструмента для решения актуальных задач.

Дискуссионность подходов и оценок нашла отражение в материалах круглого стола ««(Не)настоящее наследие: наследие, которое мы сохраняем, конструируем, практикуем». На круглом столе с участием ряда ведущих российских и зарубежных специалистов предлагается обсуждение современных теорий и практик конструирования и использования культурного наследия – многоуровневого процесса производства смыслов, который также отчасти может быть описан терминами «сохранение», «актуализация», «репрезентация». Этот процесс основан на сложном балансе между множеством стратегий деятельности различных заинтересованных

ных сторон – ученых, политиков, активистов, имеющих разное влияние в различных сферах жизни. На наследие направлена многофункциональная агентность человека как члена этнических, языковых, профессиональных и иных сообществ.

Существенно расширилась тематика антропологического религиоведения, о чем свидетельствуют большое количество секций с далеко не традиционными исследовательскими ракурсами: «Цивилизационная деятельность русского православия в условиях социальных вызовов»; «Роль ислама в этнических процессах у народов Центральной Азии и Кавказа»; «Ислам и территориальность: культурная память, воображаемые пространства, идентичности»; круглый стол «Паломничество как объект и метод исследования в эпоху пандемии»; «Этноконфессиональная идентичность в условиях глобализации»; «Пространственное измерение религии в современном городе»; круглый стол «Мусульманские общества в цифровую эпоху: передача знаний и религиозная практика».

Значительно расширилось тематическое разнообразие докладов в секции «Историографические традиции российской этнографии и антропологии», обязательного историко-научного раздела всех уже состоявшихся общероссийских Конгрессов антропологов и этнологов. Историография этнографии / этнологии представляет собой важную и сложную научную область, о значимости которой сказано достаточно много. Современный уровень развития этой науки характеризуется повышенным интересом к истории академических исследований, изучению широкого круга историографических проблем, воссозданию образов конкретных ученых, общественной и просветительской деятельности. Ведущими темами для дискуссии на секции наряду с источниковедческими и историографическими сюжетами стали процессы институционализации в отечественной и зарубежной этнографии / этнологии, которые принимали различные формы. Начавшись в XVIII столетии, они интенсивно развивались с середины XIX в. в разных научных обществах, музеях и университетах.

Внимание уделяется и особенностям научных сообществ, сложившихся в процессе деятельности научно-образовательных институций, включая такие привлекательные для исследователей регионы, как Сибирь с ее исторической полиэтничностью. В част-

ности, в докладе Т.Б. Уваровой «Институт народов Севера: шаг в XXI в.» рассматривается деятельность специального образовательного учреждения, созданного в 1930 г. и отчасти заменившего собой административную структуру «Комитет содействия малым народам Севера» (1924) в советском правительстве. Институт, включенный в состав Государственного педагогического университета им. А.А. Герцена, устойчиво сохраняет свои традиции по подготовке кадров педагогов и сотрудников сферы культуры, владеющих языками коренного населения Севера и Сибири, в контексте сменяющихся исторических этапов развития России. Одними из главных достижений советской эпохи стали создание сотрудниками Института письменности для бесписьменных в прошлом малочисленных народов, распространение среди них грамотности на родных языках и обучение русскому языку. Между тем в сообществе педагогов, студентов и выпускников Института народов Севера, многие из которых – горожане уже не в первом поколении, существуют и этносоциальные проблемы, характерные для малочисленных народов Севера.

В секции «Теория и практика этнологической и антропологической экспертизы» 2020 год обозначен как новый этап в развитии современного общества. Пандемия, последствия которой еще неясны, внесла изменения в сложившийся миропорядок, способствовала появлению новых привычек, форм поведения, социальной коммуникации, деятельности. На ее фоне другие угрозы и вызовы человечеству «ушли в тень», но не стали слабее. Такие тренды, как глобализация, динамизация, цифровизация – с одной стороны, и угрозы – экстремизм, терроризм, экологический кризис, растущее социальное неравенство и расслоение – с другой, формируют социокультурную реальность, в которой живет современный человек. Эта реальность и определяющие ее процессы требуют не только комплексного изучения, оценки, но и практических действий, направленных на сохранение человека как вида.

В таких условиях гуманитарное знание приобретает значение экспертного, растет количество работ, позиционируемых авторами в качестве этнологической, антропологической, культурологической экспертизы. Одновременно увеличивается количество регулирующих документов и их проектов в виде, к примеру, распоряжений председателя Правительства РФ, проекта ФЗ об этно-

логической экспертизе и т.д. Одна из главных проблем, возникающих в этих областях, – отсутствие четкой позиции относительно объекта этнологической, антропологической и других видов экспертизы.

На секции обсуждались проблемы, связанные с антропологией субкультур, интернет-сообществ, закрытых групп, антропологией профессий. Предлагается рассмотреть вопросы, связанные с методологией экспертизы, осмыслить, что подразумевается под объектом этнологической и антропологической экспертизы, поделиться опытом проведения экспертизы и проанализировать примеры исследовательских практик.

В каждой из секций в русле главной темы конгресса обсуждались: актуальные проблемы и приоритеты антропологии и этнологии, междисциплинарные связи этих дисциплин, этнологического / антропологического образования и просвещения; феномен идентичности; национальная и языковая политика и мониторинг межэтнических отношений; поле и методы прикладной и неотложной антропологии в условиях социальных кризисов; антропология религии; широкий круг проблем, связанных с исследованием миграций, цифровой антропологии, новых трендов в антропологии туризма и музейной антропологии и ряд иных современных направлений антропологии. Значимое место занимает анализ достижений в области биологической антропологии, кросскультурных исследований, этологии.

Резолюция, принятая по итогам работы конгресса, обращена не только к дисциплинарному сообществу, но и к органам федеральной государственной власти РФ, Министерству науки и высшего образования РФ, Министерству просвещения РФ. Федеральному агентству по делам национальностей (ФАДН) предложено во взаимодействии с академическим сообществом осуществить корректировку работы системы мониторинга межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтов, адаптировав ее к особенностям субъектов и муниципалитетов Российской Федерации, придав ей большую оперативность и обеспечив большую корректность и эффективность оценок и рекомендаций.

Органам государственной исполнительной власти и органам местного управления субъектов федерации РФ рекомендуется создать на уровне субъектов и крупных муниципалитетов межведом-

ственные экспертные группы с участием научных работников для мониторинга межэтнических, этноконфессиональных и иных типов социально-культурных отношений на локальном уровне; а в приграничных субъектах РФ создать или актуализировать деятельность миграционных центров в целях адекватного реагирования на события, провоцирующие изменения миграционной ситуации, а также для решения проблем социального обеспечения мигрантов, их адаптации в принимающем сообществе.

*Т.Б. Уварова**

* Уварова Татьяна Борисовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), профессор Центра социальной антропологии РГГУ. E-mail: ethn.uvarova.tb@inbox.ru

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал
Серия 5

ИСТОРИЯ
2022 № 1

Художник обложки и художественный редактор М.Б. Шнайдерман

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор Я.А. Кузьменко

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Рег. № ПИ № ФС77-80873 от 21.04.2021
Подписано к печати 04.01.2022

Формат 60×84/16
Печать офсетная
Усл. печ. 9,75
Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)

Бум. офсетная № 1
Цена свободная
Уч.-изд. л. 7,5
Заказ № 97

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),**
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>, https://instagram.com/books_inion

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел. : (925) 517-36-91, (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литер У